

21-й ВЕК

ЖУРНАЛ ФОНДА «НОРАВАНК»

2(14)

ЕРЕВАН

2010

21-й ВЕК

информационно-аналитический журнал

2 (14), 2010

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гагик Арутюнян (координатор)
Тигран Саркисян
Мушег Лалаян
Севак Саруханян
Сергей Гриняев
Спартак Сейранян

РЕДАКЦИЯ

Гагик Арутюнян (главный редактор)
Севак Саруханян (зам. гл. редактора)
Лилит Меликсетян
(ответственный редактор)
Лусине Баграмян
(ответственный секретарь)
Рубен Мелконян
Тигран Арутюнян
Эдуард Даниелян

EDITORIAL BOARD

Gagik Harutyunyan (Coordinator)
Tigran Sargsyan
Mushegh Lalayan
Sergey Grinyaev
Sevak Sarukhanyan
Spartak Seyranyan

EDITORSHIP

Gagik Harutyunyan (Editor-in-Chief)
Sevak Sarukhanyan (Deputy Editor-in-Chief)
Eduard Danielyan
Lilit Meliksetyan (Managing Editor)
Lusine Baghranyan (Executive Secretary)
Ruben Melkonyan
Tigran Harutyunyan

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гагик Арутюнян</i> Распад «системы»: причины и последствия	3
<i>Игорь Багирян</i> Основное противоречие развития	11
<i>Эдуард Даниелян</i> Историческое значение армянской письменности, переводческой и оригинальной литературы в аспекте диалога цивилизаций	21
<i>Ангелина Гаспарян</i> Цивилизационное осмысление исторического восприятия идентичности	32
<i>Лианна Айвазян</i> Имидж страны и международные отношения: атмосфера XXI века	41
<i>Грант Микаелян</i> Внутренняя политика Современной Грузии	57
<i>Левон Овсепян</i> Реформы Совета Национальной Безопасности Турции в контексте ее политики по Евроинтеграции	70
<i>Михаил Агаджанян</i> Международная практика реализации прав перемещенных лиц на возвращение и компенсацию ущерба	82
<i>Анна Айвазян</i> Восточное партнерство и энергетическая безопасность ЕС	99
<i>Памятка автору</i>	111

РАСПАД «СИСТЕМЫ»: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Гагик Арутюнян

После коммунистов я больше всего ненавижу антикоммунистов...

Сергей Довлатов, «Соло на IBM»

В статье рассмотрены некоторые версии «распада» СССР и «соцлагеря» и их восприятие в отечественных экспертных кругах; проанализированы особенности взаимоотношений «советское общество» – «советская система», а также последствия произошедшего системного распада.

Прошло более 20 лет с того дня (9 ноября 1989г.), когда патрули ГДР, охраняющие символ биполярного мира и Холодной войны – «берлинскую стену», покинули свои посты и Германия де-факто объединилась. Осколки рухнувшей «стены» превратились в бойко продаваемые сувениры и тем самым как бы остались символами, но уже новой эпохи. Спустя же два года держава под названием СССР и «социалистический лагерь» в целом уже перестали существовать.

Произошедшее зачастую квалифицируют как «окончание Холодной войны», «победу демократии», однако можно встретить также определения типа «геополитическая трагедия» или же «цивилизационный коллапс». Как бы то ни было, «разрушение стены» возвестило начало новой, существенно отличающейся от предыдущей эпохи, порой именуемой «постмодерн». Не случайно, что международная общественность отметила двадцатилетие этого события с большой помпой: были организованы официальные торжества, а в СМИ и политологических кругах прошли широкие дискуссии. Между тем в отечественном информационном пространстве откликов на эту тему было не так уж и много.

Армянские реалии. 20 лет назад наша «берлинская стена» пролегла по Лачину, и объединение и относительное восстановление территориальной целостности в результате войны состоялось лишь в 1994г., когда было заключено соглашение о прекращении огня. В армянском обществе тогда доминировали идеи, имеющие в основном национальные и исторические корни. Это придавало определенное своеобразие происходящим общественно-политическим развитиям, которые, тем не менее, подчинялись логике глобального процесса раз-

рушения «соцсистемы» и создания нового миропорядка. Однако этот и последующий периоды, несмотря на отдельные попытки, до сих пор комплексно не изучены. Отчасти это является следствием того, что Арм.ССР, преобразовавшись в Третью республику, вышла из имперского научно-образовательного и культурного пространства, что должно было бы привести к ее неизбежной изоляции и заметному сужению кругозора общества в целом. Как следствие, сегодня у нас явления вне рамок локальных представлений оцениваются не всегда адекватно, а порой и не воспринимаются вообще.

В частности, системные изменения 90-х годов прошлого века несколько примитивно классифицируются всего лишь как «завоевание независимости», а некоторые исследователи даже полагают, что в СССР у Армении был статус колонии. Подобный сомнительный тезис является наследием незатейливых советских обществоведческих представлений, имеющих в своей основе методологию перманентной критики британского колониализма (а в дальнейшем и так называемого неоколониализма) советским агитпропом.

Преимущество Российской империи, Советский Союз, при всех своих минусах и плюсах, был уникальным явлением и фактически представлял собой крупный геоиологический проект. Сравнения с другими имперскими конструкциями в контексте этих реалий не всегда уместны, и дело тут не только в евразийской, континентальной природе советской империи. Статус, реальные права и обязанности всех народов СССР (включая русских) и их административных образований, практически ничем не отличались друг от друга. То же самое относится к не входящим в состав метрополии странам «соцлагеря»: более того, в этих, так называемых «вассальных», странах со свободами дела обстояли намного лучше. Некоторые же народы (в частности, в азиатской части СССР) благодаря подобной системе обрели письменность, литературу и современную культуру, в их автономных республиках и областях были основаны университеты, филиалы академии наук, оперы и филармонические оркестры, что сыграло решающую роль в их развитии.

Что касается Армении, то следует признать, что, несмотря на серьезные испытания, выпавшие на ее долю, как, впрочем, и на долю других народов СССР (репрессии, игнорирование и фальсификация национально-исторических вопросов и т.д.), советские годы для нас тоже стали важным этапом в плане научно-технологического и духовно-культурного развития.

Список превратных представлений о советском прошлом можно продолжить, однако заметим, что они не всегда являются наследием советского прошлого, в гуманитарной сфере которого господствовали официозные стереотипы: сегодня также отчетливо заметны тенденции манипулирования национальной памятью, свидетельствующие о применении современных технологий из области информационно-онтологических войн и *nation bulding*.

В результате, в СМИ можно встретить относящиеся к советскому периоду преимущественно «трагические» или «иронические» материалы, а также призывы вырваться из «когтей прошлого». Форма, дух и «черно-белые» подходы этих явно «экспортных» материалов удивительным образом напоминают критикуемый большевистский «агитпроп».

Вместе с тем, сегодня предпринимаются попытки более комплексного анализа нашей новейшей истории: издаются отдельные заслуживающие внимания исследования и воспоминания. Однако вследствие малого тиража подобной литературы, отсутствия соответствующего *PR* (что сегодня обязательно) и частичной утраты «книжной культуры» и чтения вообще эти исследования весьма слабо отражаются в информационном пространстве и не запечатлеваются в сознании общественности, в частности, молодежи.

Приведенные соображения отнюдь не предполагают создание «*Краткого курса истории ВКПб*» в сталинском стиле, в котором будут даны однозначные оценки недавнему прошлому. Подходы могут быть разными и даже взаимоисключающими, однако их наличие сформирует развитые представления в обществе о нашем достойно пройденном пути. Все это важно не только с познавательной точки зрения: известно, что осознание преемственности собственной истории является одним из краеугольных камней национально-информационной безопасности и национальной идеологии. Однако вернемся к «берлинской стене».

Последние двадцать лет в СМИ и экспертной литературе можно встретить много версий разрушения «стены». Значительная их часть довольно любопытна, однако всего лишь позволяет еще раз констатировать тот факт, что такое глобальное явление, как распад «соцлагеря», не могло произойти по причине лишь одного или даже нескольких обстоятельств.

«Внешний фактор». Главной «внешней» причиной распада «системы», конечно же, была координированная и последовательная военно-политическая (создание в Латинской Америке, Африке, Афганистане и в других «горячих точках» так называемых «черных дыр», поглощающих ресурсы «советов»), экономическая (достаточно вспомнить истощающие «гонку вооружений» и «звездные войны», манипуляции с ценами на нефть), информационно-психологическая (в частности, в виде радиопередач, в которых очень умело создавался безупречный «образ» Запада и мрачная реальность «соцлагеря», распространения «диссидентской» литературы и т.д.) борьба США и их союзников в Холодной войне против СССР и «соцлагеря», завершившаяся поражением последних. В то же время, в определенных историографических кругах распад системы порой интерпретируется исключительно как результат деятельности во время «перестройки» западных спецслужб и завербованных ими политических и экономических «агентов влияния». Заметим, что этим «агентам влияния» приписывают-

ся многие неблагоприятные дела и уже в постсоветский период.

Из этих, часто документально подтвержденных, наблюдений следует, что спецслужбы действительно сыграли важную роль в деле «распада». Существуют, например, свидетельства того, что не только среди рядовых граждан, но на самом высоком уровне советского руководства были персоны, действующие против СССР и в интересах США. В частности, эффективно действовала так называемая технология «Золотой осел»¹, предполагающая подкуп и соответствующее ориентирование нужных политических деятелей. Надо полагать, что вышеупомянутые методы внешнего воздействия – разумеется, в намного меньших масштабах – применялись в те годы в «армянских развитиях», и не исключено, что подобная методика применяется и сегодня.

В контексте вышеизложенного публичные выступления западных деятелей о том, что якобы процессы тех лет были для них «неожиданностью», звучат не очень убедительно: во время встреч «без прессы» они высказываются иначе. Например, в 1995г. президент США Билл Клинтон во время «закрытого» совещания с начальниками штабов заявил, что «проводимая в течение последних десяти лет против СССР политика доказала, что курс, направленный на уничтожение одной из сильных мировых держав, был верным ... Используя ошибки советской дипломатии, излишнюю самоуверенность Горбачева и его окружения, в том числе тех, кто занял очевидно проамериканскую позицию, мы добились того, что собиравшийся сделать президент Соединенных Штатов Трумэн посредством атомной бомбы» [1].

Наряду с этим следует признать, что США и союзники действовали в соответствии со своими национальными интересами, и обвинения в адрес Запада может и понятны в эмоциональном плане, однако не совсем убедительны: «условный противник» действовал в духе Холодной войны с применением принятых в этой войне методик. Крайне важно также то обстоятельство, что эти действия находили отклик в советском обществе. Некоторая часть так называемых «агентов влияния» действовала как бы по «идейным соображениям» и искренне считала, что необходимо любыми средствами изменить существовавшую систему, так как это пойдет на благо страны. Правда, при этом часто нивелировались понятия «родина» и «неудобная политическая система», как это имело место у российских социал-демократов накануне октябрьской революции 1917г., со всеми вытекающими отсюда известными последствиями. Таким образом, для распада системы налицо были также все «внутренние» предпосылки.

¹ Это выражение приписывают Филиппу Македонскому, который по одному поводу сказал, что для взятия городов нужно отправлять не солдат, а «загруженных золотом ослов», дабы «купить» противника. Подобная технология, называемая в экспертных и журналистских кругах «Золотой осел» и сопровождающая всю историю человечества, сегодня «легитимизировалась» и существенно усовершенствовалась (с учетом, в частности, множества «грантовых» программ и возможностей современной банковской системы). Она занимает важное и законное место в концепциях не только спецслужб, но и военно-политической, дипломатической и информационной сферы некоторых держав.

«Внутренний фактор». Советская система была создана в результате революционного насилия, и «террор» против собственного народа по разным мотивам и без оных продлился около 36 лет (1917-1953гг.), до смерти Сталина. Согласно данными «Комиссии по оправданию жертв политических репрессий» при президенте РФ, их число составляет около 32 млн человек, из коих 13 млн – в результате Гражданской войны, а часть огромного числа (около 30 млн) жертв Отечественной войны также можно объяснить «особенностями» тоталитарного режима¹. Жертвой террора стал не только «человеческий ресурс» и «человеческий капитал»: был уничтожен также огромный пласт духовно-интеллектуальных и культурных, а также материальных ценностей, столетиями создаваемый в многонациональной Российской империи.

Известно, что в постсталинский период «система» всего лишь смягчилась, и «национальный» и «человеческий» факторы по-прежнему не представляли особой ценности. «Перестройка» позволила всему советскому обществу, равно как и населению республик, имевших национальные проблемы, выразить накопившийся десятилетиями протест. Своеобразной формой недовольства «системой» была также сама политика «перестройки», проводимая партийной «номенклатурой» или, по крайней мере, ее определенной частью.

Именно это недовольство и формирование критической массы протестующих против «системы», резонируя с «внешним» влиянием по рецептам Холодной войны, разрушили «соцлагерь». Заметим также, что «распад» произошел тогда, когда началась информационная революция: в сложившихся новых реалиях уже невозможно было представить изолированные системы размером в 1/6 планеты, каковым был СССР. Нельзя также исключить, что если бы та «система» сохранилась до эпохи Интернета, то сценарии распада скорее всего происходили бы в более мягком режиме, т.к. у «протестной массы» были бы не отвлеченные, а более адекватные представления об окружающем мире.

Общество вне системы. Известно, что даже в «несвободных» государствах творческие общества находят формы своего самовыражения. В нашем случае этому очень способствовало то, что идея создания сильной советской державы и придание важности идеологическому фактору диктовали коммунистическому руководству создание целостного, развитого и широкомасштабного военно-промышленного, научно-образовательного и культурного комплекса. В результате, СССР (а в дальнейшем также его союзники²) превратился в страну с высококоразвитой наукой, технологиями и культурой, на основе которой был сформирован

¹ См. <http://www.lenta.ru/russia/2001/10/29/yakovlev/>. Отметим, что из заключения комиссии следует, что число подсчитанных жертв не полное.

² Отражением этих реалий является, например, тот факт, что некоторые страны «соцлагеря», несмотря на отставание в экономической сфере, по своим социально-здравоохранительным и ряду других критериев превосходят своих «капиталистически развитых» соседей.

рована новая, уже советская интеллигенция – носительница глубоких знаний и духовных ценностей. Воспользовавшись хрущевской «оттепелью» и частичными реформами, эта творческая элита, похоже, в определенной мере взяла на себя миссию духовного лидера советского народа.

Для значительной части общества гораздо важнее были не речи партийных лидеров или тезисы съездов, а слова и мысли пользующихся авторитетом ученых и писателей, удавшиеся книги и кинофильмы. Определенное значение приобрели «диссидентские»¹ и национальные движения: многие, несмотря на преследования, распространяли и читали так называемый «самиздат» и «тамиздат». Примечательно, что осуждаемая ранее система ценностей и ее носитель – герой множества анекдотов советский человек (*homo soveticus*), в отличие от нынешнего *homo economicus*, сегодня котируется достаточно высоко. В частности, как в Армении, так и в России некоторые священнослужители сегодня высказывают убежденность, что граждане атеистического СССР зачастую стояли намного ближе к истинным христианским ценностям и понятиям, нежели те, кто живет в условиях нынешней «свободы совести и религии» и соблюдает религиозную ритуалику. В этом контексте можно сказать, что, следуя перенятому у А.Чехова перестроечному лозунгу о необходимости «выжать из себя раба», постсоветское общество «выжало из себя» и некоторые весьма ценные качества.

Однако наряду с этим политическое мировосприятие «протестующей» части советского общества было более чем наивным и бесхитрым. Единственной альтернативой коммунистическому режиму представлялся идеализированный «свободный мир», и даже малейшее недоверие в отношении «Запада» воспринималось как выражение официальной пропаганды либо, по меньшей мере, как заблуждение. Понимание того, что западная модель также является своеобразной «системой» и не менее жесткой, пришло позже. Характерно, что публично эти реалии признали лишь очень немногие советские «диссиденты»: скорее всего, для многих подобное признание, подразумевающее пересмотр и переосмысление собственных взглядов, оказалось, наверное, в психологическом плане невозможным².

¹ Примечательно, что, согласно версиям российских политологов Сергея Кургияна и Александра Дугина, «диссидентским» движением в СССР руководил КГБ, поскольку комитет был недоволен «системой» (Ал. Дугин квалифицирует КГБ как «атлантический орден» в СССР). Известно что в мировой практике сотрудничество между спецслужбами и антигосударственными организациями – явление не экстраординарное. К тому же, специальные структуры, как правило, всегда бывают более осведомленными относительно царящей в стране ситуации, и в этом плане КГБ должен был еще в 70-х прогнозировать, что «система» перерождается и проигрывает Западу. Это, равно как и определенное взаимодействие (в контексте ряда документальных реаллий) элиты «диссидентского движения» и высших эшелонов КГБ, не звучит фантастикой. Однако считать, что диссидентским движением руководил КГБ и это стало основной причиной распада СССР, как это предполагают С.Кургиян и Ал.Дугин, конечно же, преувеличение.

² Среди них особое место занимает проф. Александр Зиновьев (1922-2006гг.), который за свою распространяемую «самиздатом» книгу «Зияющие высоты» в 1978г. был выслан из СССР. Вернувшись в «новую» Россию, он выступил с публичной критикой недостатков «западной системы» и опубликовал по этой проблематике фундаментальные научные труды.

Последствия и возможные перспективы. Распад СССР и «соцлагеря» произошел в режиме классической революции, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями: межнациональные войны, беженцы и беспризорники, резкий рост преступности, распад управленческой системы, резкое падение экономики и жизненного уровня (достаточно отметить, что по сей день ВВП далеко не всех постсоветских республик достигло советского периода), разрушение научно-промышленной и культурной инфраструктуры (конкретно в Армении научная сфера финансируется примерно 30 раз меньше, чем 20 лет назад), обнищание и, самое главное, деморализация общества. В этом контексте нелишне отметить, что в 1990-1995гг. в России годичный тираж журналов уменьшился почти в 17 раз [2]. В Армении спад интереса к литературе выразился в сокращении количества книжных магазинов: на сегодня в Ереване действует несколько книжных магазинов, хотя в свое время они исчислялись десятками. В политическом же аспекте оказалось, что геополитическое противостояние остается в силе, и вслед за Первой очень быстро наступила Вторая холодная война, во многом более изощренная (в частности, в информационной сфере) и опасная [3].

Можно констатировать, что организованная как некое мероприятие в советском духе «перестройка» была одним из тяжких преступлений, совершенных коммунистической номенклатурой. Безусловно, реформы можно было провести более обдуманно и в очередной раз не потерять накопленный в течение десятилетий советской державы «человеческий капитал», огромные духовные, интеллектуальные и материальные ценности и потенциал. Известно, что всего этого не избежала и Армения.

В то же время, распад «социализма» определенным образом отрицательно сказался также на одержавшем победу «свободном мире». Трудно не согласиться с теми западными исследователями (в том числе известным Имануилом Валлерстайном), согласно которым, отсутствие конкуренции систем в постсоветских реалиях в определенном смысле разложило Запад и привело к «постмодернистской» вседозволенности.

Знаменательно, что в современном почти всеобщем «демократическом», но вместе с тем не столь «свободном» мире формируется новое «инакомыслящее» движение. Современными диссидентами зачастую являются занимающие высокие позиции в обществе представители интеллигенции (как в свое время А.Сахаров или тот же Ал.Зиновьев), а порой даже государственные и политические деятели. Примечательно, что в политико-идеологической плоскости, хотя и в новой редакции, вновь активизировались социалистические постулаты. Происходящее можно условно назвать конвергенционными¹ процессами в стиле «пост-

¹ Согласно возникшей в 60-х годах прошлого века теории конвергенции (Джон Гелбрайт, Питирим Сорокин и др.), между социалистической и либеральной системами происходит определенное концептуальное сближение, встречное движение. В результате в США развивалась система государственного планирования, а в СССР – подход получения выгоды от экономической деятельности.

модерн», когда в отсутствие реальной «соцсистемы» взаимодействие происходит на идеологическом, в некотором смысле – виртуальном, уровне. Все это свидетельствует о том, что явления «системного распада» могут повториться и в дальнейшем, однако на этот раз в гораздо более глобальных масштабах.

Январь, 2010г

Источники и литература

1. *Ченгаев В.Л., Баленко С.В.*, Условия возникновения вооруженных конфликтов в 21-м веке на территории РФ и возможный их характер в период обострения военно-политической обстановки, «Военная мысль», #9, с. 2, 2009.
2. *Дубин Б.*, Pro et Contra. Т.13, # 1, с.6, 2009.
3. *Тер-Арутюнянц Г.*, Холодная война – 2, Голос Армении, 04.12.2003; *Тер-Арутюнянц Г.*, Многополярная и асимметричная Холодная война, Вестник Академии Военных наук, #4(21), с.23. 2007.

SYSTEM COLLAPSE: CAUSES AND RESULTS

Gagik Harutyunyan

Resume

The analysis of the causes and effects of the collapse of the USSR still remains one of the topical themes of the contemporary social science and, it is quite natural, that there are enough versions and theories in this sphere. At the same time there is an impression that in some works devoted to the study of the history of the “Soviet empire” the methodology, which is almost identical to the one used by the Soviet “agitprop” for the “defamation” of the British colonial system, is used. There is also simplified understanding of the causes of the “system” collapse, when only particular causes are considered, meanwhile such a global phenomenon was caused by a general complex of internal and external, objective and not only objective reasons. At the same time the place and the role of the society in the ideologized state should also be evaluated; the society which mostly shared official line. It is also characteristic that even after the collapse of the USSR and the “socialist camp” a kind of convergence on virtual level between the formerly confronting systems of governing still goes on.

ОСНОВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ РАЗВИТИЯ

Игорь Багирян

Какие бы мощные рычаги ни находились у мировой финансовой элиты, сгенерировать кризис было бы невозможно без работающей на него исходной концептуальной установки, которая заключается в представлении об экономике как ведущей, в решающей степени самодостаточной подсистеме общественных отношений. Сегодня ни одна страна в мире психологически не готова системно перейти к новым экономическим отношениям – синергетической экономике. Налицо противоречие между объективной необходимостью и психологической готовностью, рассматриваемое автором в контексте Основного противоречия развития.

1. Современное научное представление Основного противоречия.

Развитие в контексте эволюционной теории и синергетики

1.1 Синергетика о развитии

Историческое прошлое однозначно свидетельствует о том, что этапу радикальных, качественных изменений обязательно предшествует рост Хаоса.

Эта причинно-следственная связь: рост Хаоса – развитие, носит универсальный, сквозной характер от личности до общества в целом, и эта связь получила свое отображение в древнейших мифах, от Индии до шумеров.

Во второй половине XX века теоретическое осмысление указанной причинно-следственной связи стало одним из основных объектов метанауки – синергетики. Последняя ввела понятие точки бифуркации (на латинском разветвление) и аттракторов (от английского *attract* – притягивать). Первое понятие уточняет количественный аспект роста Хаоса перед этапом качественного перехода. Второе представляет развитие как возможность перехода к одному из вариантов (моделей) будущего, расположенных не линейно, один за другим, а в одной плоскости. В этом принципиальное отличие точки бифуркации: она позволяет осуществить резкий, дискретный рывок далеко вперед.

Это обстоятельство обусловило огромный практический интерес к использованию феномена Хаоса в управлении общественным развитием и предопределило материальное и организационное стимулирование теоретических исследований. Сказанное относится прежде всего к США, взявшим на себя глобальные имперские функции и, надо сказать, добившейся значительных прак-

тических результатов. Все последние «фруктово-овощные» революции являются примером технологии управляемого Хаоса. Другим примером выступают последние валютно-финансовые кризисы, включая нынешний.

Однако здесь начинает работать другой весьма важный феномен: все высокие технологии от ядерной физики, генной инженерии, психотропных воздействий до управляемого Хаоса, обязательно содержат неуправляемый, непрогнозируемый элемент, обуславливающий «эффект джина», выпускаемого из бутылки. Другими словами, незримо присутствует еще один субъект – подлинный хозяин Хаоса, цели которого неясны. В итоге процесс развития далеко не всегда носит рациональный характер. Здесь возникает аналогия с невидимой рукой А.Смита, но с существенным отличием: в случае А.Смита невидимая рука статистически усредняет и выводит на равновесную ситуацию, здесь же она, наоборот, взрывает стабильность и создает неожиданную ситуацию. Что же выступает первичным объектом технологии управляемого Хаоса?

1.2 Эволюционная теория и неинституционализм о развитии

С позиции эволюционной теории, это общественные институты и психология человека. Понятие института является важнейшим как в эволюционной, так и в институциональной теориях.

Общество, с одной стороны, можно рассматривать как взаимосвязанный набор функций, на которые имеется спрос. А с другой – общество состоит из индивидов, психические особенности которых определяют восприятие и реакцию на внешние события.

Институт представляет собой мост, один конец которого связан с общественными функциями, а другой – с психологическими особенностями, определяющими спрос на них. Сам институт проявляется через шаблоны, стереотипы поведения. Согласно Дугласу Норту, институт – это добровольно принятые кодексы поведения, ограничивающие индивидов. Дж.Ходжсон, современный лидер неинституционализма, автор «Манифеста современной экономической теории», считает что важнейшая основа института – привычка, рутинное поведение.

Институциональная структура снижает информационную неопределенность при принятии решений в повседневной жизни. Можно сказать, что институты автоматизируют, рутинизируют процесс принятия решений, делают его бессознательным, иррациональным. «Социальные институты формируют человека, и ему их существование кажется объективным, природным», - отмечает российский эксперт-социолог Алексей Тупицын.

Каждую организацию можно рассматривать как набор накопленных микроинститутов-рутин. Об этом довольно точно выразился институционалист Бенджамин Клейн: «Работники приходят и уходят, но организация сохраняет память и знания».

Именно эффект формирования институтов-рутин обуславливает устойчивость организации в пространстве и времени. Однако у феномена институтов или рутин есть серьезный недостаток, создающий проблему в процессе развития. Этот недостаток получил название институциональной (рутинной) ловушки – ситуация, когда институт или рутина продолжают сохраняться, будучи несвязанными с какой-либо полезной функцией.

В любой организации, в любой современной системе большая часть элементов технологии функционирования выполняются рутинно, механически. Уровень профессионализма в организации рассматривается как уровень выполнения рутинных модулей. Развитие организации – это замена одних рутин на другие.

«Самое вредное – это вовсе не невежество (незнание), а знание чертовой уймы вещей, которые на самом деле неверны», – утверждал американский институционалист Ф.Найт.

Поэтому долговременная выживаемость организации зависит от периодической рефлексии – анализа рутинных механизмов, начиная с целей организации.

Отсюда следует весьма важный практический вывод: при управлении социальными системами и обществом в целом в системах управления должна быть структура, задачей которой является анализ рутинных механизмов организаций или, другими словами, анализ элементов технологии функционирования организации и разработки новой технологии – новых рутин. Условное название такой организации – управление институциональным развитием.

В этом контексте неравновесная ситуация начинается тогда, когда изменение «рутины» достигает некоторой критической точки. Если это «рутина», связанная с технологическими процессами, то соответствующая инновация, за счет которой произойдет изменение «рутины», будет трансформационной, а если «рутина», связанная с организационно-управленческими методами, – институциональной.

Таким образом, равновесное состояние – это некоторое условное состояние, в котором совокупность «рутин» существенно не изменяется.

Согласно некоторым исследователям, создание инноваций есть внутренне присущий человеку институт. Поэтому динамика общества будет зависеть от того, насколько гармонично вписан этот институт в общую систему общественных институтов. Следовательно, эффективность общественной системы определяется структурой институтов. Именно структура институтов в решающей степени определяет темпы валового внутреннего продукта, влияя на эффективность и величину инвестиций.

Анализ эффективности общественной системы как совокупности институтов выступает главной задачей эволюционной экономики. Для ее решения необходимо было выдвинуть критерий эффективности.

В качестве такого критерия эволюционная экономика рассматривает тран-

сакционные затраты (*ТС*). К ним относятся затраты субъектов на информацию и защиту прав собственности. Причем к последним относится также защита от всех форм криминальных посягательств.

ТС выступают в качестве измерителя «трения» в частях общественной машины. Чем меньше *ТС*, тем лучше функционирует общественная система. В частности, феномен денег объясняется и необходимостью снижения *ТС*. Такое устойчивое явление в общественной жизни, как мафия, объясняется необходимостью снижения трансакционных затрат на защиту прав собственности в современных условиях. «Теневая» экономика имеет более высокий уровень *ТС*, но выживает за счет неуплаты налогов.

Затраты, связанные с непосредственной производственной деятельностью по созданию товаров, называются трансформационными (*ТП*). Соответственно, вся сфера народного хозяйства делится на два сектора: трансформационный (производство товаров плюс транспорт и связь) и трансакционный (страхование, правовая система, охрана, маркетинг, консалтинг и т.д.).

По существующей идеологии, мейнстрим, затраты на *ТС* включаются в валовой внутренний продукт (ВВП), т.е. $ВВП = ТС + \text{добавленная стоимость трансформационного сектора}$ (материальные затраты в *ТС* стремятся к нулю).

По оценкам ведущих западных экспертов, доля *ТС* в ВВП непрерывно растет, причем особенно стремительно – за последнее время. По оценке Дугласа Норта, эта доля в США выросла с 25% ВВП в 1870г. до 50% ВВП в 1970г.

Указанная тенденция вызывает все большую озабоченность ведущих экономистов. В этом контексте не случаен рецидив интереса к марксистскому подходу, согласно которому экономика делилась на производственную и непроизводственную сферы. При этом продукция непроизводственной сферы не должна учитываться в ВВП. Именно по такой схеме работала экономическая статистика СССР, и в этом было ее принципиальное отличие от системы национальных счетов.

Непроизводственная сфера выступает верхней границей *ТС*, точного перечня которых пока еще нет. Принципиально важно отметить жесткое заключение лидеров эволюционной экономики о том, что без адекватного нравственного поля, убедительного для хозяйствующих субъектов *ТС* будут неограниченно расти.

Интересно, что этот вывод четко коррелирует с заключениями Фукуямы. Он говорил о том, что в современную эпоху фактор доверия становится ведущим, так как именно уровень доверия в обществе (субъектов друг к другу, субъектов к государству) определяет уровень *ТС*.

Падение уровня доверия напрямую увеличивает второе слагаемое *ТС* (защиту прав собственности) и опосредованно первое (информацию). Дело в том, что продавец и покупатель изначально находятся в несимметричной позиции: продавец знает о товаре максимум, а покупателя все больше интересуют качественные стороны товара, которых он не знает. По мере роста товаров с различны-

ми качествами, при условии незаинтересованности продавца в передаче действительной информации, эти затраты тоже стремительно растут.

Значимость фактора доверия выражается, в частности, в том, что многие нефинансовые активы – такие, как «бренд», отражающий доверие к торговой марке, – оцениваются выше, чем материальные активы. В аспекте институциональной структуры это означает, что ведущими институтами становятся институты, ответственные за этическое развитие общества.

Технология управляемого Хаоса опирается на тот факт, что в менталитете любой нации существует глубинный фундаментальный слой, определяющий востребованность базисных общественных функций и выполняющих их базисных институтов.

В синергетике существует понятие базовой институциональной матрицы, формализующей глубинные психологические основы нации. Эта технология начинается с задействования цепочки: психологическая воздействие – создание атмосферы ненужности базисных функций и базисных институтов – замена базисных институтов искусственными конструкциями, не имеющими корней в национальной почве. В результате наступает потеря ориентации индивида в пространстве жизни – Хаос.

В то же время необходимо отметить, что игра с навязыванием институтов ведется достаточно честно. Имеется в виду, что во вполне доступной теоретической литературе по эволюционной и институциональной теориям отчетливо фиксируется тот факт, что простое заимствование институтов приводит их к нецелевому использованию (*bad fit*). Институт вырождается в чужой среде. Приводятся также распространенные формы вырождения чужеродных институтов:

- соблюдение правил по форме, а по содержанию – удовлетворение частных интересов,
- захват института в интересах какой-либо властной группы,
- манипуляция законом (пример – налоговое законодательство).

Так что основная ответственность в развивающихся странах все-таки лежит на экономистах первой волны независимости, освоивших азы *экономикса* и ничего не слышавших о других экономических теориях. Этот фактор и сегодня продолжает работать на усиление Хаоса.

1.3 Основное противоречие развития

Из состояния Хаоса любая социальная система имеет два выхода. Первый выход положительный, когда система выходит на более высокий уровень осознания своих базисных институтов и снижает общий уровень бессознательного при принятии решений. В этом случае Хаосу можно быть только благодарным.

И отрицательный, когда система гибнет и растворяется в других системах. В факте наличия двух вариантов выхода из Хаоса проявляется **основное противоречие развития**.

Суть его в том, что любая социальная система, начиная с отдельного человека, находящаяся в более или менее приемлемом для нее режиме функционирования, стремится его сохранить, с прогнозируемым улучшением отдельных параметров. Это находится в прямом противоречии с процессом развития, в котором переходу в новое качество предшествует этап Хаоса, то есть резкое изменение существующего стабильного положения. Средний гражданин (обыватель) все еще хочет жить в стационарном, упорядоченном обществе. Наступление синергетического этапа пугает его, оживляя атавистический страх Хаоса. В результате в обществе наблюдается устойчивый эффект, который Э.Тоффлер назвал «футурошоком» – массовый страх перед будущим. От того, как конкретная организация или человек воспринимает этап Хаоса, и зависит вариант выхода из него.

Чем меньше воспринимается в организации или обществе условность существующих институтов или рутин, тем меньше их инновационный, творческий потенциал.

Сегодня ни одна страна в мире психологически не готова системно перейти к новым экономическим отношениям – синергетической экономике. Таким образом, налицо противоречие между объективной необходимостью и психологической готовностью.

В результате современная инновационная экономика пошла по пути навязывания потребительских инноваций, что привело к резкому рассогласованию спроса и предложения практически во всех сферах. В подтягивание спроса до предложения была втянута финансовая система. Этот фактор послужил весомой причиной текущего глобального кризиса.

Не случайно формула выхода из кризиса имеет следующий вид:

- структурная перестройка реального сектора в направлении действительных, объективных потребностей общества.
- максимальный учет финансовой системой, проблем и задач реального сектора.

Отношение к Хаосу определяет потенциал развития организации, выраженный в людях, имеющих соответствующую психологию, и их положения в организации.

К сожалению, в развивающихся странах подавляющая часть социальных систем и населения имеет низкий потенциал развития.

В развитых странах по крайней мере достаточно интенсивно говорится о необходимости смены всей парадигмы управления: переходу к осознанному использованию технологии управляемого Хаоса.

2. Историко-психологические истоки текущего глобального кризиса Марксизм и экономикс (мейнстрим) – взаимодополняющие стороны одной медали

В мировой экспертной среде и общественном мнении доминирует версия о рукотворном характере всех последних валютно-финансовых кризисов, в том числе текущего. Безусловно, такой взгляд имеет весомые основания.

Но какие бы мощные рычаги ни находились у мировой финансовой элиты, сгенерировать кризис было бы невозможно без работающей на него исходной концептуальной установки. Этой исходной концептуальной установкой является представление об экономике как ведущей, в решающей степени самодостаточной подсистеме общественных отношений.

Значительную, если не решающую роль в распространении этой концепции стало учение К.Маркса об экономике как об определяющем базисе общественных отношений. И надо отдать ему должное, сделано это было достаточно фундаментально и талантливо.

Вряд ли найдется еще одна такая же работа, когда на основе последовательного применения одного метода, диалектики, создается стройная картина структуры общественных отношений и ее динамики. Не случайно поэтому во всех престижных экономических вузах учение К.Маркса занимает достойное место, а в Рокфеллер-центре (США) его портрет помещен на видном месте. Один из крупнейших западных экономистов как-то откровенно высказался о том, что на взгляды всех значимых экономистов так или иначе повлияло учение К.Маркса. С этой ролью К.Маркса все однозначно и ясно.

Неясно другое: почему в качестве альтернативы К.Марксу был выдвинут мейнстримовский экономикс, утверждающий то же самое – примат экономики, но на уровне психологии отдельного субъекта.

Причем надо отметить, что основной вклад экономикс в форме исследования поведенческих функций человека, который при этом рассматривается как роботизированное существо с целевым критерием максимума прибыли или минимума издержек, на порядок ниже.

Таким образом, и марксизм на уровне объективных законов (извне) и экономикс на уровне субъективной психологии (изнутри) указывали на один и тот же вывод о первичности экономики, то есть выступили двумя сторонами одной и той же медали.

Профессор Колендер (США) четко формулирует три основных базисных положения мейнстримовского экономикса: рационализм, эгоизм, равновесие. Субъект, руководствующийся этими принципами, получил название *homo economicus*.

С точки зрения лестницы потребностей известного социопсихолога А.Маслоу, *homo economicus* относится к ее нижним ступенькам. Укрупненно эту лест-

ницу можно разбить на две части. Нижние ступеньки относятся к человеко-животным (то есть к животным с интеллектом (безопасность, еда и одежда, секс, признание (уважение) в своей социальной группе, общественное признание, желание нравится) – привязанности и ограничения эго человека), и только верхние – к человеку духовному, собственно человеку (что такое Я, какое отношение оно имеет к Богу, в чем состоит миссия жизни?). Именно для удовлетворения потребностей эго и нужны деньги и власть. А.Маслоу отметил, что индивиды верхних ступеней при ухудшении материальных условий не опускаются вниз.

Таким образом, экономикс автоматически исключает наиболее существенную часть человечества, определяющую вектор его развития.

Подлинной альтернативой марксизму был, конечно, не экономикс а немецкая историческая школа, рассматривающая экономику как одну из областей выражения творческого духа и незаслуженно закрытая после Второй мировой войны.

С таким подходом созвучна позиция Шумпетера, рассматривающего общественное развитие как форму самовыражения героя-предпринимателя, называемого новатором.

В результате марксизм и экономикс создали мощную идеологическую основу для тотальной экономизации общества. Искусственно превращенная в самодовлеющую силу экономика начинает становится все более виртуальной: вначале опережающими темпами растет финансовый сектор, на втором этапе еще более опережающими темпами растет фондовый рынок (рынок ценных бумаг), наконец на третьем этапе внутри фондового рынка набирает размах наиболее виртуальная часть – производные финансовые активы (деривативы), которые внутри себя производят все более виртуальные активы. Наконец вся эта громоздкая опрокинутая основанием вверх пирамида с грохотом обваливается, и наступает кризис.

Мировая финансовая элита, которой приписывается авторство кризиса, теперь имеет все логические основания для обсуждения на высочайшем уровне необходимости постановки под единый контроль национальных финансов и введения единой мировой валюты.

Этот процесс довольно жестко направляется, но здесь, как это часто бывает в жизни, возможны всякие неожиданности. Речь идет, например, о возможном сближении Китая и Японии. Сегодня часть экспертов усматривает тенденции этого процесса. В случае его реализации возникнет новый сверхмощный полюс силы со своей идеологией, финансами, военно-промышленным комплексом, который, естественно, втянет в свою орбиту Юго-Восточную Азию. А с учетом наличия многочисленной, влиятельной, дисциплинированной китайской диаспоры роль этого полюса может стать критически высокой.

3.Классическая макроэкономика как выражение Основного противоречия. Глобализационные стратегические процессы и финансы

Термин «макроэкономика» ввел в обращение Дж.Кейнс, тем самым разграничив два типа воздействия на экономику: адресный, когда планируются и создаются определенные типы предприятий, – промышленная политика (японский термин); и макроэкономика, когда изменяются общие для всех параметры экономики. Эти общие параметры разделяются на две группы: налогово-бюджетные и денежно-кредитные. За первые отвечает правительство, за вторые – Центральный банк.

Перед макроэкономикой в классической ее форме ставится жесткая задача – обеспечить для бизнеса стабильную прогнозируемую среду. Такая постановка предполагает, что все предприниматели чувствуют себя комфортно именно в такой среде. Это априорное допущение оправдывало себя в прошлом, когда равновесные ситуации длились довольно долго.

Современный этап – этап синергетический, с высоким уровнем неопределенности, Хаоса.

Из сказанного следуют два вывода. Первый относится к предпринимателям: на современном этапе будут выживать те из них, кто больше приспособлен к меняющейся среде. Шумпетер, деливший предпринимателей на два типа, новаторов и консерваторов, отмечал, что к изменяющейся среде более приспособлены первые. Классическая макроэкономика ориентирована на второй тип – консерваторов.

В аспекте денежно-кредитной политики это связано с концепцией инфляционного таргетирования, когда Центральный банк дает прогнозные кривые инфляции и отвечает за их реализации.

Но на современном этапе обеспечение стабильности цен становится проблематичным даже на уровне государства, в том числе мощного. А для Центрального банка эта задача становится неподъемной. Об этом писал еще до кризиса известный экономист Кеннет Рогофф в статье «Миф о Центральных банках».

Второй вывод состоит во все большем осознании, что классическая постановка задачи макроэкономики вполне реальна только на уровне общего мирового управления.

Идущие в современном мире политико-экономические процессы однозначно свидетельствуют о росте тенденции к интеграции. Наиболее значимыми факторами, обуславливающими этот процесс являются экологические, социогуманитарные, экономические.

Что касается финансов, то нарастает понимание того, что огромный пестрый набор «банановых» валют вызывает неоправданный рост транзакционных затрат в процессе мировой торговли.

В то же время использование какой-либо национальной валюты в качестве мировой, как это произошло с долларом, дает возможность национальному государству с помощью печатного станка обложить остальной мир своеобразным налогом.

Таким образом, с одной стороны, есть понимание необходимости единой мировой валюты, а с другой – что она не должна быть национальной.

Настоящий этап можно назвать промежуточным: идет интенсивное формирование отдельных региональных блоков со своими валютами. В этом смысле Россия играет весомую роль, так как может войти как в Азиатский, так и в Европейский блоки.

Телевизионная трансляция подписания дипломатического протокола между Арменией и Турцией показала участие зарубежных дипломатических представителей самого высокого ранга. Это значит, что разблокирование коммуникаций с Турцией имеет для сильных мира сего стратегический характер.

Весьма вероятно, что есть проекты формирования нового экономического региона, в котором Турции отведена определенная роль. Хотелось бы, чтобы аналитические центры Армении попытались набросать возможные варианты структуры нового региона, место и роль Армении в нем.

Ноябрь, 2009г

THE MAIN CONTRADICTIONS OF DEVELOPMENT

Igor Baghiryan

Resume

There is a tough task before the macroeconomics in its classical form, i.e. to prove the stable and predictable environment for business. But at the current stage supporting stability is rather problematic even on a level of states, including the big ones, which conditions the development of globalization processes.

The unblocking of the communications with Turkey is of strategic importance for “the high and mighty”. It is highly probable that there are projects of the new economic region formation where a certain role is allotted to Turkey. It is advisable that the analytical centers of Armenia try to draw an outline of all the possible variants of the new region structure and the place and role of Armenia there.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ АРМЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ, ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ И ОРИГИНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В АСПЕКТЕ ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ¹

Эдуард Л. Даниелян

Письменность посредством переводческой и оригинальной литературы является важным фактором межкультурного общения. Армянское многовековое письменное наследие в сокровищнице мировой культуры в значительной степени способствует диалогу цивилизаций – гаранту безопасности мировой цивилизации.

В истории человечества зарождение и развитие письменности обусловили словесное сохранение духовных ценностей и их письменную передачу будущим поколениям. Письменные источники имеют первостепенное значение в изучении истории как истории цивилизации, поэтому «общества, имеющие письменность, оставили гораздо больше за собой, чем те, у которых ее нет» [1, pp. XIII-XV].

На стыке экономических, политических, духовно-культурных и социальных понятий в общей системе философии, термин «цивилизация» был введен в научное обращение с XVIII века применительно к определенным эпохам истории человечества [2, 3, с. 369]. Исследование основных компонентов цивилизации позволяет рассматривать диалог цивилизаций в контексте современных тенденций в геополитических процессах [4].

Культуре, как важной творческой сфере человеческой деятельности, придается первостепенное значение в понятии *цивилизация*.

Освальд Шпенглер: «Каждая культура имеет собственную цивилизацию... Цивилизация является неизбежной судьбой культуры» [5, pp. 31-32].

Виль Дюран: «Цивилизация – социальный порядок, способствующий культурному созиданию. Ее составляют четыре элемента: экономическое положение, политическое устройство, моральные традиции и стремление к знаниям и искусствам. Цивилизация начинается там, где заканчиваются хаос и ненадежность» [6, p. 1].

Арнольд Тойнби: «Культурные элементы являются сущностью цивилизации» [7, p. 1, 57].

¹ Доклад, прочитанный на всемирном общественном форуме «Диалог цивилизаций», Родосский форум, VII ежегодная сессия, октябрь 8-12, 2009, Родос (Греция).

Н.В.Клягин: «Понятие цивилизации может отождествляться с понятием культуры» [8, с. 3].

Культуры, как основные составляющие цивилизаций, наводят мосты между ними в силу имманентного для них творческого начала [9, pp. 298-303]. Между тем, согласно некоторым современным теориям о цивилизации, в нынешнем мире происходит нарастание конфликта культур с тенденцией перерастая в столкновение цивилизаций [10, pp. 1-3]. Однако разрушительные силы порождаются не культурным фактором, а, наоборот, его отсутствием.

В «Декларации прав культуры» Д.С.Лихачев, рассматривая культуру как главный источник гуманизации человеческой истории, пишет: «Культура является определяющим условием реализации созидательного потенциала личности и общества, формой утверждения самобытности народа и основой душевного здоровья нации, гуманистическим ориентиром и критерием развития человека и цивилизации. Вне культуры настоящее и будущее народов, этносов и государств лишается смысла» (Статья 2).

Согласно С.Н.Иконниковой, только гуманитарная культура может стать фундаментом этики, нравственности [11]. Джагдиш Чандара Капур видит мирное будущее народов через культурное созидание и сотрудничество, с сохранением национальной самобытности [12, p. 23], тем самым, рассматривая «человеческое будущее» как основу диалога цивилизаций [13, p. 26].

Статья 6 «Декларации прав культуры» гласит: «Культура каждого народа имеет право на участие в гуманистическом развитии всего человечества. Культурное сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войн». В *культурно-историческом наследии*, как «форме закрепления и передачи совокупного духовного опыта человечества» (Статья 1а), письменность имеет важное значение.

В истории развития письменных языков мира армянская письменность, являясь средством творческого созидания армянского народа и гарантом его национальной самобытности, имеет определенный вклад в мировую сокровищницу культуры, что высоко оценено в западноевропейской, а также русской литературе и историографии.

Дом Августин Калме (1672-1757) пишет: «Армения – колыбель цивилизации» [14]. Джордж Гордон Байрон в 1816г. посетил армянскую конгрегацию на острове Святого Лазаря и, одухотворенный армянской культурой и, в частности, литературным наследием, стал изучать армянский язык. Об армянах и Армении он пишет: «Каковой бы ни была их судьба – а она была горькой, – что бы ни ожидало их в будущем, их страна всегда должна быть одной из самых интересных на

Земле; и может быть их язык только требует большего изучения... Это богатый язык... Если Писание правильно истолковывается, в Армении был расположен рай... в Армении вода потопа первой спала и сел голубь» [15, pp. 8, 10-12].

Сергей Николаевич Глинка (1776-1847) осмыслил историю Армении в духе соприкосновения с истоками человеческой цивилизации [16, с. 77]. Он пишет: «На вершинах гор Армянских и по преданиям Библейским, и по преданиям народным остановилась вторая колыбель рода человеческого» [17, с. III].

Дэвид Маршал Ланг в том же духе пишет: «Древняя страна Армения расположена в высоких горах... Хотя Месопотамия со своими древними цивилизациями Шумера и Вавилона обычно рассматривается вместе с Египтом как основной источник цивилизованной жизни в современном понимании, Армения также может классифицироваться как одна из колыбелей человеческой культуры. Во-первых, как утверждается в Книге Бытия, Ноев ковчег остановился на вершине горы Арарат, в самом центре Армении... Придаем ли мы какую-либо важность Книге Бытия как историческому источнику, никто не может отрицать символическую важность ее сообщения о Ноевом ковчеге, которое хранят в памяти верующие и неверующие всего мира. Кроме того, Армения требует нашего внимания как один из основных очагов древней металлургии, берущей начало, по крайней мере, пять тысяч лет назад. Позднее Армения стала первым обширным царством, принявшим христианство как государственную религию, являясь зачинателем того стиля церковной архитектуры, который предвосхищает нашу собственную западную готику» [18, р. 9].

Корни зарождения и развития армянского языка (как отдельной ветви в индоевропейской семье языков)¹ и письменности в Армении уходят вглубь тысячелетий².

Античные авторы II-III вв. сообщают некоторые сведения об армянских письменах. Греческий софист и оратор Луций Флавий Филострат (ок.170-247гг.) пишет: «Говорят, что однажды в Памфилии³ была схвачена пантера; на ее золотом ошейнике было написано армянскими буквами: «Царь Аршак богу Нисы» [25, р. 172, 324b 4-11]⁴. Римский теолог и писатель Ипполит (III в.) упоминает армян в

¹ Предполагается, что начало диалектного членения общеиндоевропейского языка относится к V-IV тыс. до н.э. [см. 19, т. I, с. XLVIII, т. II, с.865, 898, 912-913; 20, т. 31-32].

² Об этом свидетельствуют пиктографическое письмо в петроглифах, на стенах некрополей и на культовой керамике (V-IV тыс. до н.э.) [21, т. 262], иероглифы [22, с. 64 и 237, прим. 261; 23, pp. 55-148], лексика и грамматические формы, сохранившиеся в клинописных источниках эпохи Ванского царства (IX-VII вв. до н.э.) [24, т. 124-129], а также храмовая письменность [22, с. 99]. а также храмовая письменность [22, с. 99].

³ К западу от Киликии.

⁴ Царя по имени Аршак, царствовавшего в Армении веками ранее Аршака II (350-368гг.), упоминают Корнелий Тацит (55-120гг.) в своем сочинении «Анналы» (в Арташате после армянского царя Зенон-Арташеса III царствовал сын парфянского царя Артавана III (12-38гг.) Аршак (34-35гг.)) [26, pp. 31-33], – и Мовсес Хоренаци в своей книге «История Армении» (Аршак Первый, сын воцарившегося в Армении Вагаршака – брата парфянского царя Аршака Великого) [22, сс. 68-69]. Посвященные самому молодому из олимпийских богов Дионисию [27, р. 88] несколько гор [28, р. 1185], а также городов назывались Ниса [25, 29, т. 174, 180].

числе народов (греки, евреи, римляне и др.) имеющих письменность [30, p. 58].

После крещения армян Св. Григорием Просветителем под эгидой царя Великой Армении Трдата III христианство впервые в мире было провозглашено государственной религией в Армении (301г.). В стране были основаны школы с преподаванием греческого и сирийского языков, с целью обучения устному переводу на армянский язык как Библии¹ во время богослужения, так и документов, поступающих в царскую канцелярию.

В конце IV века царь Великой Армении Врамшапук, католикос Армянской Апостольской Церкви² Саак Партев, Месроп Маштоц (361-440гг.) и армянские епископы, как пишет Мовсес Хоренаци (Vв.), создали собор «в заботах в деле об изобретении армянской письменности» [22, с. 192].

В процессе обучения учеников посредством найденных в Месопотамии епископом Даниелом письменных знаков выяснилось, что эти письмена недостаточны для выражения всех слогов армянского языка, «поскольку эти письмена были погребены под другими письменами и затем воскрешены...» [33, էջ 203].

Согласно армянскому историку V века Лазарю Парпеци, Маштоц был уверен в существовании армянских письмен [34, էջ 30]. В процессе поисков армянских письмен одну группу своих учеников Маштоц отправил в Самосат, другую – в Эдессу с целью подготовки к переводу Библии с греческого и сирийского языков. Ученик Св. Месропа Маштоца вардапет Корюн и отец армянской историографии Мовсес Хоренаци пишут, что деяние Маштоца было освящено Десницей Бога. Корюн пишет, что Маштоц «претерпел много лишений в деле оказания доброй помощи своему народу. И ему было даровано такое счастье всемилостивейшим Богом святой Десницей своей, он как отец породил новое и чудесное дитя – письмена армянского языка. И он поспешно начертал, дал названия и расставил, расположил их по силлабам-слогам» [33, էջ 204]. Прибыв в Самосат, Маштоц (с помощью Ропаноса, каллиграфа греческой письменности) «оформил и окончательно начертал все различия письмен... и приступил к переводам вместе с двумя своими учениками. Одного из них звали Иован из гавара Екелик, другого – Овсеп из Пахнатуна» [33, էջ 205].

Армянский язык, благодаря своему развитию на протяжении тысячелетий, к началу V века достиг такого совершенства, что после создания армянского алфавита (405г.) Св. Месроп Маштоц вместе со своими учениками приступил

¹ И. Маркварт высказал мнение, что Св. Григор Лусаворич (Григорий Просветитель) с юношеских лет был знаком как с греческим, так и армянским языками [31, էջ 120].

² В первой половине I в. н.э. была основана Армянская Апостольская церковь проповедью апостолов Св. Фаддея и Св. Варфоломея, согласно Мовсесу Хоренаци, во времена армянского царя Абгара. Евсевий Кесарийский [32, p. 31, 32] и Мовсес Хоренаци сохранили «Послание Абгара к Спасителю» и «Ответ на послание Абгара, написанный апостолом Фомой по приказанию Спасителя» [22, сс. 81-89].

к переводу Библии с древнегреческого на древнеармянский язык, *грабар*. Перевод Библии они начали с притчей Соломона, и первым предложением было: «Познать мудрость и наставления, понять изречение разума». Вернувшись в Армению, Св. Месроп Маштоц со своими учениками после Ветхого Завета перевел на армянский язык Новый Завет [22, с.193]¹.

Изобретение армянского алфавита Св. Месропом Маштоцем ознаменовало новую веху в истории армянской культуры. Древнеармянский язык был настолько богат, а созданное месроповским алфавитом переводческое и оригинальное литературное наследие настолько совершенно, что V век считается «Золотым веком» истории армянской культуры. Просветительская жизнь Армении протекала, говоря словами Егише, под девизом: «Лучше быть слепым глазами, чем слепым разумом» [35, с. 33].

Сергей Глинка, обратив внимание на сообщения Корюна и Мовсеса Хоренаци о божественном видении Св. Месроп Маштоца, отметил: «Будто бы по вдохновению Св.Месроп изобрел армянские буквы...». Упомянув высокую оценку М.Лакроза (1661-1739), назвавшего армянский перевод Библии «царицей переводов», Сергей Глинка отметил, что точности перевода «без сомнения, способствовала также сила армянского слова» [17, ч. II, с. 90].

Валерий Яковлевич Брюсов (1873—1924), говоря о высоком уровне развития армянского языка задолго до создания Св.Месропом алфавита, пишет, что после изобретения письмен быстрое развитие национальной литературы на родном языке «заставляет предположить, что ей предшествовали создания армянских писателей не только на чужих языках. Современная наука отказывается допустить, чтобы один и тот же век видел и само рождение армянской письменности, и ее богатое цветение, выразившееся в превосходном переводе Святого Писания..., и в последовавшем затем «Золотом веке» армянской литературы. Поэтому предполагают, что еще до изобретения письмен существовали зачатки армянской письменной литературы... Но вся эта древнейшая письменность погибла, и для нас армянская литература начинается не ранее, как с V в. по Р.Х.» [36, с. 45].

В V веке в Армении наряду с фундаментальным развитием национальной школы процветает армянская переводческая и оригинальная литература. Высокий уровень переводов обеспечивался благодаря усилиям армянских ученых, которые блестяще владели родным языком и продолжили свое научное и богословское образование на греческом и других языках в известных центрах античной науки и культуры – в Афинах, Александрии и др. [37, сс. 142-143].

¹ Св. Месроп Маштоц создал письмена также для грузинского и гаргарейского (одного из племен Алуанка на левобережье р.Куры) языков [22, сс. 193- 194; ср. 33, с. 209, 212].

С греческого на армянский язык были переведены «Грамматическое искусство» Дионисия Фракийского, 14 трудов Филона Александрийского, «Повесть об Александре Македонском» Псевдо-Каллисфена, «Истолкование апостольской проповеди» и «Против ересей» Иренея, «О риторических упражнениях» Теона Александрийского, «Опровежение решений Халкедонского собора» Тимофея Элура, «Введение» Порфирия, «Категории» и «Об истолковании» Аристотеля и другие труды [37, сс. 186-188]. Один лишь перечень переведенной литературы свидетельствует о широком научно-познавательном интересе армянской философской и исторической научной мысли к античному наследию, что дало основание называть армянских переводчиков представителями греко-фильской школы в Армении [38]¹.

В процессе переводческой деятельности происходило творческое осмысление и применение определенных терминов [37, с.140] и текстов на основе армянского словарного фонда. Благодаря армянским переводам сохранились «Хроника» Евсевия Кесарийского [39, р. XIV], «Апология христианской веры» Аристида Афинского, 7 трудов Филона Александрийского, «Определения» Гермеса Трисмегиста, «О свободе воли» Мефодия Олимпийского, «Против ересей» Епифания Кипрского др., древнегреческие оригиналы которых с течением времени были потеряны.

В V веке наряду с переводческой литературой развивалась оригинальная литература – историография и философия, представленные трудами Агафангела, Павстоса Бюзанда, Корюна, Мовсеса Хоренаци, Егише, Лазаря Парпеци, Давида Непобедимого, Езника Кохбаци и современных им других авторов. Творческое наследие плеяды армянских мыслителей и ученых «Золотого века» имеет важное источниковедческое значение для изучения истории Армении и армянского народа, а также соседних стран и народов.

О жизни Св. Григория Просветителя и крещении армян повествует Агафангел в своей книге «История Армении». Корюн в книге «Житие Маштоца» подробно пишет о жизни и деятельности своего учителя Св. Месропа Маштоца. В своей книге «История Армении» Павстос Бузанд излагает историю царства Великой Армении периода с первых десятилетий IV века до римско-персидского раздела Армении (сер. 80-х гг. того же века).

Венцом армянской историографии является труд Мовсеса Хоренаци «История Армении», который состоит из трех частей и включает в себе историю армянского народа с древнейших времен до начала 40-х гг. V в. Мовсес Хоренаци написал «Историю Армении» с глубоким знанием исконных этнических

¹ Армянский народ в память о деятельности переводчиков ежегодно (в октябре) отмечает один из любимых национально-церковных праздников – День Святых Переводчиков.

корней армянской государственности, свободолюбивого духа армянского народа, отражающим его приверженность к национальным и христианским духовным ценностям.

Егише является автором нескольких трудов, из которых наиболее известна книга «О Вардане и войне Армянской» (450-451). Лазарь Парпеци также посвятил труд освободительной борьбы армянского народа («История Армении») во главе с Варданом Мамиконяном, а затем Ваганом Мамиконяном (481-484).

Основываясь на армянских источниках, Сергей Глинка противопоставляет идеологии чужеземных завоевателей нравственные устои армян по защите Отечества, ибо «по коренному духу нравственных свойств своих... оборона Отечества, защита родной независимости, противоборство покушениям внешнего насилия: вот главная цель их вооружений» [17, с. VII].

В IV в. большой известностью пользовался армянский мыслитель, оратор и педагог Проэресий (Паруйр Айказн) (276-367) [40, р. 480; 37, с. 25].

Философ и богослов, поборник вероисповедания Армянской Апостольской Церкви Езник Кохбацци в своем сочинении «Опровержение ересей», защищая христианское вероисповедание, подробно рассматривает философские воззрения античных авторов, а также подвергает критическому анализу зороастрийскую религию (которую Сасаниды превратили в идеологическую прислужницу своей завоевательной политики) и разные ереси.

Давид Анахт (Непобедимый) является выдающимся представителем армянской философской мысли V в. Из его трудов наиболее известен «Определения философии». Давид Анахт, характеризуя определения философии, приводит также классификацию наук: натурфилософия, математика, теология. Наилучшим средством познания природы Анахт считал философию, ибо ее главной задачей является выявление тех путей, следуя которым можно избежать зла и через добро достигнуть духовного совершенства – добродетели. На протяжении веков философские воззрения Давида Анахта имели фундаментальное значение в развитии армянской философской мысли.

На основе достижений «Золотого века» армянская культура и образование достигли новых высот в Великой Армении и во времена армянского царства Багратидов (885-1045) и далее, в Армянском государстве (1080-1198гг. княжество, с 6 янв. 1198-1375гг. – царство) Киликии.

В Гладзорском университете (1280-1340), который современники называли «Матерью мудрости», «Домом мудрости», «Вторые Афины», и Татевском университете (1390-1435), продолжая традиции предыдущих эпох, преподавание велось на основе научных предметов тривиума (грамматика, риторика и диалектика) и квадравиума (арифметика, музыка, геометрия и астрономия), со-

ставляющим «семь свободных искусств», систематизации которых, в свое время, в огромной степени способствовали труды Давида Анахта [37, с. 295].

Армянская средневековая культура, вобрав в себя достижения предыдущих эпох, привнесла новые ценности в сокровищницу национальной и мировой культуры. Как писал Валерий Брюсов: «Армения – авангард Европы в Азии», эта, давно предложенная формула правильно определяет положение армянского народа в нашем мире. Историческая миссия армянского народа, подсказанная всем ходом его развития, –искать и обрести синтез Востока и Запада. И это стремление всего полнее выразилось в художественном творчестве Армении, ее литературе и поэзии» [36, с. 27].

На современном этапе геополитических процессов, считая историческую истину краеугольным камнем межцивилизационного диалога, Владимир Якунин пишет: «Человеческие общества являются постоянно развивающимися идентичностями, находящимися в постоянном движении. Философия их эволюции определяется историческими условиями, в которых они формировались. В разные периоды этот процесс приобретает отличающиеся аспекты, и он всегда прямой и, более того, предсказуемый <...> Было бы мудро подходить к установленным целям и выбирать средства в процессе последовательной аппроксимации, придерживаясь исторической истины и без нарушения единства универсального и особенного в процессе дискуссий о роли и месте межцивилизационного диалога, направленного на сближение народов и рас» [12, р. 141].

В концепции диалога цивилизаций основополагающей идеей является принцип предотвращения кризиса глобальной безопасности¹. Тем самым, сотрудничество между суверенными народами и государствами посредством *диалога культур* [42] рассматривается важным принципом в диалоге между цивилизациями.

В аспекте онтологического принципа, исходя из важности идеи диалога цивилизаций, В.Сегесвари пишет: «Межцивилизационный диалог должен быть основан на взаимном понимании», которое «требует твердой приверженности собственным цивилизационным ценностям и мировоззрения для того, чтобы оценивать различия с другими. Мы не можем понять фундаментальный порядок бытия и существенный порядок вещей во вселенной, без нашего места в них» [43, pp. 8-9].

¹ Intercultural Dialogue and Conflict Prevention Project, Expert Colloquy, Dialogue serving intercultural and inter-religious communication, Strasbourg, 7 to 9 October 2002, Council of Europe, Role of Religion in the 21st Century. Prevention of Crisis among Civilizations, Contribution by Prof. Masanori Naito, Directorate General IV: Education, Culture and Cultural Heritage, Youth and Sports, Directorate of Culture and Cultural and Natural Heritage, Cultural Policy and Action Department, DGIV/CULT/PREV-ICIR (2002) 4E, 3.

Философское осмысливание цивилизационного будущего человечества базируется на выявлении и углублении путей диалога между цивилизациями, беря за основу исторический опыт каждого народа в отдельности и мировой цивилизации в целом [44, pp. 7-17]. Необходимо осознавать и на международном уровне реально осуществлять защиту культурно-исторического наследия каждого народа (памятники архитектуры, произведения искусства, рукописи и т.д.), и в особенности армянского народа, на территории его родины, включая ее исторические части. Это может стать гарантом безопасности мировой цивилизации посредством диалога цивилизаций.

Письменность – важное звено межцивилизационного общения в системе культурно-исторического наследия. Армянская письменность, представленная оригинальной и переводческой литературой, в контексте исторических реалий, характеризуемых языковыми, духовно-культурными, этно-демографическими и социально-политическими особенностями, имеет богатые традиции в развитии цивилизационных и межкультурных связей, способствующих диалогу цивилизаций.

Январь, 2010г

Источники и литература

1. The Mainstream of Civilization. Sixth edition, New York, 1990.
2. *A. Ferguson* An Essay in the History of Civil Society. Edinburgh, 1767.
3. *Ионов И.Н., Хачатурян В.М.*, Теория цивилизаций от античности до конца XIX века, СПб, 2002, http://abuss.narod.ru/Biblio/ionov_civ.htm
4. *Danielyan E.L.*, Civilization's Theory in Geopolitical Conceptions. – XXI century, N1, 2009, pp. 57-72.
5. *Spengler O.*, The Decline of the West. Form and Actuality, vol. 1, 1945, New York.
6. *Durant W.*, The Study of Civilization. Part I, Our Oriental Heritage. New York, 1954.
7. *Toynbee A.*, A Study of History, vol. II, Oxford University Press, London, New York, Toronto, 1955.
8. *Клягин Н.В.*, Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). М., 1996.
9. *Danielyan E.L.*, Cultural Basis of the Dialogue of Civilisations. – Scientific magazine «Logos», Tbilisi, 2008.
10. *Huntington S.P.*, The Clash of Civilizations. Foreign Affairs. Summer 1993, v 72, N3.
11. *Иконникова С.Н.*, История культурологии: идеи и судьбы.- СПб., 1996, <http://www.countries.ru/library/uvod/ks.htm>.
12. *Kapur J.Ch.*, Dialogue of Civilizations: a Philosophy for a Humane order // *Vladimir I. Yakunin, Jagdish Chandra Kapur, Nicholas Papanicolaou*, Dialogue of Civilizations in the Contemporary Epoch, Englewood, NJ, 2008.

39. *Eusebius*, The History of the Church, London, 1989.
40. *Philostratus and Eunapius*, The Lives of the Sophists, Cambridge, 1961.
41. *Yakunin V. I., Kapur J., Papanicolau N.*, op. cit., p p. 141.
42. *Lyndon H. La Rouche, Jr.* Earth's Next Fifty Years. Executive Intelligence Review. The Dialogue of Eurasian Civilizations, December 19, 2004 www.larouchepub.com/lar/2005/3201_next_50_years.html.
43. *Segesvary V.*, Inter-civilizational relations and the destiny of the West : dialogue or confrontation? Lewiston, N.Y. 1998.
44. *Danielyan E.*, The Fundamental Questions of Armenian History in the Light of Tendencies of Modern Democracy. Armenian Philosophical Academy, "Armenian Mind", Vol. V, No. 1-2, 2000.

THE HISTORICAL SIGNIFICANCE OF ARMENIAN WRITING; ORIGINAL AND TRANSLATED LITERATURE AS AN ASPECT OF THE DIALOGUE OF CIVILIZATIONS

Eduard L. Danielyan

Resume

Philosophical comprehension of the civilizational future of the mankind is founded on revelation and deepening of the ways of the dialogue among civilizations. It is necessary to comprehend and realize on the international level the protection of cultural-historical heritage of each people. It may become a guarantee of the security of the world civilization by means of the dialogue of civilizations.

In the system of cultural-historical heritage writing is an important link of the inter-civilizational relations. Armenian writing, in the context of historical realities, characterized by linguistic, spiritual-cultural, ethno-demographic and socio-political peculiarities and represented by original and translated literature, has rich traditions in the development of inter-cultural relations, promoting the dialogue of civilizations.

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ангелина Гаспарян

Осмысление исторического восприятия идентичности – одна из актуальных проблем современного мира в условиях глобализации и высоких технологий (ИТ). В статье анализируется цивилизационное осмысление идентичности в широком контексте комплекса проблем, связанных с армянскими реалиями.

Историческая память, историческое сознание, восстановление исторической справедливости – это те составляющие, которые заложены в нравственных основах армянского народа.

В силу этого особое значение приобретает тема «присвоения чужой истории» и «чужой культуры» в межцивилизационных и международных отношениях, поскольку искажение исторических фактов и событий автоматически создает нездоровую атмосферу во взаимоотношениях народов и государств. В частности, основной источник кризиса во всех сферах человеческой деятельности (экономической, историко-правовой, норм международного права) – «культ некомпетентности». Это словосочетание порою, если не часто, подменяется или прикрывается другим понятием – «политический прагматизм», который, как правило, используется для отрицания права на восстановление исторической справедливости.

Столкновение цивилизаций – одна из болевых проблем человечества в условиях глобализации, всемирного экономического кризиса и распада духовных ценностей. На наших глазах происходит исламизация Европы, принимающая формы, угрожающие дальнейшему сохранению идентичности континента. Духовные ценности христианства в Европе, объединяющие европейские нации на протяжении длительного исторического периода, оказались на грани кризиса. Хотя на Западе многие предпочитают не говорить об этом, но совершенно очевидно, что сегодня Европа стоит перед лицом пока еще приглушенной, но назревающей борьбы между христианством и исламом. В контексте происходящих событий особое значение приобретают межцивилизационные отношения, где историческое сознание как одна из форм проявления идентичности выдвигается на первый план. Постоянное обращение к прошлому, его переосмысле-

ние всегда остается актуальным. История прошлого – необратима, но живая история зависит от нас. Невозможно решить насущные проблемы современности без осмысления прошлого, без решения вопросов, связанных с ним, в том числе и творческих. Творческое отношение к прошлому, историческому опыту народа, государства, наций становится важнейшим критерием правдивого освещения прошлого и настоящего для того, чтобы на земле упрочилась стабильность, тогда как столкновение цивилизаций может привести к великим потрясениям. К таким потрясениям можно отнести и современный экономический кризис, который является «продуктом нерегулируемой глобализации» и огромного накопления капитала транснациональными компаниями [1]. На конференции Генеральной ассамблеи ООН (24-26 июня 2009г., Нью-Йорк) представители всех стран-участников единодушно признали, что «источник кризиса – развитые государства, а главные жертвы – развивающиеся страны». «Алчность экономической модели» развитых стран давно развеяла все иллюзии относительно риторических декламаций Запада о справедливости и равенстве. Одним словом, на практике глобальный мировой порядок функционирует лишь для «обогащения богатых». Именно этому миропорядку служит новый передел мира, перекройка границ, возникновение или исчезновение государств – диктат геополитических и геостратегических целей ведущих держав.

Действительно, прошлое в каком-то смысле не после нас, а перед нами. Яркий тому пример – стремление армян освободиться от османского ига в конце XIX – начале XX вв. Армянский народ, переживший геноцид в Османской империи, всегда стоял перед угрозой уничтожения. Армянский вопрос, как составная часть Восточного вопроса, стал занимать определенное место в политике западноевропейских стран и России в соперничестве за влияние на Ближнем Востоке и, в целом, в Передней Азии. Еще Наполеон говорил: «Кто будет владеть Константинополем, тот будет владеть всем миром». В действительности на этом поствизантийском пространстве хотели и хотят установить свой диктат все мировые силы. Главное здесь – контроль или давление на разных направлениях: на Европу, Россию, Китай, Иран, Ирак и Индию.

Известный русский философ начала XX века Николай Бердяев писал: «Образование великой Турции, ее власть над христианскими народами – это была кара, ниспосланная за грехи Византии и христианских народов Европы. Турция, как великая империя, всегда держалась взаимной ненавистью и распрями христианских народов. Сохранение *status quo* в Турции было низкой, трусливой и завистливой политикой европейских держав» [2, с. 187]. Таким образом, России не давали возможности «выявить в мире свою мощь и исполнить свое предназначение».

ние. И если эта беспримерная война не решит Восточного вопроса, то человечеству грозят страшные войны. Нередко сохранение *status quo* означает сохранение огнедышащего вулкана, который раньше или позже извергнет лаву» [2, с. 188].

Ключ к пониманию данного отрывка в той решающей причине – пассивной роли русской дипломатии того времени в Армянском вопросе, когда кайзеровская Германия в противовес Англии и России стремилась овладеть богатствами Востока и утвердить свое могущество в этом регионе. Россия, в свою очередь, считала, что Трапезунд должен стать границей русских, а река Ефрат – границей России. Столкновение геополитических интересов Германии и России обернулось трагически для армян, поскольку всем ходом истории было доказано, что армяне не порвут дружбу с русскими, и армянские вооруженные отряды в царской армии представляли серьезную опасность для противников Российской империи. Но также было совершенно очевидно, что Армения нужна была Российской империи лишь как плацдарм для войны с турками, и император России не дал бы Армении стать самостоятельным государством. «За ошибочную политику умовения рук, зависящей всецело от ее воли, Россия заплатила сперва потерю политического авторитета в Малой Азии и доверием христианских народов, которые полагали в ней единственную надежду своего освобождения» [3, с.7].

Так или иначе, Армянский вопрос всегда был и остается разменной картой в руках великих держав в перекройке границ и территорий. Не случайно, что еще со времен султана Абдул Гамида европейская общественность закрывает глаза на фальсификацию и подтасовку исторических фактов со стороны Турции, а теперь и Азербайджана.

Тема «присвоения чужой культуры» и «чужой истории» в особенности актуальна сегодня в междоцивилизационных и международных отношениях, поскольку искажение исторических фактов и событий уже автоматически создает нездоровую почву во взаимоотношениях народов и государств. В частности, тенденция Турции и Азербайджана, не говоря уже о Грузии, к «присвоению чужой культуры и чужой истории» продолжается по сей день. Известный армянский востоковед, академик Г.Саркисян писал: «По какому критерию азербайджанские ученые (З.Бунятов и Ф.Мамедова) определяют принадлежность деятелей этнокультуры средневековья, объявляя Низами, который родился от матери-курдянки и, пренебрегая турецким этносом, творил исключительно на персидском языке, и Хакани, восхвалявшего свою мать-ассирийку на персидском языке, азербайджанскими поэтами, отказывают, отрицают принадлеж-

ность Гандзакеци¹ и Мхитара Гоша² армянской культуре, хотя они не только писали, творили на армянском языке, но и десятки раз (в своих трудах) засвидетельствовали свою принадлежность армянской культуре наличием родины – Армении» [4].

Еще Л.Гумилев писал о кочевых племенах, что их целью «становилось преобладание», «*причем завоевания совершались из государственных соображений, а вовсе не для приобретения “жизненного пространства”*. Стоило им ступить на землю народа с тысячелетней историей, временно преодолеть его сопротивление и покорить его, этого достаточно, чтобы данную этнотерриторию считать собственностью завоевателя, лишить коренное население права жить на родной земле, присваивая задним числом и культуру, и богатства, созданные некогда завоеванным народом» [5, с. 206]. Само это явление уже уродует психику новых поколений, нагнетая недоверие и ненависть во взаимоотношениях народов и государств.

Научные изыски «просвещенного Азербайджана» широко шагают по всем просторам очевидного-невероятного. Древние скифы, албанцы объявляются предками азербайджанцев или турок, а Кавказская Албания (на левобережье р.Куры) преподносится как «исторический Азербайджан» с тотальным изменением или искажением таких географических названий, как «Западный Азербайджан» – вместо ненавистного им топонима Армения, «Иреван» – вместо Ереван, «Гокча» – вместо озера Севан, «хач-даш» – вместо хачкар (крест-камень), «Агдмар» – вместо Ахтамар, «Гянджа» – вместо Гандзак, «Кельбаджар» – вместо Карваджар и т.д. В 1984г. в Баку вышла книга Шильтбергера «Путевые заметки», где под предлогом сокращения схоластических отрывков из оригинала были изъяты многочисленные важнейшие свидетельства и факты, относящиеся к армянской истории и, тем более, не соответствующие представлению азербайджанцев об исторической Армении и географии. Еще Страбон (64г. до н.э. – 23г. н.э.), Плиний Старший (23-79гг.), Корнелий Тацит (55г. – первая четверть II в.) и др. античные авторы писали о «Кавказской Албании», но никто из них не заметил «древних» азеров или турок. Дикие кочевники из Центральной Азии, Алтая и Монголии появились на Кавказе и в Малой Азии в конце XI- начале XII вв. Как известно, история является отражением единства духа данной цивилизации со своими традициями, мировоззрением и никак не может стать

¹ Киракос Гандзакеци (1200/1202 -1271) родился в г.Гандзак (в Восточных краях Армении – провинции Утик и Арцах Великой Армении), армянский историк, священник и церковный деятель; автор книги «История Армении», с охватом событий со времен Св.Григория Просветителя до 1266г. – *Здесь и далее примечания автора*.

² Мхитар Гош (1120-1213) родился в том же г.Гандзак, армянский мыслитель, ученый, законодатель, баснописец, общественный деятель. Среди его трудов исключительную ценность представляют «Судебник» (1184) и «Сборник басен».

механическим территориально-временным расширением.

Тем не менее, «просвещенный» Азербайджан превзошел все возможные и невозможные ожидания, уничтожив те исторические памятники армянского народа, которые так и не удалось приписать себе. В 2005г. азербайджанские вандалы с помощью армии по приказу своего президента уничтожили на юге армянской области Нахиджевана в г.Джуга шедевры мировой культуры – средневековые армянские хачкары (из более чем десяти тысяч хачкаров последняя группа – более 2000 – была разбиты кувалдами, а кладбище бульдозерами было превращено в стрельбище). Политику этноцида¹ в Азербайджане переняли у Турции. Проводя с конца XIX в. геноцидальную политику и осуществив чудовищный геноцид в 1915г., турки с невероятной жестокостью набросились на уничтожение исторических памятников, созданных коренными жителями Армянского культурного пространства: было уничтожено более 3000 христианских армянских церквей и храмов. Международные организации в таких случаях сразу же начинают жить по известному принципу трех мартышек: «ничего не вижу», «ничего не слышу», «ничего не скажу». Порочное молчание международных организаций (ООН и ЮНЕСКО), равнодушие христианской Европы привели к воинственному вандализму Турции и Азербайджана. Это стало возможным в результате применения двойных стандартов со стороны правовых международных организаций, которые часто отдают предпочтение политической конъюнктуре. В результате возник историко-правовой сумбур и кризис в деятельности норм международного права, но это тема для отдельного разговора.

Процесс одревления истории татаро-монголо-турецкого «историко-культурного наследия» начался еще в XIXв. с привлечением европейских ученых. Этот процесс по мере развития получил большой размах в советскую эпоху и перешел все границы и приличия после развала СССР, когда наступил новый период подлогов и фальсификаций, характерной чертой которого является отсутствие тормозов. Об этом писал еще французский историк Эмиль Фаге в своей книге с актуальным названием «**Культ некомпетентности**»[6]. Эта книга – «о демократии, в которой демократия увидена не в том или ином дефекте, а как дефект. Дефект назван по имени: некомпетентность. Не просто некомпетентность, как неизбежное зло, с которым мирятся, потому что не могут от него избавиться, а зло дозволенное, систематически порождаемое и культивируемое» [7, с. 1].

Короче: абсолютное отклонение от истины, где никто и ничто не на месте и все сдвинуто с мест. К примеру, азербайджанские историки, поли-

¹ Термином «этноцид» принято называть фальсификацию истории и уничтожение памятников культуры.

тологи, журналисты наворотили горы лжи и давно уже доказали, что они самые независимые в мире, поскольку совершенно не зависят от исторических фактов и логики. Основные направления их историко-политических упражнений – самоутверждение, «облагораживание» собственной истории за счет унижения, отрицания истории и культуры другого народа. При этом факты и события вырываются из исторического контекста с подбором под готовые идеологические схемы.

В криминологии существует тесная связь между подлогом (фальсификацией) и мошенничеством. Если мошенник преследует выгоду для себя или для группы людей, то деятельность фальсификатора истории шире – она преследует геополитические, экономические выгоды с конкретными задачами. Этот процесс сопровождается созданием внешних врагов (в лице армян, русских и т.д.) и таит в себе большую опасность для соседних стран и народов, в частности, для Армении. В психологии расизм описан как процесс самоидентификации посредством проекции собственных грехов на других. Специалисты по национальной психологии объясняют эту тенденцию к фальсификации расщепленным сознанием (обрезание логики сознания). Мыслительный процесс расщепленного сознания личности или народа обладает инстинктивной инерцией неосознанных рефлекторных действий. В процессе своей постоянной национальной самоидентификации личность (нация или народ) с расщепленным сознанием пытается заменить собственное отставание расширением территорий за счет соседа и строит свою жизнь на образе врага. Сегодня Турция, оставаясь верной своей традиционной политике, вместе с подпевающим ей Азербайджаном использует все средства массовой информации, вплоть до дипломатических каналов, для фальсификации известных миру фактов и событий, представляя их с точностью до наоборот. Фальсификация и ложь рассматривается на государственном уровне как необходимое условие информационной войны.

«Силы глобализации дали начало процессу творческого разрушения. Возникла новая глобальная среда, и мы должны научиться жить и работать в ней» [7, 367]. Но как, каким образом? Известное утверждение, что «прошлое не может изменить даже бог», в эпоху глобализации выглядит устаревшим. Пропаганда лжи разносится по всему миру в виде интернет-информации, красочно оформленных книг, буклетов и справочников. Сегодня общественное мнение может сформировать кто угодно – и непрофессиональный историк, и политический ангажированный публицист, и телевизионный ведущий или тот, кто «заказывает музыку» на исторические темы и контролирует СМИ. Дело в том, что историю чаще всего пишут, интерпретируют, пропагандируют под давлением тех или иных политических сил или господствующей идеологии, выходя

за рамки всяких профессиональных приличий и соблюдения профессиональной этики. Ложный национализм, опирающийся на «присвоение чужой культуры и чужой истории», всегда был и остается источником конфликта. К примеру, стратегически разработанная ложь и антинаучная пропаганда искаженной истории армянских областей Нахиджевана и Арцаха, включая историю Нагорно-Карабахского конфликта, распространяется в виде фальсифицированного продукта. Версия «многовекового владения» Карабахом со стороны несуществующего азербайджанского государства мешает выявлению исторических реалий, истинных причин конфликта.

В условиях высоких технологий (ИТ) отставание духовного развития личности и народов ведет к нарушению равновесия, к раздвоенности (расщепленности сознания). Все народы, страны и нации проходят известную стадию развития и роста. Они вооружаются информационными технологиями, где нет ничего индивидуального или национального. Индивидуален, национален лишь дух жизни, благодаря которому происходит развитие вверх – к своей национальной особенности. Денационализация, проникнутая идеей интернациональной Европы – интернациональной цивилизации, есть чистейшая абстракция, не имеющая под собой никакой почвы. Ибо ни один народ не может вращаться в чужой рост. Борьба за национальное бытие вовсе не означает раздора (столкновения) или конфликта с человечеством. Призвание, миссия народа в мире выражается в его великих творцах. Истинное величие народа, его вклад в историю человечества определяется не могуществом государства и не развитием его экономики, а духом его культуры. Высшие цели жизни – не экономические и не социальные, а духовные, где важное место принадлежит проблеме восстановления исторической справедливости.

В поисках выбора путей оздоровления человеческой души и общества противовесом столкновению цивилизаций может послужить диалог. Жизнь человека у Достоевского, по мысли М.Бахтина, – это диалог с другим, с обществом, с человечеством. Для него «жить» и «жизнь» означают вопрошать, внимать, соглашаться и не соглашаться, и самое главное – ответственность всей жизнью, духом, душой, всеми поступками. Высшей духовностью наделена личность, «занимающая позицию и принимающая решение по самым последним вопросам мироздания» [9, с. 299]. Любой человек, пока живет, осуществляет свое ценностно-этическое отношение к миру, которое во многом детерминировано историческим сознанием и своеобразием общественной жизни, комплексом национально-этнических традиций. Люди на протяжении всей истории работали, торговали, воевали, но главное, что происходило и происходит, – они вечно выясняли и выясняют: что такое добро, а что зло. Безнравственно говорить о примирении между злом и добром, между преступником и жертвой – ставить их на

одну и ту же планку. Палачей армянского народа и в Турции, и в Азербайджане возводят в лик святых или в ранг национальных героев. После этого о каком диалоге может идти речь?

Без покаяния, без «нравственного Нюрнберга» невозможно установить диалог как противовес столкновению. Диалог возможен только после признания исторических фактов – признания Геноцида армян в Османской Турции, а также прекращения враждебных акций и признания Нагорно-Карабахской Республике на уровне международно-правовых норм. Существенную роль в восстановлении доверия и взаимопонимания между народами могут сыграть именно представители творческой интеллигенции, творческие личности, которые могут взять на себя ответственность в решении судьбоносных задач народа и государства в целом. Тема творческой интеллигенции может стать особо актуальной, востребованной. Однако основой для этого разговора может послужить, как мне думается, духовное пространство, духовность без лжи и фальши. В него нужно вдохнуть жизнь и прежде всего – духовный фермент, аккумулирующий историческую память, национальные традиции. Армянский духовный фермент – не в амбициях. Амбиции, как правило, мешают слышать и быть услышанным: как в человеческих отношениях, так и в отношениях между государствами. В процессе развития человечества каждый народ исполняет свою миссию, подобно сольным партиям в большом симфоническом оркестре. Очень важно, чтобы голоса сольных партий не охрипли, а были услышаны и признаны друг другом.

Октябрь, 2009г.

Источники и литература

1. *Даниелян К.С.*, Модель, в основе которой алчность, обусловила кризис». «Голос Армении», 30 июля 2009г.
2. *Бердяев Н.*, Движение и неподвижность в жизни народов // Судьба России, М., 1990г.
3. *Амфитеатров С.В.*, Армянский вопрос, Санкт-Петербург, 1906г.
4. *Саркисян Г.Х., Мурадян П.*, Очередной поход, очередное нашествие, или как искажают историю. «Литературная газета», 1 июля 1988г.
5. *Гумилев Л.Н.*, Этногенез и биосфера Земли. М., 2001г.
6. *Фаже Э.*, Культ некомпетентности, М.: Evidentes, 2005г.
7. *Свасьян К.А.*, Растожествления. Увиденная демократия. <http://www.rvb.ru/swassjan/rastozhdest/30.htm>
8. *Хантингтон С.П., Бергер П.Л.*, Многоликая глобализация (Культурное разнообразие в современном мире). М., 2004г.
9. *Бахтин М.*, Литературно-теоретические исследования // Контекст. 1974, М.: «Наука», 1975г.

CIVILIZATIONAL UNDERSTANDING OF THE IDENTITY'S HISTORICAL PERCEPTION

Angelina Gasparyan

Resume

The confrontation of civilizations is one of the painful problems of mankind under the conditions of globalization, world economic crisis and decline of the cultural values. In the context of the ongoing events, international relations acquire special importance, and the historical consciousness as one of the forms of manifesting identity comes to the first place.

One way or another, Armenian Question has been and will remain an exchange card in the hands of great powers in blocking the borders and territories. It is not a mere chance that since Sultan Abdul Hamid the European community have closed their eyes to the falsification and juggling of historical facts by Turkey and nowadays – by Azerbaijan. “The appropriation of the culture and history of others” is especially actual today in intercivilizational and international relations, as the distortion of historical facts and events has already created an unhealthy ground in the interrelationship of peoples and states. Particularly the tendency of Turkey and Azerbaijan (let alone that of Georgia) to the “appropriation of the culture and history of others” still goes on. This process gathered full speed and has exceeded all bounds and decorum (propriety) after the collapse of the former USSR when a new era of forgery and falsification, the characteristic feature of which is the “Cult of Incompetence”, came into being.

The representatives of creative intellectuals and individuals may play a crucial role in a dialogue, restoring trust and mutual understanding between nations; they can take the responsibility for solving vital problems of a nation or a government as a whole. The issue of the creative intellectuals may become especially topical and necessary. Only the spiritual space, as we think, may become the ground for this dialogue without falsehood and lie. It is possible to breathe life and first of all cultural ferment and to accumulate historical memory, national traditions.

ИМИДЖ СТРАНЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: АТМОСФЕРА XXI ВЕКА

Лианна Айвазян

В статье делается акцент на *обобщение* именно тех моментов имиджа страны, которые, во-первых, помогут объяснить некоторые тренды в регионе в связи с так называемой «футбольной дипломатией», во-вторых, позволят увидеть это в свете колоссальных изменений характера мировой политики и, наконец, пригодятся для построения международного имиджа нашей страны для разных аудиторий, целей и задач.

Работа написана преимущественно на анализе имиджа страны, создаваемого другими акторами, в основном опираясь в качестве примера на имидж Армении, представленный в американской «качественной» прессе (все газетные материалы 1991-2009гг.), поскольку влияние этих СМИ на принятие важнейших политических решений давно известно. Это газеты «Вашингтон Пост», «Нью-Йорк Таймс» и «Уолл Стрит Джорнал» [1].

К сожалению, говорить об обратном процессе (об имидже, построенном нами) сегодня пока трудно. С другой стороны, думается, что этот анализ и приведенные примеры могут быть более полезными при создании собственного имиджа, нежели изложение известных *PR* методов. Наконец, хотя примеры приведены из печатной прессы, но анализ произведен на основе сравнения обширного материала, в том числе официальной информации, академических и экспертных исследований, публикаций о других странах региона, о глобальных, региональных и внутренних развитиях, а также серии интервью в Вашингтоне и Ереване с дипломатами, экспертами, журналистами.

Пропаганда, формирование имиджа как искусства целенаправленного управления впечатлениями или, как теперь принято говорить, публичная дипломатия сопровождала человечество с первых шагов его развития [2].

Но понятие «имидж» стало предметом исследований в первой половине двадцатого века, когда две мировые войны показали, какую страшную цену можно заплатить за пропаганду и создание имиджа «врага». Дипломатия перестала быть «спортом для королей», как это было в XIXв. [3, с. 59].

Начиная с 1945г. развитие средств массовой информации, особенно телевидения, а затем и других новых технологий, изменило картину международных отношений и дипломатии, оказав воздействие на пути принятия важнейших решений и их представление в СМИ. Филипп Тейлор в своей книге «Глобальная коммуникация, международные отношения и СМИ после 1945 года», в духе Алвина Тоффлера подчеркивая роль коммуникации в современном мире, наряду с дипломатическим, экономическим и военным направлениями в межгосударственных отношениях выделяет четвертое, называя его психологическим или информационным направлением: «Это направление включает накопление и передачу информации, идей, восприятий и посланий. В действительности оно присутствует также в других направлениях, однако стало самостоятельной стороной межгосударственных отношений. <...> любая коммуникация предполагает передачу и прием чего-либо. Это что-либо является информацией, всегда содержащей некий сигнал или послание и способной осведомить, убедить, воспитать, агитировать, воодушевить или развлечь. Информация может быть в виде голоса, слова, образа или их слиянием, а сегодня она приняла иные формы, например, цифровые» [3, с. 21].

Появились такие понятия, как *медиа дипломатия (media diplomacy)*, *CNN дипломатия (CNN diplomacy)*, *телевизионная дипломатия (TV diplomacy)*. Кажется, лишь недавно появилось понятие *публичная дипломатия или «мягкая сила» (soft power)*, и многие страны включили ее в сферу своей внешней политики, но уже с фантастической скоростью появляются новые понятия – *сетевая дипломатия (net diplomacy)*, *нишевая дипломатия¹ (niche diplomacy)*, *общедоступная публичная дипломатия (open-source public diplomacy)* (о последнем см. *Fisher Ali, Music for the Jilted Generation: Open-Source Public Diplomacy*) и т.д. Сегодня имидж дипломатии лишь как межгосударственных отношений устарел насколько, настолько пергамент и перо для научной работы. Ни у кого нет монополии на информацию. Информационная революция изменила и глобальное общество, которое меняет также парадигму дипломатии государство–государство на формат *общество–общество (people-to-people)* [4]. Уже появляются прогнозы об огромной возможности последнего для трансформации обществ других стран.

Меняется и вся международная система, появляются новые теории, авторы которых стараются не только объяснить новые реалии, но и предугадать тектонические изменения международных отношений, предупреждать об опасностях и показывать их новые возможности. А в эпоху постмодерна, когда происходит деконструкция государства и оно становится все менее определяющей

¹ Дипломатия, направленная на то, чтобы страна заняла определенную позицию, место, исходя из тех или иных благоприятных для этого условий.

силой во внешней политике, медиа, эмоции масс, интересы отдельных групп (включая транснациональные группы) или регионов выходят на арену. Контекст, настроение и личность – все это играет больше роли, чем могут представить учебники. Внешняя политика становится продолжением внутренней политики [5].

В этих условиях информационного взрыва, глобализации, развития международных коммуникаций и интенсификации роли общественного мнения в международных отношениях значимость имиджа государства становится неоспоримой. При этом в данный процесс вовлекаются не только традиционные субъекты-государства, но и бизнес, международные, неправительственные организации, персональные коммуникации и т.д. А по словам многих авторов информационная революция изменила сущность и характеристики такого основополагающего атрибута международной системы, как *Мощь* (государства). Согласно М.Кунчику («Имиджи народов и международные публик рилейшнс»), сегодня половина мощи государства – это построение имиджа, а в эпоху медиа дипломатии, предупреждает он, *искусство управления (statecraft)* может стать заложником *искусства режиссирования (stagecraft)* [6].

Учитывая же кардинальные изменения в международной политике, геополитический процесс в регионе и армяно-турецкие начинания, теперь можно говорить о геополитике имиджей в регионе.

Все указывает на то, что здесь начался процесс целенаправленного *управления впечатлениями (perception management)*, *повестки дня (agenda setting)*, *фабрикации доверия и создания новых имиджей*, в который вовлечено множество акторов, поставлены цели (долгосрочные и краткосрочные), используются разные способы (открытые и закрытые). Очевидно, мы имеем дело с тем, что американцы называют *стратегической коммуникацией (Strategic Communication)*. Например, американцы считают стратегическую коммуникацию и публичную дипломатию успешной, если они адресованы и массовой аудитории, и специальным группам, которые в силу своего опыта, положения, лидерских способностей влияют на решения и мнения других (духовенство, известные журналисты, представители сферы образования и науки, женских организаций, политические, бизнес лидеры, военный персонал и пр.).

Для долгосрочных целей и открытых способов в первую очередь развернута публичная дипломатия (в том числе культурная, спортивная, музейная, медиа-дипломатия). Причем для усиления воздействия к вербальной информации подключается визуальная, а самое главное – событийная плоскость. Другая характеристика касается аудитории: она расширяется и из локальной превращается в глобальную (становится важно не только кто, что, где, когда и как гово-

рит, но и кому говорит). *Легитимность, доверие, репутация, лидеры, отдельные личности, популярные эмоции, страхи и ожидания, символы, идентичность* и даже сама *история* становятся востребованным ресурсом в этом процессе.

Новые тенденции в армяно-турецких отношениях показали, что «мы не готовы защищать наше общество» и что заявления иностранных деятелей влияют на нас больше (Виген Саргсян, воскресная программа «АЙЛУР»).

В регионе сталкиваются разные имиджи, причем

1. они создаются не только в регионе, вернее, не столько здесь,
2. в этот процесс вовлечены разные акторы, у которых разные цели,
3. внешняя политика и внешний имидж нередко является продолжением внутренней политики,
4. идет борьба за утверждение или отрицание идентичности,
5. имидж, симуляция часто выдаются за политику.

При этом неверный анализ может ввести в заблуждение, помешать краткосрочным целям, но самое опасное – быть инструментом в чужих долгосрочных программах. Непонимание сути и всей сложности управления впечатлениями (причем разными игроками) может привести к нежелательным изменениям убеждений, и не только на уровне простых людей, но лидеров, а это значит, что судьбоносные решения могут стать неотвратимы.

Управление впечатлениями (*perception management*) – это передача или отказ передачи информации и индикаторов *иностранным аудиториям* с целью влияния на их эмоции, мотивы и объективное суждение, а также *разведывательным системам и лидерам* на всех уровнях с целью оказания воздействия на принимаемые решения и официальные оценки, в результате чего они демонстрируют поведение и совершают официальные действия, благоприятные для намерений того, кто управляет этим процессом. В разных формах он включает проекцию правды, обман и ложь, психологические операции. Более того, не исключено, что мы имеем или будем иметь дело еще и с *когнитивными вирусами*. Некоторые специалисты, в том числе и автор современной информационной войны Томас Рона, расширили идею о *мемах (mems)*, включив ее в систему информационной войны (хотя есть мнение, что идея научно недостаточно обоснована). Т.Рона сформулировал идею «вируса социального иммунодефицита» (*societal immunodeficiency virus (SIV)*), против которого массы людей не будут иметь эффективной защиты. Мем – это единица культурной информации, как, скажем, идея или практика, которая передается от одного человека к другому (*from one mind to another*) вербально или через повторяющиеся действия. Г.Стейн и Р.Зафрански описывают их как базовые единицы культурной имита-

ции, как конструирующие блоки культуры, мышления и поведения, с помощью которых социум воспроизводит себя [7].

В этих условиях расшифровка информации, отделение ценных сигналов от шума, имиджа от реальности становятся актуальными. Происходит то, что один из ведущих профессоров Гарварда, автор идеи «Мягкой Силы» Джозеф Най назвал «парадоксом избытка». Сегодня, скорее всего *внимание*, нежели информация, становится дефицитным ресурсом, и тот, кто сможет отличить ценные сигналы от шума, пишет он, станет сильнее. Джозеф Най пишет, что в условиях растущего информационного потока политические баталии происходят за создание и крушение *правдоподобности (credibility)*. Правительства конкурируют за правдоподобность не только с другими правительствами, но и с медиа, корпорациями, НПО, международными организациями, сообществами ученых. Политика становится более театральной и нацеленной на глобальную аудиторию, а в информационную эру побеждает та сторона, у которой *лучшие истории (In an information age, it is often the side which has the better story that wins)*, – отмечает он [8].

С нашей стороны добавим, что не только *доверие*, а также наличие собственной *повестки дня*, создание собственных *смыслов*, а не их разрушение, уважительное отношение к *символам*, а не игры с ними, и есть тот минимум, который мог бы защитить общественное сознание. Потому что «Международный имидж – это, прежде всего, система связей и обеспечивающих их существование рамок и правил. Собственно, поражение СССР в холодной войне заключалось именно в потере Советским Союзом имиджа и, соответственно, системы связей». [9, с. 414]

На этом фоне имидж, как важный нематериальный фактор мощи государства, наряду с другими факторами становится все более востребованным ресурсом, а в более широком контексте управления впечатлениями – стратегическим ресурсом. Кроме того, если политика государства не легитимируется значимыми международными акторами, то они будут противодействовать курсу государства, используя имеющиеся в наличии рычаги влияния.

В этой связи примечательно выступление Президента РА Сержа Саргсяна на съезде Республиканской партии Армении, где он подчеркнул следующее: «Мы нашу деятельность сегодня строим в качестве партии XXI века. Сегодня почти нет вопросов, которые интересуют только нас. Все волнующие нас серьезные вопросы находятся в контексте глобальных интересов. Нужно быть хорошо осведомленным о сути контекста. Мазок кисти художника может быть верен только в контексте всей картины».

Вот почему в условиях XXIв. для анализа международных отношений

учет имиджа стран необходим. Формирование позитивного внешнеполитического имиджа Армении должно осуществляться с учетом новых реалий XXI века, геополитических изменений в мире и регионе и принимая во внимание, прежде всего, национальные интересы. Стратегия и тактика формирования, управления, корректировки имиджа должны соответствовать краткосрочным, среднесрочным и долгосрочным целям государства – артикулированным и не-артикулированным.

Но что такое имидж страны? Можно ли управлять им и корректировать его?

Вопрос имиджа страны разработан достаточно основательно, в частности, в зарубежной литературе. Но эта литература весьма разнообразна. Имидж рассматривается в разных контекстах – международных публич рилейшнс, стратегической коммуникации и публичной дипломатии, психологии, общественного мнения, масс-медиа, брендинга, маркетинга и т.д. Ставятся вопросы, на которые нет однозначных ответов. Однако многие страны вкладывают в имиджевые и репутационные проекты огромные деньги. Формирование имиджа, равно как и PR-технологии основаны на изучении и результатах социальной и политической психологии, в том числе социальной познаваемости, психологии воздействия, рекламе, политической и управленческой психологии.

В 60-70-е годы XXв. проблемой имиджа в международной политике начинают интересоваться политологи и исследователи в области международных отношений. Первой монографией, в которой был дан анализ влиянию имиджа на межгосударственные отношения, стала книга К.Болдинга «Имидж» (1962). Болдинг, представляя взаимоотношения «национальный имидж – международная система», формулирует понятие «имидж» как *познавательную (cognitive), эмоциональную (affective) и оценочную (evaluative) систему* [10, с. 423].

Когда говорим о существующих на международной арене имиджах, необходимо сделать два наблюдения. Во-первых, нужно конкретизировать понятия «имидж» и «образ» и, во-вторых, дифференцировать понятия «имидж страны», «этнический имидж», «самоимидж», «медиа-имидж», «внешнеполитический имидж» и пр.

И в обыденной речи, и в публицистике, и в научной литературе понятие «имидж» используется исключительно в контексте формирования, планируемого воздействия целенаправленного создания. Так, Е.Б.Перельгина показывает, что «... имидж есть создаваемый образ, т.е. образ, возникающий в результате определенной деятельности, работы». Еще четче это формулируют Е.Н.Богданова и В.Г.Зыкин: «...имидж – это не что иное, как *специально сконструированный психический образ, создаваемый со вполне определенными целями*». В том же месте авторы, про-

должая, пишут: «Иными словами, образ объекта может существовать «естественно», а понятие «имидж» возникает тогда, когда возникает задача коррекции этого образа в групповом или индивидуальном сознании» [11, с. 36-37].

Такую же активную, функциональную сущность имиджа подчеркивает другой исследователь, Эраст Галумов, и делает некоторые важные заключения [12].

Первое: имидж – управляемая категория, которую можно откоррелировать, построить и преобразовать, исходя из наших желаний.

Второе: имидж государства имеет свою цену и является инструментом решения конкурентных задач.

Третье: имидж – не только информационный, но и сражающийся информационный аспект.

В своей книге «Имидж наций и международные общественные связи» М.Кунчик пишет: «Имидж – это нечто, создающееся и разрабатываемое теми, кто его имеет, т.е. нечто, на которое могут действовать PR-действия. В отличие от него, предрассудки и стереотипы создаются средой и приписываются ей. В этом смысле ... имидж всегда включает в себя активную составляющую» [6, с. 39]. В то же время, социальные психологи пришли к заключению, что, независимо от прилагаемых усилий, «образ мышления и представления людей крайне устойчивы к неожиданному давлению окружения», так что «почти ничто не может изменить у 40 процентов населения имидж той или иной страны даже за 20-30 лет».

Считаем должным подчеркнуть важность наблюдений Роберта Джервиса [13, с. 6]:

- страны могут воздействовать на другие государства с помощью изменения лишь своего имиджа, при этом не меняя свою политику;
- имидж может быть основным фактором в деле легкого достижения целей государством в международных отношениях;
- цена нежелательного имиджа может быть для государства непомерно высокой.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно резюмировать:

- понятие «имидж» должно использоваться исключительно в значении запланированного воздействия и целенаправленного формирования,
- восприятия и представления людей о «других» крайне устойчивы к внезапному давлению окружения,
- имидж состоит из познавательных (*cognitive*), эмоциональных (*affective*) и оценочных (*evaluative*) компонентов,
- имидж страны нужно отличить от национального/этнического имиджа.

В связи с последним пунктом следует отметить, что при изучении роли имиджа в международных отношениях разные авторы подчеркивают важность понятий «самоимидж», «медиа-имидж», «внешнеполитический имидж», «геополитический имидж», «имидж лидеров», «территориальный имидж», которые я назвала бы *субимиджами* для имиджа страны. Западная научная литература по данной проблематике в основном включает исследования по трем направлениям:

- образы стран как часть «сигналов», посылаемых друг другу международными акторами, кодированная информация о намерениях, интересов и т.д. (О.Холсти, Р.Джервис),
- образы стран как «фильтры» в сознании тех, кто принимает внешнеполитические решения (К.Шимко, М.Коттам),
- как фактор национальной идентичности, в частности, формирование национальных образов внутри политических дискурсов (Х.Ларсен).

Отметим, что нужно учесть также то обстоятельство, что в последнее время кроме имиджевого подхода появились и другие направления работы с имиджем страны: маркетинговый (*Place Marketing*) и брендинговый (*Competitive Identity*)¹. Но их обсуждение не входит в нашу задачу.

В научной литературе в основном выделяются следующие функции имиджа: подтверждение идентичности или идентификация, идеализация, противопоставление.

А какую роль может сыграть имидж страны в международных отношениях, каким фактором быть в межгосударственных отношениях? Какие могут быть последствия при неэффективной работе с имиджем страны? Хотя формат данной статьи не позволяет дать детальный ответ на все эти вопросы, попробуем ответить на них в свете так называемой «футбольной дипломатии».

Надо понимать, что сегодня имидж страны это:

- фактор/инструмент межгосударственных отношений,
- часть стратегической мощи,
- подтверждение, отклонение, формирование идентичности,
- альтернативный путь взаимовлияния,
- ресурс, который работает на другой ресурс – общественное мнение,
- дешевый ресурс (средство) для достижения цели,
- идеологическая конструкция,
- применение мягкой/разумной силы (*Soft/Smart Power*) [14],
- продолжение внутренней политики,

¹ См. *Peter van Ham*, The Rise of the Brand State: The Postmodern Politics of Image and Reputation, а также *Simon Anholt*, Countries Must Earn Better Images through Smart Policy.

- привлекательность страны (*attraction*) и решение конкурентных задач
- инвестиции и помощь (*Aid Diplomacy, Diplomacy of Deeds*),

Добавим, что, изучая имидж стран СНГ в международных СМИ, можно заметить, что он *охватывает параметры желаемого имиджа* (демократия, стабильность прав человека и пр.), *представляет причинно-следственные связи* (комментируя события), *приписывает ответственность и дает определенную оценку*. Средства формирования имиджа в этих СМИ различны. Отметим некоторые из них:

- управление новостями (*news management*)
- формирование повестки (*agenda setting*)
- оформление (*framing*)
- называние (*naming*)
- упаковка (*packaging*)
- дискурс
- управление событиями
- псевдо-события (*pseudo-events*)
- манипуляция
- видимость (*visibility, low or high profile*)
- яркость/выпуклость (*saliency*)
- распространение идей

Знаменательно, что в интервью об имидже Армении (Вашингтон, 1998г., не для публикации) Поль Гобл на вопрос о цели *идеи Мегринского коридора* ответил, что она должна была приучить нас идее *компромисса*, а Карабах, по его мнению, – армянская земля. Примечательно, как он назвал этот процесс. По его словам, эта должна быть Большая Сделка (*Great Deal, Great Bargain*).

Последний пример весьма поучителен в плане анализа вышеупомянутых средств, формирующих имидж. Думается, мы имеем дело, в первую очередь, с уже упомянутым в этой статье меметическим или когнитивным вирусом (в виде идеи взаимной уступки). Кроме того, то, какое название мы даем предполагаемому процессу (*naming*) (*Great Deal, Great Bargain*), в каком виде мы преподносим, пакетируем его (*packaging*), а после пытаемся управлять процессом новостей (*news management*), стать инициатором повестки (*agenda setting*) и дискурса, управлять впечатлениями (*perception management*) и пр., может сильно сказаться на формулировке, преследовании и, наконец, принятии важнейших решений. Одним словом, можно сказать, что управляемые имиджи моделируют также реальность.

В той же американской прессе (1991-2009гг.) на примере имиджа Арме-

нии можно обобщить, что медиа-имидж является важным фактором в международных и, в частности, в межгосударственных отношениях и может быть, стать или означать следующее:

- сигнал
- угроза
- предупреждение
- зондаж
- оценка
- поощрение
- управление повесткой дня
- предание молчанию
- дискредитация
- управление процессами внутренней жизни

Имидж страны могут сформировать различные акторы – государства, международные организации, корпорации, заинтересованные группы, мозговые центры, частные посредники (*brokers*), СМИ, академические круги, деятели культуры, Диаспора (партии, организации, община), спецслужбы и пр. Причем для анализа существующего медиа имиджа, корректировки или построения нового имиджа в какой-нибудь стране очень важно знать цикл принятия решений в этой стране.

Кроме того, нужно учесть, что медиа-имидж таких стран, как Армения, это не только и не столько продукт чистой журналистики. Он может быть частью или составляющей пропаганды, лоббинга, пиара (в том числе международного); публичной дипломатии (культурной, медиа, спортивной, музейной и т.д.); брендинга; психологической, информационной войны/действий; вмешательства спецслужб¹ и пр.

Структуру медиа-имиджа можно представить следующим образом:

- ядро (сущность),
- пласты или субимиджи (*sub-images*),
- оболочка (нынешняя ситуация, темы, события).

Наши исследования имиджа Армении в той же американской, так называемой качественной прессе показывает, что оценивая имидж и делая политические прогнозы, важно заметить наличие следующих изменений. Во-первых, к примеру, един ли имидж или раздвоен (пример раздвоенности – в уже упомянутом интервью с Полем Гоблом в Вашингтоне об имидже Армении: *Noble past*,

¹ См., в частности, *Boyd-Barret, Miller, The New York Times, and the Propaganda Model*.

troubled present). Во-вторых, какие черты или составляющие имиджа неизменны, а какие переменчивы. Например, упоминания о Геноциде армян всегда присутствовало в публикациях, независимо от освещаемой темы (хотя это слово до последнего времени в американской качественной прессе не использовали). А это означает, что оно по-прежнему когда-нибудь «сработает» как фактор в международной политике, что и показали последние события. Следующее, нужно быть внимательным к тому, на самом ли деле делаются попытки изменить ядро (идентичность) имиджа, или они относятся только к субимиджам (напр., лидеру) или ситуативны. Наконец, наш анализ показывает, что для политического прогноза при анализе имиджа страны в международных отношениях очень важно увидеть следующее: есть ли кроме публикаций по теме и изменения видимости страны (*visibility*, т.е., увеличения числа публикаций о стране, объема материалов и визуального элемента и пр.) одновременное наличие того, что я назвала бы параллельным содействием:

- материалы о стране и народе на спортивных, культурных и других подобных страницах той же газеты,
- публикации различных докладов международных и других организаций, заявления, телефонные разговоры лидеров стран и т.д.,
- опубликование результатов различных социологических опросов,
- публичная дипломатия (культурные, спортивные, музейные и другие мероприятия и события, участие известных людей (*Celebrity diplomacy*)).

При оценке имиджа в СМИ важно учесть *журналистские стандарты* (*Journalism standards*) и *новостные ценности* (*News values*), а также специфику *международной журналистики* (здесь *национальные интересы* превыше всего), принадлежность данного СМИ, класс СМИ (*Elite, Prestige, Quality Press* и пр.), страницу, время (*TV*), жанр, объем, заголовок, ссылки, источники, языковые средства, авторов, фотографии, графики, карты и пр.

Как уже было отмечено выше, имидж страны имеет свою *цену* или последствия – негативные или позитивные. Обобщая, отметим некоторые из них:

- доверие, репутация, престиж
- вынесение неверных/ошибочных решений,
- изоляция, снижение инвестиционной активности,
- принимаемые решения в ущерб Армении и Армянства в различных международных организациях,
- воздействие на внутренние процессы страны,
- изменение самооценки, самоимиджа в сторону негатива,
- «дефицит иммунной системы» общества,

- построение, изменение идентичности, ценностей (в долгосрочной перспективе) и пр.

Опираясь на вышеизложенное, скажем, что, поскольку для малых государств создание постоянного положительного имиджа (в том числе из-за финансов), равно как и защита нашего общества от создаваемого тем или иным международным актором отрицательного имиджа (в условиях открытости информационных потоков), зачастую затруднено, крайне важным становится наличие того, что можно назвать «барьером», который позволил бы защитить «иммунную систему» нации и общества. Ресурсы для построения такого барьера, можно сказать, «у нас под рукой»:

- идентичность,
- собственная повестка, смыслы, символы,
- разработка плана *стратегической коммуникации* по линии важнейших национальных задач и т.д.,
- управление, а не контроль информации,
- образованное общество,
- развитие и защита историографии, арменоведения,

Важно также иметь сформулированные национальные интересы, общественное доверие, сильную легитимность власти, наличие справедливости, одним словом, необходимо быть, а не казаться.

Ситуационное исследование (Case Study): Турция-Армения (футбольная дипломатия)

Опираясь на представленные в статье материалы и основные идеи, будем иметь следующую приблизительную картину развития процесса:

- часть глобальных геополитических развитий,
- управление восприятиями,
- усилия по изменению идентичностей,
- вербальные, визуальные, событийные компоненты,
- работа с группами (Браун) [9, с. 733].

а) Турция, США, ЕС и другие акторы (управление впечатлениями)

- процесс признания Геноцида (США, Конгресс, штаты, другие страны),
- *second track diplomacy* [15],
- неофициальные контакты (*TARC* и т.д.),
- возвращение банковских вкладов,

- послы (отзыв Эванса, неутверждение Хогланда),
- прямая трансляция слушаний в Конгрессе,
- подготовка: публичная дипломатия (культурная/образовательная/академическая составляющая и т.д.),
- книги Питера Балакяна и других,
- фильм «Арарат» и другие,
- группа «*System of a Down*»,
- «*The New York Times*» (новая политика *G word*),
- изменения в учебниках,
- Орхан Памук (Нобелевская премия) и другие,
- музей Геноцида в Вашингтоне и пр.,
- дудук и пр.,
- футбольная дипломатия.

б) В самой Турции

(«новая политика», Фабрикация Доверия, усилия по изменению имиджа, а также по созданию разделительных линий между армянами)

- отрицание Геноцида (были выселения, но не Геноцид),
- представление себя в образе жертвы (были жертвы с обеих сторон),
- снятие с себя ответственности за Геноцид («было военное положение»),
- Грант Динк:
- Все мы армяне (сопереживание, *Empathy*), а также попытки размыть границы «мы – другие»,
- Простите нас, армяне (фрагментация, замена целого частью общества, а также «строительство» эмоциональности и показ пути выхода из нее),
- Эргенекон, стороны «за» и «против» процесса,
- якобы противопоставление с Азербайджаном,
- повторяющиеся угрозы Азербайджана,
- криптоармяне,
- слухи (якобы мать Гюля армянка и т.д.),
- вклад армян в Турции,
- восстановление церкви Ахтамар и ряда других памятников,
- «мы слушаем одну и ту же музыку»,
- Евровидение, конкурс песни (голосование Турции),
- «война» флагов и пр.
- попытки связать нормализацию отношений с Карабахским процессом и так далее.

Армения

(отсутствие собственной повестки дня и хаос в информационной составляющей: плывем по течению)

- общественное сознание не защищено
- для поддержки собственной политики ссылки на международное сообщество, СМИ, авторитеты,
- представление Армении как «маленькой страны», упоминания о закрытых дорогах, трудностях развития и так далее,
- перекройка политического поля внутри страны,
- подготовка к президентским выборам 2012г. (дискредитация отдельных политических сил и т. д.),
- попытки изменения системы связей и ценностей общества (атаки на идентичность),
- попытки ревизии некоторых моментов истории, культуры, деятелей,
- критика национализма,
- попытки изменения символов,
- напряжение Армения-Диаспора,
- постоянное указание на «противоречия» Турция-Азербайджан,
- требования Диаспоры (*Recognition, Restitution*),
- *Celebrity Diplomacy* (Шарль Азнавур) и так далее.

Январь, 2010г.

Источники и литература

1. *Այվազյան Լիանա*, Ժողովրդավարություն, մամուլ, արտաքին քաղաքականություն. Հայաստանի իմիջը ամերիկյան մամուլում: Ժողովրդավարության զարգացումը Հայաստանում, Սեմինարի նյութեր. Երևան, 1999
2. *Taylor Philip M.*, Munitions of the Mind. A History of Propaganda from the Ancient World to the Present Day. Manchester University Press, 1995.
3. *Taylor Philip M.*, Global Communication, International affairs and the Media since 1945. Routledge, 1997.
4. *Judith A. McHale* (U.S. Under Secretary for Public Diplomacy and Public Affairs), Remarks to Vilnius University, December 11, 2009
5. *Cooper Robert*, The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-First Century. Grove Press, New York, 2003.
6. *Kunczik Michael*, Images of Nations and International Public Relations. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers. Mahwah, New Jersey, 1997.

7. *Metaphors and Modern War: Biological, Computer and Cognitive Viruses.*
8. *Nye Jr. Joseph S.*, The Information Revolution and American Soft Power, *Asia-Pacific Review*, Vol. 9, No. 1, 2002.
9. *Почепцев Г. Г.*, Имиджелогия. Рефл-бук, 2000
10. *Boulding, Kenneth*, National Image and International System. In James N. Rosenau (Ed.) *International Politics and Foreign Policy* (422-431). London: Collier Macmillan Inc., 1969.
11. Политическая Имиджелогия. М., Аспект Пресс, 2006.
12. *Галумов Э.А.*, Имидж России в качестве инструментального подхода.
13. *Jervis Robert*, The Logic of Images in International Relations. Columbia University Press. A Morningside Book, 1970.
14. Joseph S. Nye, Jr., Get Smart: Combining Hard and Soft Power, *Foreign Affairs*, July/August, p. 160.
15. United States – Armenia Relationship, 1991-2007: A Conversation with Our First Five Ambassadors Webcast (Library of Congress).
16. *Лиана Айвазян*, Имидж России в СМИ Армении. Политическая Экспертиза (ПОЛИТЕКС), #3, 2007 (Доклад, Конференция «Политическая наука и политические процессы в РФ и в странах СНГ на постсоветском пространстве», Евразийская Сеть Политических Исследований, Москва <http://www.politex.info/content/view/370/30/>)
17. *Tehrani Majid*, Global Communication and International Relations: Changing Paradigms and Policies. *The International Journal of Peace Studies*, Vol 2_1.
18. *Manheim Jarol B.*, Strategic Public Diplomacy and American Foreign Policy: The Evolution of Influence. New York, Oxford. Oxford University Press, 1994.
19. *Boyd-Barrett Oliver*, Judith Miller, *The New York Times*, and the Propaganda Model. *Journalism Studies*, Vol.5, Number 4, 2004, p. 435-449.
20. *Fisher Ali*, Music for the Jilted Generation: Open-Source Public Diplomacy. *The Hague Journal of Diplomacy* 3 (2008) 1-24
21. *Peter van Ham*, The Rise of the Brand State: The Postmodern Politics of Image and Reputation (in Phil Taylor's Web Site).
22. *Simon Anholt*: Countries Must Earn Better Images through Smart Policy. Interviewee: Simon Anholt, Editor, Nation Branding and Public Diplomacy. November 6, 2007 Council of Foreign Relations (www.cfr.org).
23. *Хаас Ричард*, Эпоха бесполярного мира // Россия в глобальной политике, #4, 2008.
24. *Haas Richard*, Learning from the Cold War , Project Syndicate (www.project-syndicate.org)
25. Най Джозеф, «Мягкая» сила и американо-европейские отношения. «Свободная мысль – XXI», №10, 2004.
26. *Jervis Robert*, Perceptions and Misperception in International Relations. Princeton University Press. Princeton, New Jersey, 1976.
27. *Кашлев Ю., Галумов Э.*, Информация и ПР в международных отношениях. Москва, Известия, 2003.
28. *Информация, Дипломатия, Психология.* Дипломатическая Академия России. М., Известия, 2002.

IMAGE OF THE COUNTRY AND INTERNATIONAL RELATIONS: 21ST CENTURY ATMOSPHERE

Lianna Aivazyan

Resume

The image of the country can be formed by means of different actors – state, international organizations, corporations, interested groups, think tanks, brokers, mass media, academic circles, cultural figures, Diaspora (parties, organizations, communities), special services and etc. In order to analyze the existing media image, correction or the formation of the new image in any country it is very important to know the cycle of decision making in that country.

Besides, it should be taken into consideration that the image of such countries as Armenia is not only a product of the pure journalism. It can be a constituent part or a component of propaganda, lobbying, PR (including international), public diplomacy (cultural, media, sport, museum and etc.), branding, psychological or informational war/actions, interference of the special services and etc., because for small states the creation of the constant positive image (including the financial reasons), as well as the protection against the negative image created by this or that international actor (amid the open information flows), very often is rather difficult. Under these conditions it is very important to have the so-called “barrier” which would protect the “immune system” of the nation and society.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИИ

Грант Микаелян

После обретения независимости Грузия оказалась в ситуации хаоса, вызванного обвалом экономики и территориальными конфликтами с Абхазией и Южной Осетией.

В статье анализируются основные векторы внутренней политики Грузии в их увязке с внешнеполитическими развитиями, а также парадигма развития межгосударственных контактов Грузии с Арменией и уступок в адрес армянской общины Тбилиси.

1. Внутренняя политика Грузии до прихода Саакашвили

После обретения независимости в 1991г. Грузия оказалась в ситуации хаоса. Экономика полностью обвалилась вследствие ряда серьезнейших проблем: проигранная война с бунтующими Абхазией и Осетией, гражданская война, развал прежней системы управления. Ко всему этому добавилась также неправильная политика тогдашних властей, в том числе инициатива Шеварднадзе внести денежные средства в Сбербанк с обещанием удвоить сумму. В результате, экономика Грузии фактически обанкротилась, причем не вышла из кризиса до сих пор¹.

Первый президент Грузии Звиад Гамсахурдия изначально победил на выборах со значительным отрывом, набрав 86% голосов [2]. Уже спустя несколько месяцев из-за тотально неправильного курса, его рейтинг значительно упал, усилилась оппозиция и началась гражданская война, что имело плачевные результаты для Грузии. В скором времени в Грузию вернулся Эдуард Шеварднадзе, который в свою очередь набрал на выборах около 80% голосов.

¹ Среди республик Южного Кавказа только Грузия так и не смогла преодолеть порог своего экономического развития в советское время. Так, паритет покупательной способности на душу населения в ценах 2007г. в Грузинской ССР 1985г. составлял \$7604, а в самом 2007г. – \$4400. Для сравнения: в Армении в 2007г. он составлял \$5693. Помимо Грузии, своих советских показателей не достигли Украина, Молдова, Кыргызстан, Таджикистан [1, pp. 195-198].

В период президентства Шеварднадзе клановость в Грузии была особенно очевидна. Партия президента состояла из двух групп: людей «старой закалки», его личных друзей и родственников и молодых реформаторов. Режим Шеварднадзе основной своей заслугой считал достижение стабильности, при этом обещаемое экономическое развитие так и не наступило¹. В реформаторском крыле правительственной партии Грузии «Союз Граждан Грузии» тогда состояли люди, впоследствии ставшие лидерами будущей революции, – Зураб Жвания, Нино Бурджанадзе, Михаил Саакашвили, Ванო Мерабишвили, Гия Бокерия и многие другие. Зураб Жвания и Нино Бурджанадзе успели побывать председателями парламента, Михаил Саакашвили – министром юстиции. И это довольно типично для постсоветского пространства, где бывшие высокопоставленные чиновники из числа молодых реформаторов зачастую становятся оппозиционерами и требуют революционной смены власти в стране.

Грузия в 1990-е была похожа на множество постсоветских стран: чиновничий произвол, массовая коррупция, разворовывание международных грантов и гуманитарной помощи, которую Грузия получала довольно долго. Те же карточки на хлеб, очереди за хлебом, перебои с поставками электроэнергии, костры во дворах и многое другое.

В первой половине 1990-х в Грузии царил настоящий хаос – мелкие «князья» контролировали большую часть страны, не была обеспечена безопасность дорог, неприкосновенность имущества и вообще безопасность жизни граждан; царил высокий уровень преступности и разгул криминальных элементов. Кроме того, совершенно не контролировалась Абхазия Аслана Абашидзе; она была отдельным феноменом в Грузии того времени.

Аслан Абашидзе был выдвинут на пост руководителя Абхазии Звиадом Гамсахурдия² в 1991г. Абашидзе создал в Абхазии модель «квазигосударства». Приведем некоторые характерные факты:

1. За все время правления Абашидзе в центральный бюджет Грузии не было перечислено ни одного цента;
2. Абашидзе удалось избежать распространения гражданской войны на Абхазию посредством поддержки России;
3. Абхазия имела фактическую государственную границу и пограничные пункты не только с Турцией, но и с остальной Грузией;

¹ Так, экономический рост 1996-1997гг. сменился стагнацией. В 1996 и 1997гг. экономика Грузии росла на 110-111%, а в 1998-2002гг. экономический рост составлял 1-5% ежегодно, что не ощущалось жителями страны. См.: Статистический комитет СНГ, Грузия. cisstat.org/rus/georg.html; Департамент статистики министерства экономического развития Грузии, statistics.ge.

² Звиад Гамсахурдия тогда объявил депутатам: «Тот, кто поддерживает независимость Грузии, проголосует за избрание Аслана Абашидзе».

4. Аджария имела подобие большинства госструктур, функционирующих в обычном государстве, собственный парламент, вооруженные силы, состоявшие из 25-й бригады ВС Грузии, причем их численность по грузинским меркам была довольно большой – до 3.000;
5. Контроль порта и всех доходов с моря и от транзита в Турцию для всего постсоветского пространства;
6. Экономического коллапса в Аджарии не было;
7. Режим Абашидзе имел по сути министерство иностранных дел под вывеской офиса Ассамблеи европейских регионов, Абашидзе проводил независимую внешнюю политику, в том числе добился некоторых успехов – поддержки России и европейских структур¹.

Однако примечательны и отличия Грузии от других постсоветских стран. Во-первых, проблемы с электроэнергией продлились гораздо дольше, несмотря на то, что Грузия очень богата гидроресурсами. Еще в 2000г. столица Грузии оставалась в темноте. Во-вторых, нестабильность политической системы часто выражалась в покушениях на президента. В-третьих, у Грузии практически не было боеспособной армии, численность войск составляла 12 тысяч, а призывы исполнялся только на 3-10%. В-четвертых, в Грузии очень быстро развивался третий сектор (общественные организации) и свободные СМИ, в развитии которых большую роль сыграл Зураб Жвания. Это обстоятельство и стало основой для будущей революции.

2. Президент Саакашвили и Грузия в 2003-2008гг.

Перечисленное и есть то, с чем Грузия вошла в 21 век и впоследствии встретила «революцию роз». Как можно догадаться, следствием революции стало изменение ситуации на *абсолютно* противоположную. Так, первым шагом Саакашвили было укрепление президентской власти. Далее последовали аресты и репрессии старых коррумпированных чиновников, в том числе потому, что выполнение популистских обещаний, данных народу ранее, оказалось невозможным. На выборах 4 января 2004г. Саакашвили набрал почти 97% голосов, одержав еще более убедительную победу, чем его предшественники. Этот факт предопределил развитие многих процессов в Грузии в следующие годы.

¹ В 1992г. президент России Борис Ельцин присвоил председателю Верховного Совета Аджарии воинское звание генерал-майора Вооруженных Сил Российской Федерации; уже в 2004г. Генеральный секретарь Европейского совета Вальтер Швиммер не увидел никаких проблем в произошедшем на его глазах разгоне митинга в Аджарии.

То, что делалось далее, можно назвать процессом создания государства. Саакашвили пошел путем создания властной вертикали с авторитарным, а порой и диктаторским стилем управления. Опорой его власти стали силовые министерства, а ввиду очень небольшого круга лиц, которым Саакашвили доверял, с тех пор и по сей день продолжается ротация министров на разных должностях, а в среднем каждый министр проводит на одной должности примерно полгода – год. Так, министр образования становится министром обороны, а министру обороны поручается найти рынки сбыта для вина. Бессменным остается лишь министр внутренних дел Вано Мерабишвили¹.

В мае 2004г. Саакашвили устроил бархатную революцию в Абхазии и сверг Аслана Абашидзе; коррупция на местах и взяточничество были значительно снижены, а также отменена служба ГАИ, что решило проблему пополнения бюджета. Огромными темпами росли расходы на силовой блок – МВД и армию, причем ассигнования на армию, составлявшие до прихода Саакашвили порядка \$30 млн. в год, выросли примерно в 30 раз и достигли \$1 млрд. к 2007г. Примерно вдвое меньшую сумму составляли расходы на обеспечение внутреннего порядка и госбезопасность. При этом расходы на социальные нужды, образование и здравоохранение росли медленнее².

Таблица 1

Экономика Грузии, 2003-2008гг.

	Экономический рост	Доходы бюджета Грузии, млн. \$	Расходы на оборону, млн. \$	Расходы на соц. защиту, млн. \$
2003	+11.1%	617,3	28,6	160
2004	+5.9%	1189,1	83,5	250,6
2005	+9.6%	1799,5	218,8	345,4
2006	+9.4%	2488,8	405,7	387,7
2007	+12.3%	3548,5	884	376,5
2008	+2.3%	-	1052,4	-

Источники: *Georgian Statistical Yearbook, 2008, p. 247;*

Cisstat.org, Грузия cisstat.org/rus/georg.html ;

IMF World Economic Outlook imf.org/external/pubs/ft/weo/2008/02/weodata/index.aspx

Численность личного состава вооруженных сил Грузии выросла примерно в 3 раза и достигла 36.5 тыс. Саакашвили объявил беспощадную войну криминалу и местному самоуправству. Проблемы с электроэнергией были решены довольно легко: надо сказать, Грузия имела потенциал их решения, а одной из

¹ Отметим, что именно свержение в 2001г. министра внутренних дел Кахи Таргамадзе, который служил правой рукой и опорой Шеварднадзе, сделало режим беспомощным перед революцией в ноябре 2003г.

² Так, суммарные расходы на оборону, МВД и госбезопасность в 2003г. составляли 10.9% всей расходной части бюджета; в 2007г. они составили 36.6% всех расходов.

основных причин отсутствия света и тепла была перепродажа электричества в Турцию. Были предприняты шаги в направлении создания правового государства, однако все это делалось вовсе не демократическими методами.

Объявленная правительством официальная репатриация, а также конфронтация с Россией в 2005-2006гг. и высылка из России грузинских граждан принесли свои плоды: в 2005г. в Грузию въехало на 76.3 тыс. чел больше, чем выехало. Несмотря на официальную риторику властей Грузии, объявленное Россией эмбарго на ряд товаров грузинской продукции сильно повлияло на экономику Грузии; эта проблема была отчасти решена тотальной приватизацией и экономическими реформами – а осуществлено это было министром экономики Кахой Бендукидзе, использовавшим тогда лозунг «мы продадим все, кроме совести». В дальнейшем была создана должность специально для него – Государственный министр по координации экономических реформ, где он и продолжал осуществлять свои подчас радикальные реформы. В результате приватизации и ряда других мероприятий, а также репатриации значительного количества грузинских граждан, правительство Грузии получило в свое распоряжение значительные материальные средства, которые и дали толчок к развитию страны на несколько лет.

Кроме того, и это также знаменательно, власть Саакашвили занялась ограничением свободных СМИ. Так, в 2005г. было закрыто издательство «Самшобло», в здании которого находилось множество редакций газет и телекомпаний, оппозиционных правящему режиму. Предлогом была приватизация и перепродажа здания зарубежному инвестору, однако даже сейчас (в 2010г.) здание в центре города пустует. Были закрыты некоторые телекомпании, оставшиеся же были подвергнуты давлению (для иллюстрации см. *Таблица 2*).

Таблица 2
Динамика количества аналитических передач с политическими дебатами в 2003-2008гг.

ТВ	Октябрь 2003	Октябрь 2006	Март 2008
<i>Рустави-2</i>	1 ежедневный	1 еженедельный	2 еженедельных
<i>Имеди (Надежда)</i>	1 ежедневный / 1 еженедельный	2 еженедельных	Канал закрыт
<i>Первое общественное телевидение Грузии</i>	1 ежедневный / 1 еженедельный	Нет	1 ежедневный
<i>Мзе (Солнце)</i>	1 ежедневный	Нет	Нет
<i>9 Архи (9 канал)</i>	1 ежедневный	Канал закрыт	Канал закрыт
<i>Иберия</i>	1 ежедневный	Канал закрыт	Канал закрыт
<i>Кавкасия</i>	1 ежедневный	1 ежедневный	1 ежедневный
<i>202</i>	Нет	1 ежедневный / 1 еженедельный	Канал закрыт

Положение на 2003 и 2006гг. из книги "საქართველოს პოლიტიკური ლანდშაფტი", с. 212 («Политический Ландшафт Грузии», на грузинском языке).

В дополнение к сказанному, власть Саакашвили можно описать следующими характеристиками:

- Нынешняя власть в Грузии являет собой ту «крепкую руку», которую так ждало население Грузии в период хаоса; в ней же оно было разочаровано несколько лет спустя;
- Следствием революции было повышение демократической риторики и понижение уровня демократии – того специфического уровня, который позволил революции произойти¹;
- Выраженное *мессианство* Саакашвили: большинство своих начинаний президент Грузии характеризует словами «впервые в истории Грузии», «впервые в Европе» (или даже в мире); сюда же можно добавить регулярное проведение параллелей с историческими царями Грузии (в первую очередь, с Давидом Строителем). Это дало некоторым аналитикам основания считать, что одной из целей Саакашвили является «оставить след в истории Грузии»;
- Саакашвили является харизматичным лидером. Его характеризуют эмоциональность, агрессия и напористость в достижении своих целей – это наглядно было продемонстрировано в ходе событий 2001-2003гг., когда он не согласился с второстепенной ролью и смог победить исходно более сильных конкурентов в лице партии власти, Лейбористской партии, партии Жвания и Бурджанадзе и партии Абашидзе «Возрождение»;
- Саакашвили взял курс на радикальную вестернизацию страны и осуществляет его путем жестких реформ; ориентация на Запад комбинируется с антироссийской риторикой. Это приводит к противостоянию со значительной частью населения, которая считает себя обманутой и отторгнутой.

Изначально Саакашвили акцентировал внимание на мистике и символизме, а порой и на «магии чисел», увязывая все свои масштабные мероприятия с религиозными праздниками и прочими памятливыми датами, а также намекая, что это предначертано судьбой. Однако в будущем этот метод у него переймет оппозиция, и Саакашвили откажется от него.

3. Вопрос Абхазии и Южной Осетии

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос сецессионистских республик – Абхазии и Южной Осетии, получивших свою независимость в результате войн 1991-1994гг. Грузины – очень эмоциональный народ; в их национальном мифе достаточно значимую часть занимает образ грузина-воина. Вопрос отколовших-

¹ См. [3, с. 13].

ся регионов для Грузии в эмоциональной плоскости оставался прежде всего вопросом ущемленного достоинства.

Согласно официально озвучиваемым цифрам, число беженцев грузин из Абхазии составляет 300-500 тысяч. В действительности, это число значительно завышено. В 1989г. в Абхазской АССР проживало 239 тыс. грузин; перепись 2003г. показала около 45 тыс. грузин (в т.ч. указавших себя мегрелами), проживающих в Абхазии¹. Учитывая, что в этот период естественный прирост в Грузии был практически равен нулю, а большая часть беженцев уехала в Россию, общее их число можно оценить в 200±5 тыс., из которых в Грузии на сегодня проживает не более половины.

Популистские обещания, розданные Саакашвили в предвыборный период, его идея мессианства, а впоследствии также и острая нехватка легитимности, толкают его на активные шаги в отношении Абхазии и Осетии. Среди них следует выделить:

- Локальное военное противостояние на линии огня с Южной Осетией (2004);
- Закрытие контрабандного рынка в Эргнети, за счет которого жила большая часть населения Южной Осетии (2005);
- Установление контроля над Кодорским ущельем, переименование его в Верхнюю Абхазию и размещение там альтернативной администрации (2007);
- Создание альтернативного правительства на контролируемой грузинской стороной части Южной Осетии во главе с Дмитрием Санакоевым (2007);
- Запуск пропагандистского телеканала «Алания» (2007) и в качестве кульминации –
- Военный конфликт с Южной Осетией, который сразу же перерос в межгосударственный конфликт с Россией в августе 2008г.

Тема отколовшихся регионов до сих пор крайне актуальна в Грузии. Часть населения продолжает ожидать их возвращения в Грузию, часть же смирилась с их окончательной потерей. Если до августовской войны численность первых значительно превышала численность вторых, то сегодня можно предполагать, что эти группы примерно равны по численности.

¹ Результаты переписей населения в Абхазии с 1897 по 2003гг.
<http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnabkhazia.html>

4. Политическая оппозиция в Грузии: генезис и современное состояние

Парламентские выборы 2003г. были наиболее конкурентными выборами в парламент Грузии за все время. 7%-ый барьер на них преодолело 6 политических партий. Проводимый одновременно неправительственной организацией «Справедливые выборы» альтернативный подсчет показал несколько другие результаты. В них проценты, набранные оппозиционными партиями, были выше, чем в официальных итогах, результаты, полученные правительством – соответственно ниже. Уже 25 ноября, после своей отставки сам Э. Шеварднадзе признал, что выборы были сфальсифицированы. Их результаты были отменены, а на весну 2004г. были назначены перевыборы.

Таблица 3

Результаты парламентских выборов в 2003-2008гг.

Выборы	2.11.2003	28.3.2004	21.5.2008
«За новую Грузию»	21.32%		
«Возрождение»	18.84%	3.86%	
«Национальное движение»	18.80%	66.24%	59.18%
«Бурджанадзе-демократы»	8.79%		
Лейбористская партия	12.04%	6.01%	7.44%
«Новые правые»	7.82%	7.56%	
Объединенная оппозиция			17.73%
Республиканская партия			3.78%
Христианско-демократическое движение			8.66%

К началу 2004г. ситуация довольно сильно изменилась. Партии, не принявшие участие в «революции роз», были маргинализированы в глазах общества, а также изолированы стараниями официальной пропаганды. Тем не менее, авторитарные методы управления новой власти привели к росту числа ее противников, и ее рейтинг пустился в свободное падение прямо после президентских выборов, когда Саакашвили набрал около 97% всех голосов.

На выборах 2004г. власти набрали 66%, при этом заняли порядка 220 из 235 мест в парламенте. В условиях роста общественного недовольства подобное соотношение никак не отражало соотношение популярности политических партий в обществе. Парламент постепенно стал восприниматься как нечто неле-

гитимное, тем более что его полномочия в условиях сильного президента сократились. Политика, проводимая новой властью, очерчивала все новые маргинальные круги, в которых оказались разные слои общества. Сначала это была тбилисская интеллигенция, потом уличные торговцы, представители разных партий. Метафора Саакашвили о поезде, который начал свое движение, а те, кто не в нем, остаются за бортом, фактически может быть переведена как «кто не с нами, тот против нас». И в результате эта политика обернулась против него.

Силы, ослабленные постреволюционным развитием событий, начали усиливаться на ниве радикальной критики правительства, а сам властный блок стал постепенно дробиться, и от него откалывались некоторые известные лица и группы – например, Республиканская партия. Центр политической активности все более перемещался из парламента сначала на телеканалы, а потом – на улицу. Своего апогея общественный протест достиг в 2007г. В сентябре произошел пробный митинг, а в ноябре началась акция протеста. Судя по численности присутствовавших, она была самой масштабной за всю историю постсоветской Грузии. Однако, поскольку программы партий были разными и постоянно менялись по ходу митинга, а также в силу естественных причин, число митингующих быстро сокращалось, и 7 ноября акция была разогнана, а результатом стало введение чрезвычайного положения и запрета на трансляцию оппозиционных каналов.

Оппозиция перенимала множество методов, уже использованных Саакашвили, но ее основными отличиями от него несколькими годами ранее было отсутствие решимости, единого харизматического лидера и какого-либо стратегического планирования. Основой объединения оппозиции был протест против власти. Однако в коалиции оппозиционных партий не было согласованности относительно дальнейших действий. Предварительным решением было объявление парламентской республики. Оппозиция отказалась от мандатов, полученных в 2008г., и не признала итоги выборов. С апреля по сентябрь 2009г. продолжались безрезультатные уличные акции.

Напряжение, начавшееся с избрания Саакашвили, периодически ослабевает и усиливается все последние годы, однако протест остается достаточно сильным. Конечно, говорить о точных цифрах очень сложно, но можно попробовать сделать некоторые оценки на основе ряда социологических опросов и последних выборов.

Соотношение на данный момент можно оценить примерно следующим образом: в столице: сторонников – 30%, противников – 50%, остальные колеблются; в регионах: сторонников – 40%, противников – 15%, остальные колеблются или индифферентно относятся к внутривнутриполитической борьбе.

Что касается внешних сил, то Россия до недавнего времени поддерживала Игоря Гиоргадзе, который был министром госбезопасности Грузии, но был обвинен в покушении на Э.Шеварднадзе и бежал в Москву еще в 90-х. Фигура эта в Грузии была окончательно маргинализирована в 2005-2006гг., однако альтернативной кандидатуры Москва подыскать не сумела. До недавнего времени Россия поддерживала только Гиоргадзе, однако сегодня круг грузинских оппозиционеров, пользующихся российской поддержкой, расширился. Что касается Вашингтона, то там предпочитают сотрудничать одновременно с несколькими группами, чтобы избежать проблемных ситуаций.

Если попробовать смоделировать ситуацию на будущее, то какой-либо динамики не ожидается, поскольку неудачи Саакашвили, как внутри страны, так и во внешней политике, не прекратились. При этом оппозиция показала себя в общем неспособной свергнуть Саакашвили или объединиться для какой-либо серьезной цели. Видимо, число людей, разочарованных в политике страны, со временем будет увеличиваться.

Во внутривнутриполитической борьбе основными аргументами остаются «национальное предательство» и «сотрудничество с Россией», причем чаще всего они применяются со стороны правительственных кругов.

5. Религия в политике Грузии

Одной из особенностей постсоветской Грузии является выраженная религиозность населения и фактическое участие православной церкви в политике. В Конституции Грузии продекларирована свобода вероисповедания. Однако, в 9 статье Конституции закреплено, что «государство признает исключительную роль Грузинской православной церкви в истории Грузии и вместе с тем провозглашает ... независимость церкви от государства». В 2001г. к этой статье был добавлен второй пункт, согласно которому, взаимоотношения между государством и церковью определены Конституционным договором, который удостоился весьма неоднозначных оценок [4, с. 59, сс. 62-63].

В Грузии до сих пор не принят Закон о религии, и существует множество проблем, связанных с религиозными меньшинствами. В первую очередь, дискриминации подвергаются «Свидетели Иеговы» и ряд традиционных религий Грузии – ААЦ, католическая церковь и др. При этом до сих пор ни одна религиозная организация не может зарегистрироваться в статусе, отличном от неправительственной организации, что, естественно, не устраивает Армянскую Апостольскую, Католическую церкви и другие.

Согласно переписи населения 2002г., доля грузин и православных примерно совпадает – 84%¹. Однако православными являются также русские, часть армян и других нац. меньшинств, а часть грузин является мусульманами².

¹ См.: http://statistics.ge/_files/english/census/2002/Religious%20beliefs.pdf – население Грузии по религиозным убеждениям (по стране в целом и регионам).

² Это преимущественно лазы и аджарцы.

Сегодня грузинская церковь является конкурентом государства за национальные проекты и пытается установить свое абсолютное влияние. В таких условиях естественно столкновение интересов руководства с церковью как централизованной структурой. При этом обе стороны пытаются скрыть и нивелировать этот конфликт. Поскольку церковь является единственной всеобъемлющей структурой в Грузии, выжившей в советский период, при этом она претендует на высокий моральный авторитет, ее роль и авторитет действительно высоки и фактически превышают аналогичные у государственных структур.

Грузинская церковь, по сути, сегодня занята вопросом консолидации нации. Этому можно найти множество подтверждений, но достаточно будет и одного – поздравляя грузинский народ с Рождеством 7 января 2010г., патриарх сказал следующее: «Есть силы, которые подталкивают мало мыслящих людей к тому, чтобы Библия или другие книги были переведены на мегрельский, сванский и лазский, дабы была подготовлена почва для того, чтобы в ближайшем будущем объявить эти ответвления грузинского языка уже отдельными языками. <...> В мире распространяются карты и квалификации, якобы Грузия – искусственное объединение аджарцев, лазов, сванов, мегрелов и других, якобы у каждого из них свой язык и культура. Этим они хотят представить нашу нацию как объединение различных наций. Отсюда до распада государства – один шаг»¹. В церковной терминологии это филетизм, но, как уже было сказано, сегодня грузинская церковь видит своей основной задачей именно консолидацию нации.

В 2001г. уровень доверия к государственным институтам был чрезвычайно низок: полиции доверяли около 4% опрошенных, церкви же – 63%. На втором месте после церкви находился институт омбудсмена. Ему доверяли 14% [5]. С тех пор вырос авторитет как гос.структур, так и самой церкви. Для того чтобы ясно представить динамику положения грузинской церкви, надо отметить, что в 1978г. лишь 1% опрошенных студентов Тбилисского государственного университета признали себя верующими; в 2000г. таковых оказалось уже 89% [6]. Понятно, что в 1978г. не все верующие осмелились признать себя таковыми, а в 2000г. – не все атеисты смогли признаться в этом, но динамика совершенно очевидна. Согласно одному из опросов, 65% населения разделяли мнение, что «вера и религиозные ценности должны определять все аспекты жизни общества и государства». Причем среди сторонников фундаментализма оказалось приблизительно 70% студентов.

Важно отметить, что католикос-патриарх Илья находится на своем посту уже 32 года². Дату его интронизации и день рождения Патриарха грузинской церкви сейчас отмечают как национальные праздники. Таким образом, грузинская православная церковь и имя Ильи Второго в сегодняшней Грузии являются практически синонимами. К нему апеллируют все без исключения политические силы Грузии, особенно, оппозиция, которая надеялась найти в нем опору

¹ <http://www.apsny.ge/2010/soc/1262901255.php>

² Его интронизация состоялась 25 декабря 1977г.

для борьбы против Саакашвили.

Сегодня Грузинская православная церковь (ГПЦ) пытается вести самостоятельную политику, в том числе *внешнюю*. ГПЦ во главе с Ильей вторым поддерживает дипломатические контакты с Русской православной церковью (РПЦ) и добивается некоторых результатов¹. Так, РПЦ до сих пор не признает Абхазскую и Югоосетинскую самопровозглашенные церкви отдельными от грузинской и называет ГПЦ своим главным союзником в борьбе с «раскольниками» на Украине².

Уже в конце 2009г. Тея Тутберидзе, одна из руководителей «Института Свободы», сделала несколько клипов и разместила их в сети *Facebook*, а также, дала интервью, где «разоблачила» Патриарха в пророссийской и антигосударственной деятельности. Это вызвало скандал в грузинском обществе³; конфликт набирает обороты, поскольку «Институт Свободы» был одной из основных структур, которые привели к власти Саакашвили, и считается идеологической основой современной грузинской власти.

Некоторые итоги

Весь последний век Грузия стремилась к унитаризации. Данный результат частично достигнут, хотя и вызвал конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Промежуточная напряженность в межнациональных отношениях сохраняется.

В Грузии очень явно выражена фобия в отношении потери территорий и дальнейшего распада страны. Антироссийская риторика остается одним из основных политических аргументов во всех дебатах – и хотя оппозиция пытается каким-то образом снизить накал в российско-грузинских отношениях, власти педалируют оттепель.

Рейтинг Саакашвили и его администрации остается в районе 40% и дает ему небольшую свободу в действиях; со стороны некоторых сил регулярно раздаются обвинения в предательстве Родины и поддержке армянских требований в связи со строительством автодороги Батуми-Гюмри и открытием КПП Казбеги-Верхний Ларс. Вероятнее всего, Саакашвили останется у власти до конца своего второго срока и назначит преемника из своей команды.

Влияние внешней политики на внутреннюю значительно, однако оно все же не является решающим, и внутренний конфликт в результате военного поражения от России практически не ослаб и не усилился.

Роль политической оппозиции будет оставаться стабильной на протяжении ближайших месяцев, в то время как роль Грузинской православной церкви

¹ Патриарх Грузии: Абхазия и Осетия вернутся в состав Грузии. По итогам встречи с патриархом России Кириллом в Баку <http://ru.trend.az/news/politics/foreign/1611936.html>

² <http://www.stavropolye.tv/russian/view/12702>

³ <http://www.inosmi.ru/sngbaltia/20091027/156438658.html>
<http://evrazia.org/article/1143>

может продолжать расти. И это обстоятельство будет осложнять как межгосударственные контакты Грузии с Арменией, так и уступки в адрес армянской общины в Тбилиси.

Январь, 2010г.

Источники и литература

1. UNPD HDI (Human Development Index) 2009 Complete report, Table "Economy and inequality".
2. *Фатех Вергасов*. Гамсахурдиа. Псевдология (Pseudology.org), 17.03.2007. №0241.
3. *Искандарян А.*, Феномен цветных революций. Кавказ-2004. Ежегодник Кавказского института СМИ.
4. *Ивлиан Хаиндрава*. Религия в Грузии: 21 век // Религия и политика на Кавказе. Материалы международной конференции, СМІ, Ер.
5. «Ваши права». Периодическое издание Народного защитника Грузии, №1, 2001 (на груз. языке).
6. *Nugzar Papuashvili*, World religions in Georgia, Tbilisi, Liberty Institute, 2002.

DOMESTIC POLICY OF MODERN GEORGIA

Hrant Mikaelyan

Resume

After the independence in 1991 Georgia appeared in a chaotic situation. The economy was fully destroyed as a result of a number of serious problems. For the whole last century Georgia had tended to unitarization. The result was obtained though it caused conflicts in Abkhazia and South Ossetia. The interim interethnic tension still remains.

The influence of the foreign policy on the domestic one is considerable but, however, it is not the determinant and the internal tension has neither increased nor diminished in the issue of military defeat by Russia.

The role of the political opposition will be stable in the months to come while the role of the Georgian Orthodox Church will be growing. And this circumstance will complicate both the interstate contacts between Armenia and Georgia and the concessions to the Armenian community in Tbilisi.

РЕФОРМЫ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТУРЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ПОЛИТИКИ ПО ЕВРОИНТЕГРАЦИИ

Левон Овсепян

С точки зрения реформ, осуществляемых в Турции в контексте ее возможного членства в ЕС, наиболее чувствительно реформирование сферы военной и национальной безопасности страны, которое имеет своей целью ограничение роли военных в общественно-политической жизни и установление правительственного контроля над областью безопасности. В плане законодательных и структурных реформ наиболее важные и существенные подвижки в системе безопасности Турции были зафиксированы в самом влиятельном органе военно-политической сферы страны – СНБ.

Введение

Известно, что турецкие военные играли существенную роль в общественно-политической жизни страны, что реализовывалось главным образом посредством активного вмешательства СНБ. В рамках возможного членства Турции в Евросоюзе (далее – ЕС) было выдвинуто условие для соответствия системы военной безопасности демократическим критериям, так как укорененные в стране военно-политические взаимоотношения совершенно не адекватны реалиям ЕС. Поэтому власти страны предприняли ряд шагов, направленных на законодательные и структурные изменения в данной сфере. В статье реформы в сфере безопасности представлены главным образом на примере СНБ, с обращением также к соответствующим оценкам ЕС и недавним военно-гражданским отношениям и развитиям в Турции.

На пути к полноправному членству в ЕС турецкое правительство предприняло ряд шагов, нацеленных на проведение конституционных и законодательных реформ, которые относятся к различным областям политической системы – правам человека, свободе слова, к правам нацменьшинств и т.д. В этом плане наиболее проблематичным является процесс установление контроля над органами безопасности страны и реформирование укоренившихся с 1960-х гг.

жестких политических взаимоотношений между властью и военными [1].

В июле 2003г. Великое Национальное Собрание Турции (ВНСТ) приняло так называемый «7-й пакет реформ», считавшийся предусловием на пути членства в ЕС и предполагавший ограничение роли военных в политической жизни страны посредством реформирования СНБ, что дало повод некоторым авторам охарактеризовать случившееся в качестве «бархатной революции». А некоторые аналитики оценили это даже в качестве небольшой победы правящей партии «Справедливости и развития» в ее борьбе с военными¹.

Очевидно, что роль военных, обладавших посредством СНБ особыми рычагами влияния, не соответствовала Копенгагенским критериям: «стабильности структур, гарантирующих демократию» и «верховенство закона» [3, р. 12]. Поэтому реформы, осуществлявшиеся именно в системе военной безопасности, были поставлены в качестве первоочередных предусловий на пути членства Турции в ЕС.

1. Роль СНБ в республиканской Турции до осуществления реформ

В качестве прототипа СНБ можно рассматривать учрежденный в апреле 1933г. Высший совет обороны, который предполагал проводить совещания по поводу проблем в оборонной сфере под председательством президента или премьер-министра, при участии начальника генерального штаба вооруженных сил (ВС) и членов совета министров [4, с. 32].

Данный орган сменился созданным в 1949г. Высшим советом национальной обороны, которому были переданы полномочия по принятию решений и реализации политики в области национальной обороны и связанных с нею различных отраслей. В обязанности данного органа, в частности, входили: разработка национальной оборонной политики, контроль над процессом реализации ее положений, подготовка и, в случае необходимости, реализация плана по национальной всеобщей мобилизации, представление точек зрения совету министров касательно национальной обороны².

После того, как в 1960г. военная элита путем переворота взяла в свои руки всю власть, в качестве последующего шага, уже на законных основаниях, был создан конституционно закрепленный современный СНБ, посредством которого в дальнейшем и реализовывалась власть военных в стране [5, с. 181]. Это и стало тем действенным механизмом, благодаря которому военная элита, и, в особенности, начальник Генштаба ВС «закрепили свою первоочередную и бес-

¹ Например, см. [2].

² См. Официальный сайт СНБ, http://www.mgk.gov.tr/Turkce/tarihke_2.html

спорную роль» в политической системе. Принятая в 1961г. Конституция заложила основу для так называемой «двуглавой политической системы в виде Совета министров, существующего наряду с СНБ, и военного правосудия, действующего независимо и бок о бок с гражданским правосудием», что постоянно наносило ущерб политическому управлению страны [3, с. 7]. После событий 1960г. роль военных в качестве безошибочного и безопасного стража страны укоренилась как в политической традиции, так и в контексте общественного восприятия. И в качестве обоснования этой роли военная элита выдвинула свое недоверие по отношению к политической власти, исходя из неспособности последней решать возникающие перед страной проблемы и противостоять угрозам безопасности [6, р. 79], что в дальнейшем, при активном участии и посредством решений СНБ, привело к ряду переворотов и смен власти. Сторонники сохранения и усиления роли военных в политических процессах страны рассматривали последних в качестве «крепости политической умеренности и твердой руки политической стабильности» [1].

Конституция 1961г. фактически закрепила создание СНБ: закон, принятый в апреле 1962г. согласно ее 111-й статье, заложил правовую основу создания совета. Главной обязанностью вновь созданного совета являлось представление основных точек зрения совету министров по вопросам принятия решений, связанных с национальной безопасностью страны, и их координации [1].

В соответствии с осуществленными в сентябре 1971г. конституционными изменениями, участвовавшие в совете безопасности в статусе членов представители силовых ведомств были дополнены также представителями родов войск, а представляемые правительству со стороны совета решения получили «принудительно-совещательный» характер, что еще более усилило вес СНБ [4, s. 32]. Кроме того, как заметил датский исследователь Бертиль Кнудсен, именно события 1971г., связанные со сменой власти, придали СНБ еще больше силы, используемой в качестве «средства жесткого контроля над турецкой политикой» [3, с. 8].

Расширение полномочий СНБ и структурные изменения оказались еще более значительными после военного переворота в сентябре 1980г., когда, фактически, этот орган взял в свои руки все управление страной. Перед передачей власти в руки политических деятелей военные предприняли реализацию законодательных и конституционных изменений. В соответствии со 118-й статьей новой турецкой Конституции (от 1982г.) был принят новый закон об СНБ, согласно которой данный орган был реструктуризирован, получив еще более широкие полномочия. Во-первых, в совете было увеличено число военных – представителей силовых структур, что, естественно, расширило влияние военных и их контроль над процессом принятия решений. Закон 1983г. об СНБ предусматривал положение «об обращении первоочередного внимания» на решения

СНБ в повестке дня совета министров, что в дальнейшем превратилось в традицию безусловного им следования¹. Согласно этому же закону был создан находящийся под контролем начальника Генштаба ВС секретариат, имеющий большой личный состав и обладающий широкими полномочиями [4, с. 33].

Таким образом, созданный с целью обеспечения безопасности и национальной обороны СНБ, имея широкие полномочия, с течением времени превратился в высший орган военного контроля над политической администрацией и государственно-политическими процессами вообще.

2. Законодательные и институциональные реформы СНБ в контексте политики Турции по евроинтеграции

Турецкое правительство во главе с партией «Справедливость и развитие» (ПСР), составившей большинство в ВНСТ после парламентских выборов в ноябре 2002г., приступило к процессу приближения к стандартам ЕС отношений между военными и политическими кругами, а также органов безопасности. Демократизация сферы безопасности предполагает ограничение роли военных в общественно-политической жизни страны. Именно по этой причине в Турции выражали недоверие к этим реформам, и порой казалось, что они невозможны. Процесс реформ называли трудноосуществимым, поскольку он был инициирован ПСР, имеющей исламские корни и не пользующейся доверием военной элиты [3, с. 12]. Между тем можно согласиться с турецким аналитиком Эрселом Айдынли, утверждающим в своей статье, что Анкара не согласилась бы с проведением реформ без согласия и поддержки военных кругов, поскольку именно они рассматривают членство Турции в ЕС как окончательную «модернизацию» страны [7]. Другой турецкий аналитик – Сонер Чагаптай – в доказательство того, что власти и военные достигли согласия в этом вопросе, ссылается на назначение (сроком на один год) генеральным секретарем СНБ высокопоставленного военного чиновника, хотя уже действует новый, реформированный порядок, в соответствии с которым этот пост должно занимать гражданское лицо [8]. В этом плане весьма характерны аргументы, представленные премьер-министром Турции Реджепом Таипом Эрдоганом ЕС: мол, процесс модернизации турецкого государства продвигают именно военные².

Важным сигналом к демократизации турецкой системы безопасности стал Хельсинкский саммит³, за которым последовали определенные реформы в дан-

¹ См. Официальный сайт СНБ, <http://www.mgk.gov.tr>

² <http://www.hri.org/news/turkey/trkpr/2003/03-06-06.trkpr.html#07>

³ На саммите глав государств и правительств стран Евросоюза в декабре 1999г. было принято решение о расширении ЕС. Турция официально получила статус страны, претендующей на членство в ЕС, и взяла на себя обязательства провести демократические реформы в общественно-политической и социально-экономической сферах. Подробнее см. [9, pp. 15-63].

ной сфере. Первые, основные изменения коснулись 118-й статьи Конституции. В соответствии с ними Совет национальной безопасности стал конституционным органом. После этих изменений, внесенных в октябре 2001г., большую часть членов Совета составили представители правительства, а не военных кругов. Предлагаемые Советом решения носят рекомендательный характер и не предполагают «первоочередного обсуждения» в кабинете министров, как раньше [10, s. 78]. И все же структурная и кадровая специфика Совета национальной безопасности, порядок его деятельности, круг обязанностей и полномочий не соответствовали выдвинутым ЕС критериям, а потому в 2003г. турецкий парламент принял «7-й пакет реформ», призванный восполнить этот пробел. Этот документ имел существенное значение в плане ограничения обязанностей и полномочий Совета, а также осуществления структурно-организационных преобразований.

Первым шагом стали изменения, внесенные в августе 2003г. в закон о Совете и генеральном секретариате национальной безопасности в целях их приведения в соответствие с Основным законом страны. Эти изменения в значительной мере сузили круг полномочий СНБ и уменьшили степень его влияния. Согласно реформированному закону, генерального секретаря СНБ назначает премьер-министр, что в свою очередь предполагает назначение на эту должность гражданского лица. Отныне заседания Совета созываются раз в два месяца, раньше это делалось раз в месяц [4, s. 33-34].

В докладе о прогрессе в деле вступления Турции в ЕС за 2003г. подчеркивалось, что осуществляемые реформы выявляют кардинальные изменения в полномочиях, обязанностях и организации деятельности СНБ. В частности, изменения в законе о СНБ значительно сужают рамки исполнительных и контрольных функций генерального секретаря Совета. Так, отныне он не может от имени президента или премьер-министра осуществлять контроль над выполнением решений и поручений Совета¹. Важным шагом в плане ограничения полномочий генерального секретаря стала отмена «тайного порядка», определяющего обязанности и принципы работы секретариата. Раньше он позволял генеральному секретариату СНБ действовать в качестве «автономной исполнительной власти». В соответствии с принятым правительством новым порядком сужены рамки полномочий секретариата, ужесточены его связи со штабом. Кроме того, упразднен ряд подразделений, выполнявших посреднические функции, их число сокращено до 6 (вместо прежних 11). В числе упраздненных подразделений был и президиум по связям с общественностью, отвечавший за проведение операций информационно-психологического характера [4, s. 34].

¹ См. 2003 regular report on Turkey's progress toward EU accession, http://www.ec.europa.eu/enlargement/archives/pdf/key_documents/2003/tr_tk_final_en.pdf

Реформы уменьшили и влияние СНБ на различные общественно-политические структуры, ограничили возможность его вмешательства в их дела. Ликвидированы представительства Совета в Управлении по контролю над кино-, видео- и музыкальной продукцией, хотя СНБ был представлен в Высшем управлении по телевидению и радио и Высшей комиссии по образованию¹. В 2004г. после острой критики со стороны Европейской комиссии представители Совета в этих учреждениях были отозваны [3, с. 13].

Назначение в 2004г. на должность генерального секретаря СНБ гражданского лица стало существенным прогрессом в деле утверждения демократических критериев во взаимоотношениях СНБ и политического спектра вообще с военными кругами². Президент утверждает генерального секретаря Совета из представленного премьер-министром списка кандидатов, при этом глава кабинета министров может представить только кандидатуры гражданских лиц. Это позволяет осуществлять гражданский контроль над деятельностью секретариата и Совета национальной безопасности [1]. Кроме того, было значительно сокращено число работающих в секретариате военных (из 294 работников военное сословие представляют только 15 человек)³. Ранее постоянный аппарат генерального секретариата как военный орган состоял из 350 действующих и отставных военнослужащих, руководил им назначаемый Генеральным штабом ВС военный чиновник. Прогрессивным шагом на пути к «демилитаризации» и демократизации СНБ было признано назначение дипломатов на посты двух главных советников генерального секретаря, а также тот факт, что в 2005г. не были продлены договоры с 20 военнослужащими-работниками секретариата, срок полномочий которых к тому времени истек [4, с. 43].

В настоящее время СНБ Турции может принимать те или иные меры только по инициативе премьер-министра. Он координирует работу Совета и решает задачи, выдвигаемые СНБ и судебной системой. Кроме того, помощник премьера получает право следить за выполнением решений Совета [2]. В соответствии с изменениями в 4-й статье закона о СНБ и генеральном секретариате, которые были внесены в августе 2003г., премьер-министр может поручить своему помощнику представить в кабинете министров рекомендательные решения и мнение СНБ, а также от имени правительства координировать работу и следить за ходом выполнения одобренных кабинетом решений⁴. Таким образом, осуществлявший функции исполнительной власти орган, в котором преобладали военные, стал структурой консультативного характера, призванной помо-

¹ См. 2003 regular report on Turkey,s progress toward EU accession.

² См. Turkey puts civilian over its National Security Council, reduce role, www.worldtribune.com, Dec. 3, 2004

³ Ibid.

⁴ См. Закон о СНБ и генеральном секретариате Турции см. <http://www.mgk.gov.tr>

гать кабинету министров и аппарату премьера своими рекомендательными решениями. Как заявил на пресс-конференции кадровый дипломат Йигит Алпохан, первое гражданское лицо, вступившее в должность генерального секретаря СНБ, «передача полномочий уже состоялась, и сегодня Совет является не исполнительным, а консультативным органом». По его словам, в Турции уже определен статус военной и политической власти, что говорит о приверженности страны критериям ЕС, и если бы не реформы, не было бы и прогресса на пути к вступлению в эту европейскую организацию¹.

Куда более очевидным в свете реформ стало участие политической власти и особенно правительства в начатом 24 октября 2005г. процессе разработки и утверждения концепции национальной безопасности Турции (*Milli Güvenlik Siyaset Belgesi*). Кабинет министров во главе с правящей партией «Справедливость и развитие» явно подчеркивал свое преимущество в разработке секретного документа, тем самым давая понять, что решающее слово должно быть за политической властью. Это также соответствует требованиям ЕС об уменьшении роли военных кругов в политической жизни страны [11]. Ранее процесс разработки и утверждения концепции безопасности был привилегией военной элиты во главе с СНБ.

Европейский союз дал положительную оценку этим реформам, однако в докладе о прогрессе в деле вступления Турции в ЕС за 2004г., как и в предыдущем, подчеркивалось, что «военные по-прежнему оказывают влияние с помощью различных неофициальных механизмов: в своих публичных заявлениях и выступлениях, а также посредством СМИ военные-члены СНБ высказывают свою точку зрения о социально-политических и внешнеполитических проблемах»².

Вместе с тем в докладе 2004г. отмечалось, что, помимо законодательных и структурных реформ, политическая власть должна на деле выполнять контрольные функции, особенно в вопросе формулирования и осуществления стратегии национальной безопасности, в частности, в том, что касается отношений с соседними странами, а также в осуществлении контроля над военным бюджетом³.

В своем докладе за 2008г. Еврокомиссия подвергла Турцию серьезной критике за недостаточно качественное проведение реформ в сфере безопасности. Вопрос об установлении гражданского контроля над сферой безопасности все еще остается открытым. Турецкие вооруженные силы по-прежнему играют значительную роль в политических процессах, применяя при этом как формальные, так и неформальные механизмы. Высокопоставленные военные чи-

¹ См. Turkey puts civilian over its National Security Council, указ. соч.

² См. 2003 regular report on Turkey,s progress toward EU accession, 2004 regular report on Turkey,s progress toward EU accession; Commission of the European Communities Brussels, 06.10.2004, p. 23, <http://www.foreigntrade.gov.tr>

³ См. 2004 regular report on Turkey,s progress toward EU accession, p. 23.

новники открыто представляют свою позицию по вопросам внутренней и внешней политики, а также о светском укладе жизни, политических партиях и других вопросах, находящихся вне их компетенции¹.

Нет прогресса и в вопросе усиления парламентского контроля над военным бюджетом. Соответствующая комиссия меджлиса рассматривает только бюджет министерства обороны, между тем есть внебюджетные структуры, которые остаются вне контроля. Речь идет о Фонде содействия военной промышленности, с помощью которого и поступает основная часть военно-технических средств².

Особое беспокойство евроструктур вызывают попытки турецкого генералитета установить контроль над прессой и институтами гражданского общества. В июне 2008г. в турецкой газете *Taraf* был опубликован материал о тайном плане Генштаба ВС Турции. Согласно этой публикации, разработан план действий, касающийся инициатив военных кругов в политической и общественной жизни страны. Цель этого документа заключалась в формировании соответствующего общественного мнения по ряду вопросов, к которым турецкий генералитет весьма чувствителен. Как утверждают некоторые источники, турецким Генштабом был даже составлен «черный список», куда попали известные в стране люди, в том числе и нынешний президент А.Гюль, а также представляющие гражданское общество организации. Их обвиняли «в получении финансовых средств от разных фондов США и ЕС, желающих расчленить Турцию, и в осуществлении их планов внутри страны». Кстати, в последние годы в некоторых общественно-политических, научных и военных кругах Турции активизировались разговоры о намерении внешних сил расчленить и развалить турецкое государство. Это явление можно назвать «севрофобией» или «синдромом расчленения». В турецком восприятии это некий козырь, который внешние силы используют с тем, чтобы добиться от Турции всевозможных уступок. Иными словами, Турция тотально боится утраты территорий, а потому она, противостоя внешним угрозам и вызовам, решает в то же время внутривнутриполитические проблемы.

В октябре 2009г. Еврокомиссия опубликовала очередной свой доклад, который также обращался к наличествовавшим в сфере безопасности Турции проблемам и необходимости дальнейших реформ. Согласно докладу, высшее командование турецких ВС продолжает по разным поводам вмешиваться в общественно-политическую жизнь страны. Помимо прочего, в докладе указывалось, что в законах, относящихся к внутрислужебной сфере ВС и к СНБ, полноценное реформирование так и не было осуществлено, что дает возможность манев-

¹ См. Turkey 2008 Progress Report,

http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/press_corner/key-documents/reports_nov_2008/turkey_progress_report_en.pdf

² Ibid.

рирования для руководства ВС. Не было зафиксировано прогресса и относительно установления гражданского контроля над силами безопасности, так же как, впрочем, над военными расходами и прозрачностью бюджета обороны¹.

4. Взаимоотношения между военными и политиками (гражданской властью) на примере СНБ

Несмотря на законодательные и структурные реформы, имеющие отношение к Совету национальной безопасности, турецкая военная элита все еще сохраняет за собой ведущие позиции во внутри- и внешнеполитической сфере. ЕС положительно оценивает проделанную работу, но, тем не менее, придает особое значение практическому применению внесенных изменений, урегулированию и приданию демократического характера отношениям между армией и политиками.

Вопросы, связанные с определением внутри- и внешнеполитического курса, конкретизацией позиции страны по региональным проблемам, традиционно находились в компетенции военной, а не политической элиты. И наличие ряда проблем, которые генералитет рассматривает как угрозу Турции, не позволит ему покинуть передовую линию турецкой политики и уйти в тень. Кроме того, после прихода к власти происламской партии «Справедливость и развитие» между политической и военной элитой установились довольно-таки напряженные отношения, о чем могут свидетельствовать неоднократные обвинения в адрес правительства Эрдогана в росте реакционных настроений в стране, а также предупреждения и призывы к бдительности. Так, в 2007г. начальник Генерального штаба ВС Турции Яшар Бююкант выступил с резкими и жесткими заявлениями и предупреждениями о реакции, поднимающей голову в стране, и необходимости воспрепятствовать ей любой ценой². Представители генералитета и особенно начальник Генштаба ВС весьма резко отреагировали на заявления ЕС о вмешательстве турецких военных в политические процессы. Они подчеркнули, что поддерживают усилия, направленные на вступление Турции в Евросоюз, однако армия должна иметь право решающего голоса в вопросах национальной безопасности и сохранения светского уклада жизни государства. В «политическом документе о национальной безопасности» Турции генералитет закрепил тезис о том, что будет делаться все для предотвращения роста реакционных настроений в стране³. Подобные заявления высшего офицерского состава были расценены ЕС как прямое вмешательство военных кругов в поли-

¹ Turkey 2009 Progress Report, Brussels, 14.10.2009, p. 10-11,

http://www.abgs.gov.tr/files/AB_Iliskileri/Tur_En_Realitons/Progress/turkey_progress_report_2009.pdf

² См. Anadolu Ajansı, 02.10.2006, <http://www.aa.com.tr>

³ См. Turkish army rejects EU criticism of political meddling, <http://www.turkishpress.com>, 02.10.2006

тическую жизнь. Реакция турецкого генералитета была еще более резкой. Командующий военно-морскими силами Турции Йенер Караханоглу, выступая в военной школе в Тузле в октябре 2006г., заявил, что «турецкие вооруженные силы, играющие особую роль в деле модернизации страны, никогда не пойдут на уступки ЕС». При этом он отметил, что армия ни за что не откажется от этой роли ради вступления Турции в ЕС¹. Некоторые авторитетные СМИ охарактеризовали подобные заявления военных как вызов, брошенный Турцией Евросоюзу, и отметили, что вмешательство генералитета в политические дела негативно отразится на усилиях турецкой стороны, направленных на вступление в эту европейскую организацию².

По сути дела, изменения в сфере безопасности и в отношениях между армией и политической властью, их приведение в большее или меньшее соответствие с критериями ЕС не свели на нет влияния военных на политические процессы.

На нынешнем этапе взаимоотношений военной и политической власти наблюдается определенная двойственность. Турецкий генералитет является носителем идей кемализма, согласно которым место Турции как светского государства западного образца – в Европе. В данном аспекте процесс вступления страны в ЕС вполне вписывается в рамки кемалистской идеологии. Турецкие военные прекрасно понимают, что при этом будут урезаны полномочия армии. Однако все дело в том, что военная элита с большим подозрением относится к нынешним властям и не хочет покидать политическую арену, особенно в условиях, когда в стране остро встал Курдский вопрос, в регионе могут произойти непредсказуемые события, затрагивающие интересы национальной безопасности Турции.

В своем выступлении в Стамбульской военной академии в апреле 2009г. начальник Генштаба ВС Турции Илькер Башбуг расставил основные акценты в вопросах, касающихся отношений между армией и правительством, борьбы против терроризма, а также светского уклада жизни. Он, в частности, отметил, что правительство должно прислушиваться к советам армии и считаться с нею, в противном случае политики понесут ответственность за неудачи³.

Высокопоставленный военный чиновник в очередной раз дал понять, что высшее командование армии внимательно следит за внутривластными процессами, и правительству следует считаться с этим. Хотя в Турции и были осуществлены реформы, они пока не в полной мере обеспечивают создание механизмов демократического контроля над органами безопасности и вооружен-

¹ См. Turkish General Challenged the EU; <http://www.turkishweekley.net>, 03.10.2006

² См. <http://www.ankaajansi.com>, 28.09.2006; <http://www.turkishweekley.net>, 30.09.2006

³ См. Başbuğ'dan çok kritik açıklamalar, <http://www.haber3.com>, 14.04.2009

ными силами, и военные круги по-прежнему вмешиваются в общественно-политическую жизнь.

Таким образом, главным и наиболее спорным остается вопрос практического применения осуществленных изменений, что в нынешних условиях едва ли возможно, особенно если учитывать международные и региональные проблемы, по которым военные занимают более жесткую позицию, нежели политическая власть страны.

Ноябрь, 2009г.

Источники и литература

1. *Barak Salmoni*, Turkey's Summer 2003 Legislative Reforms: EU Avalanche, Civil-Military Revolution, or Islamist Assertion?, *Strategic Insight*, Vol.3, issue 9 (Sept.2003), <http://www.ccc.nps.navy.mil>
2. *Justus Leicht*, Turkey: Reform limits some military powers; <http://www.wsws.org/articles/2003/aug2003/turk-a19.shtml>
3. *Bertil V. Knudsen*, The role of the military in Turkish politics, Copenhagen Un., Jan. 2005, <http://www.videt.dk/miliduty.pdf>
4. Almanak Türkiye 2005, Güvenlik Sektörü ve Demokratik Gözetim, Tesev Güvenlik Sektörü Çalışmaları Dizisi Özel Yayın -2006, www.tesev.org.tr
5. *Удо Штайнбах*, История Турции. М., 2006.
6. *Mehmet Ali Birand*, Shirts of Steel, An Anatomy of the Turkish Armed Forces. London-New York, 1991.
7. *Ersel Aydinli, Nihat Ali Özcan, Dogan Akyaz*, The Turkish Military's March Toward Europe, *Foreign Affairs*, January/February 2006, <http://www.foreignaffairs.org/20060101faessay85108/ersel-aydinli-nihat-ali-ozcan-dogan-akyaz/the-turkish-military-s-march-toward-europe.html>
8. *Soner Cagaptay*, European Union Reforms Diminish the Role of the Turkish Military: Ankara Knocking on Brussels' Door, The Washington Institute of Near East Policy, PolicyWatch#781, August 12, 2003, http://www.ciaonet.org/pbei/winep/policy_2003/2003_781.html. <http://www.hri.org/news/turkey/trkpr/2003/03-06-06.trkpr.html#07>
9. *Dr. Sanem Baykal*, Turkey-EU Relations in the Aftermath of the Helsinki summit: An Analysis of Copenhagen Political Criteria in Light of the Accession Partnership, National program and the Regular Reports, Ankara Review of European Studies, vol.2, No3, 2002.
10. Türkiye Cumhuriyeti Anayasası, Yasa Kitapları Dizisi:1, İstanbul, 2003.
11. *А.Гурьев*, Новая концепция национальной безопасности Турции. <http://www.noravank.am>, 2005-11-17.

REFORMS OF THE NATIONAL SECURITY COUNCIL OF TURKEY IN THE CONTEXT OF EUROPEAN INTEGRATION POLICY

Levon Hovsepyan

Resume

From the point of view of the reforms carried out in the context of Turkey's EU membership, the reforms regarding the military and national security spheres are the most perceptible. Those reforms purpose to restrict the role of the militaries in different public and political spheres and to establish democratic control over the security sphere. In the context of legal and structural reforms the most important and essential advance was noticed in the most influential organ of military and political sphere of that country – the NSC. Despite the legal and structural reforms regarding the NSC, the Turkish military elite still preserves the leading positions in domestic and foreign political spheres.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ НА ВОЗВРАЩЕНИЕ И КОМПЕНСАЦИЮ УЩЕРБА

Михаил Агаджанян

В последнее время все чаще стали обсуждаться вопросы возможного возвращения беженцев и вынужденных переселенцев – как необходимого элемента в достижении долгосрочного мира в карабахском конфликте. Оставляя за рамками данной статьи многие вопросы принципиального характера, имеющие отношение к решению проблемы перемещенных лиц из зоны карабахского конфликта и вокруг него на справедливой основе, которая бы с необходимостью учитывала, например, права армянских беженцев из бывшей Азербайджанской ССР¹, в статье приводится фактологический материал из международной практики решения вопросов возвращения перемещённых лиц и возмещения нанесенного им ущерба.

Вопрос возвращения беженцев и внутренне перемещенных лиц (вынужденных переселенцев) в места своего прежнего жительства² практически во всех современных конфликтах носит политизированный характер. Несмотря на то, что имеется множество международно-правовых норм, резолюций международных организаций о признании, гарантировании и реализации прав перемещенных лиц на возвращение, ни в одном из межгосударственных конфликтов современности этот вопрос не получил своего эффективного разрешения, которое бы выразилось в удовлетворении законных требований всех лиц, имеющих право на возвращение, реституцию³ имущества или компенсацию.

¹ По данной теме мы уже выступали со своими предложениями, в том числе в соавторстве с Минасяном С. и Асатрян Э. См.: *Агаджанян М., Минасян С., Асатрян Э.*, Карабахский конфликт: Беженцы, территории, безопасность, Ер., «Наири», 2005; *Агаджанян М., Минасян С., Асатрян Э.*, Азербайджан против народа Карабаха: политико-правовые последствия агрессии и их влияние на перспективы региональной безопасности, Ер., «Наири», 2006; *Агаджанян М.*, Нагорно-карабахский конфликт в свете защиты прав человека: политические и правовые аспекты, Ер., «Институт политических исследований», 2009.

² Такое возвращение можно именовать *репатриацией* перемещенных лиц на свою родину.

³ Реституция (от лат. *restitutio* – восстановление) – форма материального возмещения ущерба в результате неправомерного акта путем восстановления состояния, существовавшего до его совершения. т.е. восстановление в прежнем правовом, имущественном положении. В соответствии с нормами международного права реституция выражается в возвращении неправомерно захваченного имущества.

Стороны конфликта рассматривают вопрос возвращения с политических позиций, где оценка ситуации и перспектив развития событий происходит по принципу «нулевой суммы» (насколько ты проиграл, ровно настолько выиграл твой противник). Через возвращение перемещенных лиц сторона, которая принимает их у себя, стремится вернуть потерянные территории или усилить свои позиции на территориях, представляющих спорный характер. Соответственно, другая сторона конфликта через противостояние данным намерениям своего оппонента стремится к недопущению возвращения лиц, которые находятся под покровительством другой стороны конфликта.

1. Перемещенные лица (беженцы и вынужденные переселенцы): право на возвращение и компенсация ущерба

Непосредственная реализация программ по возвращению перемещенных лиц носит специфически относимый к конкретной конфликтной ситуации характер. Есть лишь общие принципы, закрепленные на международно-правовом уровне, которые должны лежать в основе всех специальных программ возвращения, механизмов расселения лиц и которым – предполагается, что в обязательном порядке, – должны следовать стороны конфликта. К этим принципам относятся следующие положения:

- возвращение должно происходить в условиях безопасности и уважения достоинства;
- никто не может быть возвращен в нарушение принципа «отказ от принудительной репатриации» (*principle of non-refoulement*): лица, претендующие на политическое убежище, не могут возвращаться в страну своего прежнего места жительства, если в этой стране они могут подвергнуться политическому преследованию;
- лица, которые из-за общей ситуации в стране происхождения или конкретных причин ожидали возвращения в течение длительного периода времени, имеют право на предоставление правового статуса в принимающей стране;
- возвращение не должно вести к разделению членов семьи;
- возвращение должно быть организационно хорошо подготовленным и реализованным с соблюдением прав человека и его достоинства;
- лица, желающие возвратиться, ставятся в полную известность о своих правах и условиях в стране предполагаемого возвращения, имеют неограниченный доступ к любой информации, касающейся возвращения, им предоставляется необходимое время для подготовки к возвращению, а также оказывается необходимая поддержка и помощь в реинтеграции в стране возвращения;

- в стране, куда возвращается перемещенное лицо, созданы все необходимые условия для безопасного и достойного возвращения, имеются условия и возможности для возвращающегося лица реинтегрироваться в гражданское общество и государство;
- возвращение не должно привести к дальнейшему (вторичному) перемещению возвращающегося лица.

Право на возвращение беженцев к местам их доконфликтного расселения является общепризнанным в международном праве, но мало востребованным и реализованным в практике международных отношений. По всей видимости, наиболее ярким проявлением этого несоответствия является многолетняя нерешаемость вопроса возвращения палестинских беженцев, несмотря на то, что еще 11 декабря 1948г. Генеральная Ассамблея (ГА) ООН однозначно закрепила право палестинцев на возвращение к родным очагам: «беженцам, желающим вернуться к своим очагам и мирной жизни со своими соседями, такая возможность должна быть предоставлена в по возможности кратчайший срок, с уплатой компенсации за имущество тех, кто предпочтет не возвращаться, и за пропажу и ущерб имуществу, каковые должны быть компенсированы соответствующими правительствами или властями в соответствии с принципами международного права или правом справедливости» (пункт 11 резолюции).

Закрепление права перемещенных лиц на возвращение, восстановление их в правах собственности или предоставление им компенсации выражены в соглашении по итогам продолжительного этнополитического конфликта на территории бывшей Югославии (Дейтонское соглашение 1995г.). Право на возвращение в этом соглашении, как и в тексте резолюции 194 ГА ООН, квалифицируется как безусловное.

Возвращение беженцев в родные места не может легитимно оспариваться с учетом положений международного права. Но и последнее зачастую связывает этот вопрос с компенсацией ущерба перемещенным лицам и тем самым оставляет место для замены возвращения другими средствами политико-правового, социально-экономического характера. Такой заменой (а в отдельных, наиболее политизированных межгосударственных конфликтах с этнической составляющей, и *подменной*) реализации права на возвращение является компенсация ущерба перемещенным лицам, не ведущая к их физическому возвращению в места доконфликтного проживания.

Международные документы закрепляют право перемещенных лиц на добровольное возвращение в условиях безопасности и уважения достоинства. Так, в качестве документа, совмещившего в себе экспертную работу с уже принятыми нормами международного гуманитарного права и международного права прав человека, можно упомянуть письменный доклад Паулу Сержиу

Пиньейру «Реституция жилья и имущества в контексте возвращения беженцев и внутренне перемещенных лиц», на основе которого была принята резолюция Подкомиссии по поощрению и защите прав человека Комиссии по правам человека (ныне – Совет по правам человека) от 28 июня 2005г. (*E.CN.4/Sub.2/2005/17*). Так, в Приложении данной резолюции «Принципы по вопросам реституции жилья и имущества беженцев и перемещенных лиц» указывается, что «все беженцы и перемещенные лица имеют право на добровольное возвращение в свои прежние дома, на свои земли или места обычного проживания в условиях безопасности и уважения достоинства». При этом оговаривается, что «беженцам и перемещённым лицам следует обеспечивать возможность эффективного осуществления долговременных решений проблемы перемещения, отличных от возвращения, если они того пожелают, без ущерба для их права на реституцию своего жилья, земли и имущества».

В международной практике существует два основных представления о компенсации ущерба. Первое – компенсация, которая была применена в 1929г. по решению Постоянной палаты международного правосудия (предшественницы нынешнего Международного суда ООН). Тогда в деле «Фабрика в Хожуве» («*Factory at Chorzow*») Постоянная палата присудила пострадавшей стороне (государству) выплату суммы, которая полностью соответствует стоимости незаконно присвоенного имущества. Второе – компенсация, которая может быть применена в случае, если существо дела не является относительно ясным и предполагает компенсацию группе или множеству субъектов, имеющих право требовать компенсации, когда прошло значительное время с момента потери собственности и точное определение стоимости имущества не представляется возможным (с учетом колебания цен, инфляции и других экономических параметров). К таким случаям относится компенсация беженцам и вынужденным переселенцам, и можно сказать, что наличие целого ряда международных и внутренних конфликтов после Второй мировой войны, приведших к появлению перемещенных лиц, вызвало настоятельную необходимость выработать некие общие принципы в вопросе компенсации ущерба.

В вопросе компенсации ущерба перемещенным лицам международное сообщество – в виде резолюций ГА ООН, практики Международного суда ООН, работы специально создаваемых международных органов в рамках ООН, региональных организаций и по дву- и многосторонним постконфликтным соглашениям между государствами – выработало ряд принципов и конкретных подходов.

В целом, сам вопрос компенсации рассматривается в зависимости от того, желает ли перемещенное лицо возвратиться в прежнее место жительства с получением права на восстановление в правах собственника (вернуться туда, где находится оставленная им, прежде всего, недвижимая собственность) или получить компенсацию без возвращения и за фактически утраченную собствен-

ность. В большинстве случаев, и это показала практика межгосударственных и отчасти внутренних конфликтов во второй половине XX века, перемещенные лица или не желают возвращаться, или такое возвращение не представляется возможным в силу объективных причин. В таком случае эти лица могут претендовать на «справедливую (адекватную) компенсацию», понимание которой сформулировано в международных документах. «Справедливая (адекватная) компенсация» может не соответствовать полной стоимости утраченного имущества, к которому перемещенное лицо не желает или не может вернуться. Она, как правило, ей и не соответствует, а исчисляется, исходя из конкретности данного дела и возможностей ответственных сторон. Считается, что современным «классическим» проявлением принципа «справедливой (адекватной) компенсации» является применение в урегулировании вокруг конфликта в бывшей Югославии по Дейтонским соглашениям 1995г. (приложение 7 к общему Соглашению под наименованием «Соглашение по беженцам и перемещенным лицам современным) следующего общего подхода: «справедливая компенсация вместо возвращения». Принцип справедливой или адекватной компенсации был взят за основу в решении вопроса перемещенных лиц в конфликте вокруг бывшей Югославии, так как стало очевидным, что возвращение лиц в места своего доконфликтного проживания не представляется возможным с учетом нахождения этих мест под контролем на территории той стороны, которая считает эти территории своими и рассматривает потенциальное возвращение этих лиц в качестве угрозы своим национальным интересам.

Таким образом, в ситуациях особенно сложного этнополитического противостояния сторон, когда достижение полного примирения не представляется возможным в обозримой перспективе¹, мнение международного сообщества склоняется к применению принципа справедливой или адекватной компенсации вместо возвращения. Определение размера и порядка выплаты такой компенсации находится в зависимости от специфики конкретного конфликта. Как

¹ Двумя известными конфликтами в период двух мировых войн, затронувших вопрос компенсации перемещенным лицам, стали болгаро-греческий и греко-турецкий конфликты. Болгаро-греческое соглашение 1919г. (Конвенция по взаимному переселению (*Convention Respecting Reciprocal Emigration*) от 27 ноября 1919г.) и греко-турецкое соглашение 1923г. содержали конкретные механизмы выплат компенсаций перемещенным по результатам конфликтов лицам. Если применение первого соглашения не носило острого характера и не вызывало жесткого сопротивления сторон, то в греко-турецком урегулировании после 7 лет взаимных упреков в пробуксовке реализации соглашения относительно прав перемещенных лиц стороны в 1930г. пришли к соглашению (*Convention between Greece and Turkey regarding the Property of Persons affected by Agreements for the Exchange of Populations, June 10 1930*), что взаимные претензии двух стран по части собственности, оставленной греками и турками, будут урегулированы по принципу взаимочета требований (оставшееся на территории сторон имущество будет распределено между перемещенными лицами с выплатой им компенсации, без возвращения в места своего доконфликтного проживания). После применения этого принципа выяснилось, что такой взаимочет показывает превышение имущества турок, оставленного в Греции, по сравнению с имуществом греков, оставленного в Турции. С учетом такого превышения Греция согласилась выплатить Турции 425 тысяч фунтов стерлингов.

правило, выработка методологии исчисления и практики выплат так или иначе находятся под контролем или осуществляются с непосредственным участием структур международного сообщества.

2. Международная практика

Современными и относительно схожими с карабахским урегулированием случаями в международной практике решения вопроса компенсации перемещенным лицам вместо возвращения являются практики кипрского и постюгославского урегулирований.

В кипрском урегулировании в свое время рассматривался и, по всей видимости, не потерял своей актуальности и сегодня подход, предложенный Генеральным секретарем ООН Б.Гали: 1) каждая община (греки-киприоты и турки-киприоты) создают агентство по рассмотрению всех вопросов, связанных с перемещенными лицами; 2) право собственности перемещенных лиц – в случае, если эти лица добиваются компенсации без возвращения, – будет трансформировано в право собственности общины, на территории которой данная собственность находится. За основу для учета собственности и расчета ее стоимости (плюс инфляция) планировалось принять ситуацию на момент турецкого вторжения на север Кипра в 1974г. По данной схеме перемещенным лицам должны быть выплачены компенсации агентствами их общин из фондов, образованных после продажи имущества, права на которые трансформировались в право собственности данного агентства, или после обмена собственностью. В случае, если после реализации подобной схемы обнаружится нехватка средств для выплат компенсации, будут выделены средства из международных или национальных фондов [1].

В апреле 2003г. следующий Генеральный секретарь ООН К.Аннан предложил план всеобщего урегулирования кипрского конфликта. В своем плане К.Аннан указал фактор времени, а именно, что события на Кипре, приведшие к нынешней ситуации, произошли 30-40 лет назад и что перемещенные лица должны быть восстановлены в своих правах, но также должны быть учтены и права тех лиц, кто в настоящее время владеет собственностью перемещенных лиц. План К.Аннана в части решения вопроса возвращения перемещенных лиц основывался на принципе ограниченного и постепенного возвращения: 1) каждый муниципалитет или сельский населенный пункт примут возвращающихся лиц, но не более 10% от своего населения на момент возвращения; 2) тем, кто выберет компенсацию вместо возвращения, будут предлагаться существенные экономические стимулы.

В целом, и предложение Б.Гали, и план К.Аннана в основание решения

вопроса ставили политический принцип этнического размежевания и административного неподчинения друг другу греческой и турецкой общин на Кипре.

В постюгославском урегулировании по Дейтонским соглашениям 1995г. была образована Комиссия по рассмотрению требований беженцев и внутренне перемещенных лиц в отношении недвижимости (далее – Комиссия). Комиссии был предоставлен прямой мандат на принятие окончательных и обязательных решений по требованиям, касающимся недвижимости, недобровольно проданной или иным способом переданной в другие руки во время войны 1991-1995гг. Требования могут предусматривать возврат имущества или справедливую компенсацию взамен возврата.

Комиссия может присуждать компенсацию в виде денежной суммы или в форме облигаций для будущего приобретения недвижимого имущества в любой части Боснии и Герцеговины [2].

Комиссия состоит из девяти членов (четверо назначаются Федерацией Босния и Герцеговина, двое – Республикой Сербской, трое – председателем Европейского суда по правам человека). Комиссия может принимать решения большинством голосов. Статья 12 Приложения 7 Дейтонского соглашения указывает, что каждое лицо, требующее возвращения собственности и чье право будет подтверждено Комиссией, должно иметь право на возвращение. Данная статья также предусматривает, что лицу, требующему компенсации вместо возвращения и чье право будет подтверждено Комиссией, будет предоставлена справедливая компенсация, определяемая Комиссией. Лицу, которому Комиссией присуждено возвращение собственности, будет предоставлена возможность лизинга¹ этой собственности вместо восстановления во владении. Для выработки общей методологии расчетов Комиссии соглашение уполномочивает последнюю установить фиксированные ставки расчетов для оценки стоимости недвижимого имущества в Боснии и Герцеговине. Для осуществления выплат предполагается создать специальный фонд в Центральном банке Боснии и Герцеговины, который бы находился под управлением Комиссии.

Как известно, стороны кипрского урегулирования до сих пор не выработали решения относительно компенсаций перемещенным лицам, а практика урегулирования этого вопроса в постконфликтной ситуации на территории бывшей Югославии свидетельствует о неэффективности работы механизмов Дейтонских соглашений.

¹ При заключении договора лизинга (англ. *leasing*) по недвижимому имуществу предполагается следующая общая схема правоотношений: арендодатель (лизингодатель) обязуется приобрести в собственность указанное арендатором (лизингополучателем) имущество у определенного им продавца и предоставить лизингополучателю это имущество за плату во временное владение и пользование.

Интерес представляет и опыт палестино-израильского урегулирования вопроса перемещенных лиц.

Выше уже была отмечена резолюция 194 ГА ООН, закрепившая право палестинских беженцев на возвращение к родным очагам. В декабре 1949г. ГА ООН постановила учредить Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР): *United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East, UNRWA*. Инициатором решения о создании БАПОР выступило правительство США, которые председательствовали в то время в Согласительной комиссии ООН по Палестине. Решение было принято, когда стало ясно, что правительство вновь созданного государства Израиль препятствует возвращению на его территорию сколь-нибудь существенного числа беженцев. Правительство США предложило ГА ООН создать специальное учреждение, в функции которого входило бы дальнейшее оказание помощи беженцам, но главным образом – организация крупномасштабных проектов развития (отсюда и слова «организации работ» в названии БАПОР). Арабские страны согласились с таким предложением лишь после того, как получили заверения в том, что учреждение БАПОР не будет угрожать праву беженцев на возвращение к родным очагам согласно резолюции 194 ГА ООН. Об этом прямо говорится в резолюции 302 ГА ООН от 8 декабря 1949г., утвердившей мандат БАПОР. Таким образом, БАПОР стал тем международным механизмом, в котором сосредоточилась работа по оказанию первой помощи палестинским беженцам, оказанию помощи в переселении беженцев из палаток в более стабильные жилища и содействию в реализации планов социального и экономического развития, направленных в первую очередь на расширение сельскохозяйственного производства, абсорбцию палестинцев в региональную экономику. Таким образом, создание БАПОР стало неким альтернативным решением скорейшему возвращению палестинских беженцев в родные места, совместившим в себе элементы создания благоприятных условий жизнедеятельности перемещенных лиц в местах их текущего расселения с элементами компенсации нанесенного им ущерба путем международной помощи для создания физической и социальной инфраструктуры в этих новых местах их расселения.

В середине 1950-х годов БАПОР попыталось осуществить две крупные программы переселения беженцев, однако их отвергли как принимающие страны, так и сами беженцы, настаивая на своем праве возвратиться в места своего доконфликтного проживания. В 1957-1967гг. БАПОР отказалось от крупномасштабных планов регионального развития и сосредоточилось на осуществлении программ помощи, а также программ в области здравоохранения в лагерях беженцев. В октябре 1993г., месяц спустя после принятия 13 сентября Деклара-

ции о принципах организации временного палестинского самоуправления (соглашения «Осло-1»), имевшей целью постепенную передачу властных полномочий Палестинской национальной администрации, БАПОР в целях поддержки мирного процесса объявило о начале «программы реализации мира». Программа включила проекты по улучшению состояния учебных заведений и медицинских учреждений, строительству жилья и других объектов инфраструктуры, а также предоставление ссуд для малого бизнеса.

Мандат БАПОР обновляется каждые 3 года.

С 1975г. бюджет БАПОР – отдельная строка в бюджете ООН, не зависящая от размера добровольных дотаций доноров. При регулярном годовом бюджете, составляющем около \$1,1 млрд, потребность БАПОР во внебюджетном финансировании на 2008-2009гг. оценивается его сотрудниками, подавляющее большинство которых составляют палестинцы, в \$1,2 млрд в год. Цифры особенно впечатляют, если вспомнить о том, что бюджет ООН на 2008-2009гг. принят в размере \$4,17 млрд. При этом большинство лагерей палестинских беженцев превратились к настоящему времени в обычные ближневосточные города и деревни с развитой инфраструктурой, включающей систему образования, здравоохранения и социальные службы. По данным на 2007г. БАПОР контролировало обучение 490 тысяч школьников в 666 школах и большом числе средних школ в Ливане, осуществляло профессионально-техническую подготовку 6000 учащихся, строило и ремонтировало 730 объектов системы образования, готовило 1400 и повышало квалификацию 1800 преподавателей. Медицинские программы Агентства в сотнях больниц и клиник охватывали миллионы палестинцев – только в сфере стоматологии на плановой основе проводилось лечение 700 тысяч беженцев в год. БАПОР создало уникальную систему опеки, превратив 1,3 млн палестинских беженцев, живущих в 58 лагерях на территории Иордании, Сирии, Ливана, сектора Газа и Западного берега реки Иордан, в постоянных клиентов (опекаемых лиц) мирового сообщества. Они и их потомки имеют возможность гарантированного существования за его счет на протяжении десятилетий. Уровень благосостояния, образования и социальной инфраструктуры палестинских лагерей беженцев по местным меркам более чем достаточен, а для ряда стран Ближнего и Среднего Востока – весьма высок [3].

В отношении палестино-израильского конфликта существует большая практика экспертных комментариев реализации соответствующих резолюций ГА ООН по компенсации ущерба палестинцам. Эти комментарии можно свести к следующему. Существует четыре вида компенсации такого ущерба: (1) компенсация тем, кто не желает возвращаться; (2) компенсация возвратившимся за потерю имущества или его повреждение; (3) компенсация в случае получения

от владения другим лицом прибыли из утраченного имущества; (4) компенсация за нематериальный ущерб.

Как известно, общий вопрос палестино-израильского урегулирования в значительной степени затруднен именно ввиду нерешаемости вопроса возвращения палестинцев на территории, которые они занимали до 1948 и 1967гг. Также известно, что, в отличие от кипрского и постюгославского конфликтов, большинство перемещенных лиц или их потомков из числа палестинцев готовы вернуться в места доконфликтного проживания.

По вопросу оценки общего объема компенсации перемещенным лицам из числа палестинских беженцев официальные расчеты международных или национальных структур в последнее время не проводились. В ноябре 1951г. общая стоимость покинутой палестинскими арабами собственности, включая земельные угодья, была оценена Отделом по делам беженцев Комиссии ООН по примирению в Палестине (*The Refugee Office of the Palestine Conciliation Commission*) в 100 млн. 383 тысячи палестинских фунтов (\$280 млн в ценах того времени) [4].

На сегодняшний день существуют экспертные оценки по данному вопросу, которые весьма разнятся в количественном плане. Так, в середине 1990-х – начале 2000-х годов Ш.Газит (*Shlomo Gazit*) оценивал объем компенсации в размере от \$5 до 10 млрд [5], Дж. Альфер (*Joseph Alpher*) и Х. Шикаки (*Khalil Shikaki*) – от \$15 до 20 млрд [6], а оценки некоторых экспертов исчислялись сотнями миллиардов долларов (например, А. Кубурси (*Atif Kubursi*) – \$327 млрд [7]).

Существуют экспертные оценки по объемам выплат компенсации лицам, не желающим возвращаться (вышеуказанная компенсация (1)), и лицам, которые готовы вернуться (компенсация (2), (3) и (4)). По оценкам на 2000г. компенсация лицам, не желающим возвращаться, составляла 420 тысяч долларов США на среднестатистическую по численности семью палестинцев (6 человек) [8]. Вопрос же компенсации ущерба лицам, готовым к возвращению, помимо прочего связывается с дополнительными расходами на создание физической (жилье) и социальной (школы, больницы, др.) инфраструктуры в местах их предполагаемого возвращения. Предполагается, что адекватная или справедливая компенсация, о которой говорилось выше применительно к постюгославскому и кипрскому урегулированию, в отношении палестинского вопроса будет означать, что компенсация по типам (2), (3) и (4) не может быть полной, а включит в себя значительную часть расходов международных и национальных структур на создание инфраструктуры для потенциальных возвращенцев.

Предметное рассмотрение вопросов возвращения палестинцев и выплаты им компенсации на взаимосвязанной основе порождает ряд проблем, среди ко-

торых эксперты отмечают, в частности, следующие: должны ли выплаты осуществляться Израилем и/или международным сообществом; должны ли выплаты непосредственно производиться при посредничестве израильских и/или палестинских властей, международной структуры под эгидой ООН или других организаций; должны ли выплаты компенсировать моральный и материальный ущерб или только материальный; должны ли выплаты учитывать инфляцию за 60 лет потери имущества; должны ли выплаты осуществляться на индивидуальной и/или коллективной основе; должны ли выплаты быть единовременными или поэтапными; должны ли выплаты быть в натуральной, денежной или смешанной форме, возможно ли предоставление услуг в счет выплаты компенсации; должны ли затраты, уже понесенные БАПОР, быть учтены как часть компенсаций, и если да, то должны ли нынешние государства, принявшие беженцев на своей территории, компенсировать стоимость инфраструктуры, которая останется после расформирования лагерей (данный аспект особенно актуален для Ливана) [9].

В целом, вопросы возвращения палестинцев и компенсации им ущерба содержат значительную политическую составляющую. Обсуждение этих вопросов, так или иначе, поднимает проблему ответственности за исход палестинцев и, как следствие, за их неопределенное положение сегодня.

Примечателен следующий факт в долгом и пока безрезультативном диалоге вокруг вопроса реализации права палестинских беженцев на возвращение. Переговоры в американском Кемп-Дэвиде в 2000г. стали первым конкретным обсуждением лидерами Израиля и палестинцев проблем беженцев и других вопросов, отнесенных к сфере так называемого «окончательного урегулирования». Президент США Б.Клинтон, принимавший активное участие в переговорах на всех их этапах, изложил свои мысли по поводу решения проблемы палестинских беженцев. На встрече с палестинской делегацией в Белом доме он заявил, что по историческим причинам палестинским лидерам будет сложно отказаться от претензий на право на возвращение, но, с другой стороны, он понимает и причины отказа Израиля признать право палестинцев на возвращение, расценивая его как угрозу еврейскому характеру государства. Б.Клинтон выразил надежду, что «разногласия в большей степени касаются формулировок, нежели того, что произойдет на практике» [10].

Тогда президент США предложил определенные рамки для решения проблемы беженцев, включающие создание международного комитета для проведения в жизнь всех аспектов урегулирования – таких, как выплата компенсаций, расселение в других арабских странах, частичная репатриация и т.д. США тем временем будут готовы руководить международными усилиями по оказа-

нию помощи беженцам. Любое решение, по мнению Б.Клинтона, должно было быть принято на основе взаимного согласия и вести к созданию двух государств для двух народов. Б.Клинтон предложил две формулировки решения, чтобы избежать трудностей при его интерпретации: либо «обе стороны признают право палестинцев на возвращение в “историческую Палестину”», либо «обе стороны признают право палестинцев вернуться на родину». При этом «родиной» может считаться не только Израиль, но и территории, находящиеся под контролем Палестинской администрации [11].

Международные судебные органы универсального и регионального характера при разрешении дел о восстановлении имущественных прав перемещенных лиц исходят из принципа соблюдения прав всех беженцев и вынужденных переселенцев на возвращение имущества или получение компенсации за его утрату. Региональные судебные органы по правам человека, как европейские, так и, например, межамериканские, последовательно присуждают компенсацию жертвам нарушений прав человека¹. Правила Международного трибунала для бывшей Югославии разрешают этой судебной структуре одновременно с вынесением обвинительного приговора принимать решение о возвращении имущества или доходов от него лицам, признанным жертвами, даже если имущество попало в руки третьих лиц вне связи с преступлением, за совершение которого был осужден обвиняемый (статья 105 Правил о процедуре и доказательствах, принятых Международным трибуналом 11 февраля 1994г.). Можно указать также на рекомендацию Межамериканской комиссии по правам человека о выплате возвратившимся вынужденным переселенцам справедливой компенсации за утраченное имущество, включая дома, посеvy, домашний скот и домашнее имущество, вынесенную при рассмотрении дела *Мискито*. Директива Всемирного банка, касающаяся недобровольного переселения, также предусматривает компенсацию всех убытков, причиненных вследствие переселения, лицам, переселяемым в недобровольном порядке в связи с осуществлением проектов развития, повлекших обострение экономических, социальных и экологических проблем.

¹ В 1989г. Межамериканский суд по правам человека принял решение по делу *Velasquez-Rodriguez v. Honduras* на основе справедливой компенсации, о которой говорится в статье 63 Американской конвенции по правам человека 1969г. Суд объединил под понятием «справедливой компенсации» необходимость возмещения пострадавшим лицам, в частности, следующих элементов компенсации: неполученные доходы и моральный ущерб. В своем решении Суд подчеркнул, что «справедливая компенсация должна применяться в достаточно широких пределах для того, чтобы возмещать, в возможных размерах, понесенный ущерб». (*Velasquez-Rodriguez v. Honduras. Interpretation of the Judgement on Compensatory Damages. Supra Note 95. para 27*). Это определение стало в дальнейшем прецедентом в практике Суда при рассмотрении схожих с указанным делом случаев.

3. Общая схема систематизации, организации и реализации работ по компенсационным выплатам

С учетом предшествовавшей международной практики урегулирования вопроса выплат компенсаций общую схему предварительной и непосредственной работы ответственных структур можно представить следующим образом:

I. Систематизация компонентов предполагаемой компенсации

- индивидуальные материальные потери (лишение собственности, уничтожение или повреждение имущества, лишение прибыли от владения имуществом, др.);
- индивидуальные нематериальные потери (насильственные действия, пытки, психические страдания, оставление родных мест, унижающее человеческое достоинство обращение, лишение свободы, принудительная работа, др.).

II. Определение размера компенсации

- методы идентификации и оценки имущества;
- методы оценки нематериальных потерь;
- воздействие региональных программ реконструкции на компенсацию перемещенным лицам, оценка строительства или модернизации необходимой инфраструктуры, изучение ситуации и прогнозирование последствий в социальной сфере в конкретном регионе в случае возвращения туда перемещенных лиц (занятость, межнациональные отношения, др.).

III. Выяснение форм предоставления компенсации

Ими могут быть:

- предоставление имущества в натуральной форме, схожего по своим параметрам с утраченным имуществом (движимое и недвижимое имущество);
- выплаты в виде денег;
- ваучеры (приватизационные чеки), облигации для отдельных лиц или семей;
- инвестиции в социальное и экономическое развитие, доленое участие в коллективных проектах развития.

IV. Процедура выплат

- сбор и систематизация документов;
- получение и проверка обращений;
- выплата компенсации.

Некоторые выводы

Международная практика свидетельствует, что по прошествии длительного времени возможность перемещенных лиц и их желание вернуться в места доконфликтного проживания уменьшаются, и приблизительно в промежутке от 5 до 10 лет практически полностью становятся невостребованными с их стороны (наверное, единственное исключение – палестинские беженцы). Утраченная собственность или находится в руках другого собственника, и изъятие этой собственности у него не представляется возможным, или сама собственность уже уничтожена или настолько пришла в негодность, что не подлежит восстановлению. В этом случае цивилизованная европейская практика свидетельствует, что страна, на территории которой находится такая собственность, устанавливает соответствующие компенсационные механизмы, среди которых наиболее распространены являются: предоставление аналогичной собственности со схожими характеристиками и адекватной стоимостью; денежные выплаты; предоставление государственных облигаций, акций в предприятиях с государственной собственностью и со стабильным получением дохода.

Хотя этот опыт европейских стран относится к реализации программ реституции собственности бывшим владельцам имущества, лишенным ее в годы социалистического периода развития в Восточной Европе¹, некоторые его элементы являются весьма показательными в плане цивилизованного решения вопроса возврата имущества или выплат компенсации.

В **Латвии** парламент принял постановление, по которому право собственности на национализированное или иначе отчужденное после 17 июля 1940г. имущество в установленном законом порядке может восстановить любой прежний собственник или его законный наследник, независимо от его места жительства и гражданства. Постановление содержало основной принцип: вначале реституция и лишь потом приватизация. Главный акцент делался на возврат собственности в натуральной форме, а не на денежную компенсацию. Домовладения согласно закону, принятому в 1991г., возвращались собственникам или их потомкам, если заявка была подана до конца 1994г. Квартиросъемщикам было позволено в течение семи лет проживать в доме собственника. К тому же не позволялось выселять нанимателей без предоставления равноценной площади.

В **Литве**, где сохранились книги учета земли, сбор доказательств был значительно облегчен. После представления последних районный совет по землеустройству принимал решение об одобрении реституции, а документы передавал в управление по землеустройству. Если земля оказывалась застроенной и

¹ По этому вопросу см. подробнее *Pogany, Istvan. Righting Wrongs in Eastern Europe. Manchester.: Manchester University Press. 1997*

должна была оставаться в собственности государства, то заявитель мог получить другой участок в том же районе или в другом, ближайшем к месту его проживания. Несколько иная ситуация сложилась с возвращением собственникам домов в городах. Собственникам пришлось заключать договоры с жильцами, и здесь зачастую возникали конфликты. Бывшие хозяева или их наследники поднимали цены на аренду. Однако государством был определен потолок этих цен. В случае, если собственник намерен провести капитальный ремонт здания или снести его, он должен предоставить жильцам другое жилье, то есть каждому купить по квартире.

В **Польше** первоначально в экономических расчетах при оценке реституции предполагалось, что поступит приблизительно 170 тыс. заявлений, стоимость затребованного имущества составит \$25 млрд. Польский закон определил, что возвращаться будет только 50% стоимости недвижимости, поэтому сумма составит лишь \$12,5 млрд, а после вычета налогов получилось \$11,7 млрд. Вместо денег государство решило раздать ценные бумаги, за которые можно было бы получить землю, недвижимость или акции приватизированных предприятий. Этими методами предполагалось предохранить бюджет от разорения, грозившего государству, если потомки по решению судов будут получать полную стоимость утраченного имущества. Здесь до сих пор важную роль играет и национальный фактор: имуществом в довоенной Польше владели многие немецкие граждане, и большинство поляков выступает против его возвращения.

В **Чехии** и **Словакии** сохранились кадастры, содержащие сведения о собственниках и, что особенно важно, о причинах конфискации их имущества. За точку отсчета выбрана дата установления коммунистического строя – 1948 год. Реституция разрешалась в ограниченный промежуток времени после вступления закона в силу: от 6 месяцев до 3 лет. Сейчас этот период завершен. Основные реституционные законы были приняты в Чехословакии, но после разделения страны в 1993г. продолжали действовать по обе стороны границы, т.е. и в Чехии, и в Словакии, с внесением минимальных поправок. В этих странах не подлежали возврату здания, занятые учреждениями (здравоохранения, культуры, спорта и т.д.). Собственникам выплачивалась компенсация.

В **Германии** оценка земельных участков менялась на протяжении многих лет, в конце концов было решено выплатить компенсацию, исходя из средней рыночной стоимости на 1990г. Для производства выплат был создан фонд, в который поступали деньги из попечительского ведомства, ведомства по доверительному управлению за счет продажи государственных предприятий, а также за счет возврата денег частными лицами, которые получили в свое время выплаты согласно закону о компенсации ущерба в годы войны. Выплаты составили около 1,6 млрд немецких марок, а общая сумма фонда – приблизительно 3

миллиарда. Кроме того, государство ассигновало на проведение реституции 5 млрд евро из госбюджета. В результате реституции в Германии 6 тысяч предприятий вернулись к исконным владельцам. Всего было проведено около 500 тыс. реституций имущества.

В Румынии был принят закон о возвращении прежним владельцам собственности, реквизируемой коммунистическими властями после 1947г. Президент страны И.Илиеску рекомендовал местным судам принимать решения в пользу законных владельцев недвижимости. Многие граждане подавали иски в суды с требованием вернуть изъятую собственность. В тех случаях, когда надзорная инстанция оспорила решение судов первой инстанции, граждане подавали жалобы в Европейский суд по правам человека и выигрывали дела [12].

Сентябрь 2009г.

Источники и литература

1. *Benvenisti, Eyal*. Principles and Procedures for Compensating Refugees: International Legal Perspectives. International Development Research Centre (IDRC). July 1999. http://www.idrc.ca/uploads/user-S/12024031131Benevisti's_Paper.doc.
2. *Lynk, Michael*. The Right to Restitution and Compensation in International Law and the Displaced Palestinians // *Refuge*. № 2. Vol. 21. 2003. p. 103.
3. *Сатановский Е.Я.*, Замкнутый круг «миротворческой дипломатии», Институт Ближнего Востока, <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/08-05-08c.htm>.
4. *Progress Report to the United Nations General Assembly*, Palestine Conciliation Commission A/1985, November 1951, §20.
5. *Gazit, Shlomo*. The Palestinian Refugee Problem. Tel Aviv: Jaffee Center for Strategic Studies, 1995.
6. *Alpher, J. and Shikaki, K.* The Palestinian Refugee Problem and the Right to Return. Cambridge, Mass.: Weatherhead Center for International Affairs. 1998.
7. *Kubursi, A.* Palestinian Losses in 1948: Calculating Refugee Compensation. Information Brief. № 81. <http://prn.mcgill.ca/research/papers/kubursi.htm>. 03.08.2001.
8. *The Impact of Return on Compensation for Palestinian Refugees*. Working Paper. Resource Center for Palestinian Residency and Refugee Rights (BADIL). July 1999. <http://www.badil.org/Publications/Monographs/paper-ottawa.htm>.
9. *Абилов Камран Ахмедага Оглы*, Проблема гражданства и правовое положение палестинцев, <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/33501>, 15.10.2003.
10. *Nazmi Ju'beh*. The Palestinian Refugee Problem and the Final Status Negotiations // *Palestine-Israel Journal of Politics, Economics and Culture*. № 2. Vol. 9. 2002. p. 8.
11. *Алек Д. Эпштейн*, Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика, М., Институт Ближнего Востока, 2005, сс. 157-158.
12. *Бимман О.С.*, Зарубежный опыт реституции, http://www.mko.ru/rus/konfer_rus25.shtml.

INTERNATIONAL PRACTICE OF THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHTS OF THE DISPLACED PERSONS TO RETURN AND THE DAMAGE COMPENSATION

Mikhail Aghajanyan

Resume

The flows of the refugees and internally displaced persons are the consequences of almost all the interstate conflicts on ethno-political ground. The issue of the restoration of the rights of these persons is politicized and it has no “easy” solutions despite the elaborated complex of the appropriate principles and norms in the international law.

The issues of the return of the displaced persons and the payment of the compensation are always closely interconnected and, as the international practice shows, they are solved being based on the ground of “adequate” or “fair” compensation principle, which implies, very often, the alternative solution to their return to the places of their residency before the conflict. The compensation not with the return but instead of the return is supposed to be the most marked in the international practice of the settlement of contemporary ethno-political conflicts which will have remained unsolved for many years and decades.

The experience of the European countries in the realization of the programmes on material damage compensation, which may serve as the example of the civilized solution of the issue of the restoration of rights of the displaced persons, seems to us, on the one hand the synthesis of all the positive what have been elaborated in that sphere for the recent years, and on the other hand (what is the most important) the balanced solution amid the long interstate conflict without reconciliation of the parties and its final resolution.

ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЕС

Анна Айвазян

В статье анализируется программа Восточного партнерства ЕС, в частности, один из ее 4 краеугольных камней – энергетическая безопасность. Энергетическая безопасность рассматривается в своем внешнеполитическом аспекте, а заключительная часть работы содержит выводы о роли программы Восточного партнерства ЕС в регионе Южного Кавказа.

1. Энергетическая безопасность как аспект внешнеполитической стратегии ЕС.

Энергетическая безопасность – одна из наиболее актуальных проблем 21 века. Особенностью проблемы энергетической безопасности ЕС является то, что, во-первых, это проблема национального масштаба, касающаяся по отдельности каждой страны-члена ЕС; а во-вторых, это проблема, имеющая наднациональный уровень и требующая выработки всеобщей энергетической стратегии европейских стран. Таким образом, решение проблемы энергетической безопасности ЕС лежит между двумя полюсами: национальной стратегией каждой отдельной страны-члена ЕС, ее двусторонними соглашениями и договоренностями с другими мировыми игроками и глобальными институтами управления, наднациональными институтами в рамках самого ЕС, международными организациями, которые заняты созданием и реализацией общего международного правового пространства в сфере регулирования энергетики.

Меры по обеспечению энергетической безопасности включают в себя, среди прочего, регулирование внутреннего рынка, диверсификацию потребления топливно-энергетических ресурсов, создание благоприятного инвестиционного климата в энергетической сфере, но основополагающий аспект европейской энергетической безопасности – это, прежде всего, обеспечение доступа к энергоресурсам.

Согласно европейской статистике, 53% потребляемых в Европе ресурсов импортируется из других стран (процент импортируемой нефти – более 83%)

[1]. Однако, как утверждает Клод Мандилль [2], наличие собственных энергоресурсов не всегда гарантирует обеспечение энергетической безопасности в полной мере, т.к. это не избавляет от внутренних рисков прекращения поставок (как это было, к примеру, в 2005г. в штатах Техас и Луизиана после разрушения нефтеперерабатывающих заводов вследствие урагана «Катрина»), справедливо указывая на то, что данный риск следует обозначить скорее как риск злоупотребления доминирующим положением и неоправданного повышения цен – что в особенности вызывает опасения в случае с Россией. Таким образом, импорт энергоресурсов не является проблемой как таковой, а решение проблемы энергетической безопасности лежит не только в увеличении энергетической эффективности и использовании альтернативных источников энергии (многие из которых значительно более дорогостоящи, как, например, биотопливо) для уменьшения зависимости от импорта энергоресурсов, а также в установлении более транспарентной системы регулирования энергетических отношений с другими странами.

Основная проблема, с которой сталкиваются любые инициативы по регулированию энергетических отношений в мире, состоит в том, что топливные ресурсы вследствие своей ограниченности являются инструментом политического манипулирования: наличие либо отсутствие энергоресурсов нередко приводят к конфликтной риторике между странами, способствуя накалу политических противоречий и ставя под угрозу стабильность во всем мире. Тогда вопрос энергетической безопасности становится национальным приоритетом стран-импортеров, и пути его решения видятся также не в последнюю очередь во внешнеполитическом взаимодействии с другими странами.

Так, в 2006г. Европейской комиссией и Высоким представителем по общей внешней политике и политике безопасности, Генеральным секретарем Совета ЕС Х.Соланой Европейскому Совету был представлен документ «Внешняя политика – на службе энергетических интересов Европы» [3], где подчеркивается необходимость использования внешних связей, диалога на двустороннем, региональном и международном уровнях, а также выработки единой согласованной энергетической стратегии между странами-членами ЕС. В январе 2007г. за ним последовало Сообщение «Энергетическая политика для Европы» [4], в котором также указывается, что энергетика должна стать центральной частью всех внешних отношений Евросоюза. В стратегическом обзоре ЕС [5] указываются несколько аспектов энергетической безопасности, требующих внимания. Это: инфраструктура и диверсификация поставок энергоресурсов, внешние энергетические отношения, хранение нефти и газа и антикризисные механизмы, энергетическая эффективность, эффективное использование внутренних

европейских ресурсов. В обзоре делается акцент на интенсификацию усилий ЕС по налаживанию внешних связей не только со странами- поставщиками нефти и газа, но также и с другими странами-импортерами энергии с целью формирования всеобщей концепции глобальной энергетической безопасности.

Важнейшая существующая на данный момент в мире проблема – наличие правового и институционального вакуума в регулировании отношений между странами в сфере энергетики. Попытки Европы говорить «одним голосом» не всегда заканчиваются успешно и связаны с проблемами институционального преобразования самого союза. Страны ЕС все чаще оказываются в ситуации выбора между сохранением национального суверенитета и формированием наднациональных институтов, которые бы занимались выработкой общей политики в важнейших вопросах, касающихся всех стран ЕС. Ситуация осложняется тем, что не существует определенного правового института, который бы в обязательном порядке навязывал странам Европы единую энергетическую политику, кроме того, у европейцев сложились разные приоритеты в формировании внешних связей со странами-экспортерами энергетических ресурсов.

Выбор инструментов регулирования энергетических отношений также зависит от многих факторов, в число которых входят естественные и экономические ограничения. К ним, например, могут быть отнесены такие факторы, как наделенность топливными ресурсами, потребление энергии на душу населения, географическое расположение; а также национальные особенности: структура энергетического сектора, институциональные рамки, в которых регулируется производство, распределение и потребление энергии, традиции, баланс сил между различными группами интересов. Значительные институциональные различия стран-членов ЕС привели к тому, в каждой отдельной стране сфера энергетики регулируется по-разному.

Как указывается в аналитическом докладе «Европейский союз: формирование внешней энергетической политики» [6], пока отсутствует достаточная правовая база реализации внешней энергетической политики Евросоюза, т.к. эта политика является реальностью не в силу действия норм первичного права Евросоюза, поэтому Еврокомиссия не имеет полномочия на проведение даже внутренней энергетической политики. Так Договор о Европейском Союзе и Договор, учреждающий Европейское сообщество – первичное право Европейского Союза, – не относят энергетику к исключительной компетенции Европейского сообщества. Таким образом, не имея достаточной правовой основы, выработка общей внешней энергетической политики ЕС не является гарантией принятия этой политики странами- членами ЕС, а тем более участниками программы каких-либо международных программ, инициированных ЕС. Таким образом, интеграция энерге-

тических рынков будет значительно усложнена необходимостью выработки общих правовых оснований и интеграции правовых систем, а также выработкой единой политики стран-членов ЕС по отношению к странам-партнерам.

В международном масштабе уже предпринимались попытки принять меры в этом направлении при помощи Энергетической хартии и Договора к ней. Однако факт неподписания договора Россией иллюстрирует отчетливо проявляющуюся тенденцию к тому, чтобы правовое поле в энергетической сфере складывалось преимущественно из двухсторонних соглашений между странами, а не регулировалось неким независимым международным институтом.

Такой вариант развития событий Европу пугает. Это можно наблюдать по некоторым сценариям развития мирового будущего, регулярно составляемых западными исследовательскими центрами. Например, как утверждается в исследовании *Study on Energy Supply Security and Geopolitics* [7], существует два базовых сюжета развития ситуации в мире: первый подразумевает интенсификацию процессов глобализации и интернационализации рынков, международную кооперацию в рамках международных политических и экономических институтов, которая в конечном итоге приведет к эволюции и все большему развитию глобальных институтов управления международными отношениями. В альтернативном сценарии регионализации мир поделен на более или менее интегрированные политически и экономически блоки, которые конкурируют друг с другом за рынки и ресурсы. Известны также, к примеру, сценарии компании *Shell* [8]. Один из них носит название *Scramble* и подразумевает все более возрастающую борьбу интересов, а вследствие нее повышение цен на энергоресурсы и энергетический кризис. Другой сценарий, *Blueprints*, фактически призывает к формированию международных институтов регулирования энергетических отношений. Таким образом, формирование отдельных региональных блоков логически связывается с нарастающими кризисами, а европейская интеграция – со стабильностью мировой системы.

Обе эти тенденции имеют место. Вопрос заключается в том, какая из них превалирует и определяет будущую ситуацию. Конечно, сценарии международной интеграции энергетических рынков и правового регулирования гораздо более соответствуют самой природе ЕС, так как способствуют либерализации экономик соседних стран, гармонизации институциональных систем и более благоприятному инвестиционному климату. С другой стороны, становится очевидно, что мир движется скорее по наиболее неблагоприятному пути, где тенденции к противопоставлению и соперничеству гораздо более существенны, чем тенденции к интеграции и гармонизации – на данный момент большинство энергетических проектов имеет политическую подоплеку, которая порой играет большую роль, чем экономическое обоснование того или иного проекта.

Усиление геополитического риска вследствие политики силы и конкуренции между ведущими мировыми лидерами, а также по причине региональных конфликтов и нарушения верховенства закона – один из главных рисков стабильности поставок энергоресурсов. Значительный вес имели и события 11 сентября, перевернувшие политику национальной безопасности США и способствовавшие еще большему росту напряжения в мире.

В случае развития сценария регионализации, осуществление задачи ЕС по обеспечению энергетической безопасности станет гораздо сложнее и потребует использования всех возможных инструментов энергетической политики, в том числе превентивных мер, мер по предупреждению кризиса, международного сотрудничества; немалую роль также сыграет внешняя политика и политика безопасности, т.к. сценарий подразумевает разделение мира в культурной, социальной, экономической сферах по идеологическим, религиозным и политическим признакам. Международные институты регулирования внешнеполитических отношений постепенно потеряют свою значимость, в энергетической сфере страны-производителя будут диктовать условия странам-потребителям, что вынудит ЕС увеличивать стратегические запасы топливных ресурсов и разрабатывать меры по предупреждению кризисных ситуаций. Данный сценарий не соответствует основным принципам ЕС: многосторонности и солидарности.

Таким образом, многочисленные программы и инициативы ЕС – такие, как политика соседства и Восточное партнерство, – один из немногочисленных способов для Европейского Союза предотвратить мир от принятия негативного сценария развития, который приведет к разладу мировой системы и созданию угроз безопасности самого союза. Успешное осуществление этих программ ускорило бы принятие реформ в энергетической сфере и создало бы единый рынок, основанный на общих правилах и регуляторах. Учитывая значительную разницу в экономическом и институциональном развитии между ЕС и странами программы Восточного партнерства, сотрудничество должно касаться не только лишь сферы энергетики, а всего комплекса политических и экономических взаимоотношений, способствуя либерализации внешнеторговых отношений, институциональному сближению стран Восточной Европы с ЕС, а также формированию общей платформы взаимодействия и общего рынка.

2. Энергетическая безопасность как основополагающий компонент Восточного партнерства

Программа Восточное партнерство берет свое начало с мая 2009г. В рамках программы планируется углубление сотрудничества с шестью странами СНГ: Арменией, Азербайджаном, Грузией, Украиной, Молдовой и Белоруссией. Все эти

страны уже были частью программы Европейское Соседство (*European Neighbourhood Policy*). Восточное партнерство должно будет еще более углубить интеграцию и подразумевает принятие мер в четырех основных направлениях. Первая из них – демократия и стабильность правящих режимов, вторая – экономическая интеграция, третья – энергетическая безопасность, и четвертая – контакты между людьми. Финансирование программы на период 2010-2013гг. определяется цифрой \$600 млн [9].

На данный момент провозглашение программы Восточного партнерства является очередным подтверждением неугасания интересов ЕС на пространстве стран СНГ и желаниа добиться более полной и всепоглощающей интеграции как в сфере внешнеполитического взаимодействия, так и в энергетике, общественно-политической жизни, экономике. При помощи Восточного партнерства ЕС выделяет своих восточных соседей в отдельную категорию.

Как указывается в подготовленном Европейской Комиссией сообщении для Европейского Парламента и Европейского совета «Восточное партнерство» [10], одним из важнейших компонентов программы будет являться обеспечение энергетической безопасности. О возможной кооперации в энергетической сфере с развивающимися странами упоминалось еще в 2002г. в сообщении Европейской Комиссии «Энергетическое сотрудничество с развивающимися странами» [11].

Так, в данном документе указывается возможность использования опыта ЕС в создании стабильного энергетического сектора в развивающихся странах, а также подчеркивается важность энергетики в достижении целей тысячелетия, борьбы с бедностью и стабильностью развития. В документе указывается проблема различий между энергетическим потреблением развивающихся стран, которые отличаются высоким ростом населения, низким потреблением и низкой эффективностью использования энергии, и развитыми странами, достигшими экономического роста за счет использования дешевой энергии в значительных количествах. Энергетическая система ЕС претерпела значительные изменения, Европейский Союз имеет значительный опыт в вопросах реформирования энергетического сектора, использования различных технологий по увеличению энергетической эффективности, выработки мер по защите окружающей среды. Под эгидой ЕС и при финансовой поддержке союза осуществляются многочисленные реформы в развивающихся странах. Таким образом, вопрос реформирования энергетической инфраструктуры и сферы регулирования энергетики мог бы стать одним из направлений программ, поддерживаемых ЕС в развивающихся странах. Важнейшее направление в данной области – это поощрение частных инвестиций и открытие рынка для частных компаний, передача технологий, а также регулирование цен на энергетические ресурсы, что в значительной сте-

пени зависит от прозрачности функционирования рынка и информированности его участников.

В рамках программы Восточного партнерства обеспечение энергетической безопасности будет включать в себя следующие компоненты. В первую очередь, это внедрение механизмов взаимной энергетической поддержки и безопасности, в том числе механизмов раннего предупреждения и реализации совместных мероприятий в сфере энергетической безопасности: тем самым ставится задача повышения уровня готовности к энергетическим кризисам. Предполагается создание комитета по вопросам энергетической безопасности. Подобная структура позволит координировать принимаемые решения с работой других европейских организацией – к примеру, группой ЕС по газу и Группой ЕС по снабжению нефтью.

Во-вторых, важнейшей составляющей программы является гармонизация энергетической политики и законодательства партнеров по вопросам электроэнергии, газа, нефти, возобновляемых источников энергии и эффективности использования энергии. Поддержка данного процесса будет осуществляться путем активизации сотрудничества с основными участниками: национальными администрациями, органами регулирования, агентствами.

И, наконец, одна из главных целей обеспечения энергетической безопасности – создание в среднесрочной перспективе взаимовыгодного взаимосвязанного и диверсифицированного энергетического рынка между ЕС и его партнерами.

Основным мотивом осуществления данной политики является фундаментальная необходимость ЕС в диверсификации маршрутов доставки и транзита энергетических ресурсов. Как указывается в документе *Green Paper Towards a secure, sustainable and competitive European network* [12], зависимость ЕС от импорта энергоресурсов требует также внимания в контексте получения доступа к энергоресурсам Каспийского региона и Центральной Азии. На повестке дня стоят такие проекты, как «Набукко» и «Южный Поток», реализация которых запланирована к 2015г.

Следует учитывать и то, что политические риски и риски безопасности инфраструктурных проектов являются основным барьером на пути инвестиционных вложений в проекты. Инвестиции являются важнейшим фактором развития инфраструктуры, однако достаточность инвестиций в энергетическую инфраструктуру не может быть обеспечена без согласия с правительствами стран, а также предоставления различных гарантий инвесторам, что также возможно при поддержке европейских структур. Существенным фактором для стран-участниц программы является уверенность в стабильности и долгосрочности отношений с ЕС – лишь тогда можно надеяться на то, что строительство и эксплуатации трубопроводов не встретит значительных преград.

Важно отметить, что проблема энергетической безопасности связана и с концепцией национальной безопасности стран, а также со стабильностью режимов власти и благосостоянием граждан этих стран. Поэтому обеспечение энергетической безопасности обязательно должно проходить совместно с программами реформ экономической и политической систем. Страны, вовлеченные в программу Восточного партнерства, отличаются существенной политической нестабильностью, что может иметь свой негативный эффект на безопасность инфраструктурных проектов в данной области.

Стоит еще раз подчеркнуть, что цель обеспечения стабильности поставок энергоресурсов не может быть осуществлена без внешних финансовых ресурсов для осуществления энергетической политики и также существенно связана с экономическим развитием стран. Развивающиеся страны не всегда могут себе позволить большие затраты на защиту окружающей среды, разработку новых технологий и модернизацию инфраструктуры – такое возможно лишь при благоприятном инвестиционном климате и внешних капиталовложениях. Так, к примеру, в вопросе Армении отказ от функционирования Мецаморской атомной электростанции ставит страну перед проблемой строительства новой АЭС либо поиска альтернативного источника энергии, что затруднительно для стран, не обладающих достаточными финансами и технологиями.

Политическая стабильность – основной аспект, который позволил бы решить ЕС значительную часть своих проблем с поставками газа и нефти. Страны, вовлеченные в Восточное партнерство, по параметру политической стабильности далеко не соответствуют определению стабильных. В частности, примером может служить нестабильная ситуация в Южном Кавказе, в Приднестровском регионе Молдовы. В силах ЕС повлиять на формирование региональной стратегии безопасности данных стран, дав им общее внешнеполитическое направление, а также выступить гарантом стабильности в данном регионе. С другой стороны, импорт европейских институтов нередко оказывается лишь на бумаге и в отчетах, а это еще раз подчеркивает необходимость стимулирования выработки собственной экономической стратегии странами-участницами Восточного партнерства и только затем согласования ее с европейскими рекомендациями.

Согласно официальным документам, основными инструментами обеспечения энергетической безопасности будут являться, в том числе, включение положения относительно «энергетической взаимозависимости» в Соглашения об ассоциации, которые будут обсуждаться с партнерами; завершение переговоров относительно членства Украины и Молдовы в Энергетическом сообществе; заключение меморандумов о взаимопонимании по энергетическим вопросам с Молдовой, Грузией и Арменией; усиление интеграции энергетического рынка Украины в энергетический рынок ЕС; реконструкция сети украинских транзитных газо- и

нефтепроводов, усовершенствование средств контроля за поступающими в Украину объемами газа и нефти; расширение диалога с Азербайджаном и сближение его энергетического рынка с рынком ЕС; доработка декларации между Европейской Комиссией и Республикой Беларусь по энергетическим вопросам.

Таким образом, основной задачей обеспечения стабильности поставок энергоресурсов в ЕС является политическая стабильность стран-партнеров, а также их интеграция в энергетическое пространство ЕС с распространением европейской системы контроля энергетических отношений на страны Восточного партнерства.

3. Оценка и перспективы развития Восточного партнерства для Южного Кавказа

Говоря об энергетической безопасности, в первую очередь не стоит надеяться на скорый успех программы Восточного партнерства в условиях, когда сам Европейский Союз все еще не обладает четко работающей моделью интегрированного внутреннего энергетического рынка. Последние годы значительно усилилась озабоченность данной проблемой, начали создаваться антикризисные механизмы, разрабатываться показатели эффективности работы энергетической инфраструктуры. Но в реальности положения данной программы могут рассматриваться как рекомендации к действию, но не детально продуманный план.

Важно, чтобы программа Восточного партнерства, накладываясь на другие многочисленные инициативы ЕС, действительно дополняла их и способствовала решению задач, поставленных перед ЕС. Речь идет о такого рода программах, как «Черноморская синергия», программе *INOGATE* и др. В отличие от них, Восточное партнерство предлагает интеграцию региона по гораздо более многочисленным параметрам.

С другой точки зрения, это скорее недостаток, чем преимущество. Так же, как и программа Европейского соседства, программа Восточного партнерства направлена на решение вопроса сближения со странами СНГ, при этом лишая их слишком больших надежд на возможное приобретение статуса члена ЕС в будущем. Отсутствие дифференцированного подхода в данном случае чревато недовольством стран-партнеров: например, его уже выразили Грузия и Украина, которые гораздо более амбициозны в своих планах стать ближе к ЕС.

В то же время существующие ранее программы, например, Черноморская синергия, в которую входят в том числе и шесть упомянутых выше стран, также имеют своей целью стимулирование демократических и экономических реформ, поддержку стабильности и т.д. Кроме того, в качестве стран-партнеров программы также выступают страны Центральной Азии, Турция, Россия (хотя она и имеет статус наблюдателя). Программа *INOGATE* имеет конкретную на-

целенность на энергетический сектор и также включает в себя в статусе стран-партнеров Армению, Азербайджан, Беларусь, Грузию, страны Центральной Азии, Украину, Россию (в качестве наблюдателя). В ее рамках осуществляются меры, которые также должны осуществляться в рамках одной из платформ Восточного партнерства – «энергетической безопасности». Таким образом, определенная платформа для сотрудничества уже существовала. На данный момент, когда ЕС столкнулся с собственными внутренними проблемами – такими, как балканский конфликт, последствия глобального финансово-экономического кризиса, неудавшееся принятие Конституции ЕС и последующее подписание Лиссабонского договора, внесшего важные институциональные изменения в сам союз, – перспективы осуществления программы Восточного партнерства, претендующей вывести отношения со странами-партнерами на новый уровень, вызывает явное сомнение. Неудивительно, что среди экспертов звучит мнение, что союзу лучше остановиться на том, что уже существовало ранее, и перейти к решению своих внутренних проблем.

Невключение Турции и России в Восточное партнерство, по мнению многих, достаточно опрометчиво. Несмотря на то, что Восточное партнерство – на данный момент шаг скорее дипломатический, попытка еще раз провозгласить сферу своих прямых интересов. На дипломатическом уровне она была достаточно успешной, однако на практике последующее осуществление конкретных действий поставлено под сомнение. Во-первых, из-за ограниченного бюджета, во-вторых, из-за отсутствия достаточного количества экспертов в странах-партнерах по вопросам институциональных преобразований, европейских стандартов и прочего. Для ЕС Южный Кавказ по-прежнему остается отдаленным географически и сложным для понимания регионом. С другой стороны, если говорить об энергетике, то Турция должна была бы являться неотъемлемой частью любых энергетических региональных проектов в виду своей возросшей транзитной роли и начавшихся переговоров с Арменией об открытии армяно-турецкой границы, а также планов Армении об экспорте электроэнергии в Турцию.

Армения сохраняет возможность быть вовлеченной в региональные энергетические проекты, Восточное партнерство, что могло бы способствовать созданию благоприятного инвестиционного климата в выработке энергетической стратегии страны, которая была бы также согласована с другими игроками в регионе.

Таким образом, мы приходим к следующему заключению. Энергетическая безопасность ЕС является стратегическим приоритетом и частью внешнеполитической стратегии союза. Несмотря на разногласия в формировании единой внешней энергетической политики, политические риски, связанные со стабильностью поставок энергоресурсов едины для всех стран ЕС. Ввиду того, что энергетическая безопасность в контексте политической и экономической си-

туации в странах-участницах программы не может рассматриваться отдельно от либерализации экономики и осуществления демократических реформ, программа Восточного партнерства представляет собой в перспективе достаточно действенную платформу сотрудничества между странами для снижения геополитических рисков, связанных со стабильностью функционирования энергетического сектора.

Несмотря на то, что программа недостаточно точно разработана и вызывает некоторые сомнения в своей успешности, сама идея интеграции ЕС со странами постсоветского пространства достаточно амбициозна и, учитывая возросшее геополитическое напряжение в мире, могла бы способствовать внешнеполитическому диалогу и стабилизации региона при условии, что одновременно с программой Восточного партнерства будет развиваться стратегическое сотрудничество ЕС и России, а также ЕС и Турции.

Для стран-партнеров представляет интерес возможность использования опыта ЕС в создании стабильного энергетического рынка, а также системы его регулирования; модернизации экономики и использовании европейского опыта институционального развития. Для стран-участниц стабильное экономическое развитие является приоритетным, так как могло бы способствовать преодолению политических конфликтов и противоречий.

Январь, 2010г.

Источники и литература

1. Directorate general for energy and transport, EU energy in figures 2009, http://ec.europa.eu/energy/publications/doc/statistics/part_2_energy_pocket_book_2009.pdf, 10.02.2009.
2. *Claude Mandil*, Report to the Prime-Minister, Energy Security and the European Union: Proposals for the French Presidency, http://pmv4.premier-ministre.gouv.fr/IMG/pdf/08-1005_Rapport_au_Premier_ministre_final_ENG.pdf, 21.02.2008.
3. Paper from Commission/SG/HR for the European Council, An External Policy To Serve Europe's Energy Interests, S160/06 of 15-16.06.2006, http://ec.europa.eu/dgs/energy_transport/international/doc/paper_solana_sg_energy_en.pdf
4. Commission of the European communities, Communication from the Commission to the European Council and the European Parliament COM(2007) 1 final of 10.01.2007, SEC (2007), An Energy policy for Europe, 12, http://ec.europa.eu/energy/energy_policy/doc/01_energy_policy_for_europe_en.pdf, 10.01.2007.
5. European Commission Energy, Energy: Second Strategic Review – Securing Our Energy Future, http://ec.europa.eu/energy/strategies/2008/2008_11_ser2_en.htm, November 2009
6. *Пашковская И.*, Европейский Союз: формирование внешней энергетической политики, Научно-координационный Совет по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России, июнь 2008.

7. Clingendael International Energy Programme (CIEP), Institute for International Relations 'Clingendael', Study on Energy Supply Security and Geopolitics, Final Report, , The Hague, the Netherlands, January 2004.
8. Shell, Shell energy scenarios to 2010, http://www-static.shell.com/static/public/downloads/brochures/corporate_pkg/scenarios/shell_energy_scenarios_2050.pdf
9. European Commission, External Relations Directorate General, Vademecum on financing in the frame of the Eastern Partnership, http://ec.europa.eu/external_relations/eastern/docs/eap_vademecum_14122009_en.pdf, 16.12.2009.
10. Комиссия Европейских Сообществ, Сообщение Европейской Комиссии для Европейского Парламента и Европейского совета Восточное партнерство COM (2008) 823 final, http://ec.europa.eu/external_relations/eastern/docs/com08_823_ru.pdf , Брюссель, 03.12.08.
11. Commission of the European communities, Communication from the commission to the Council and the European Parliament COM(2002) 408 final, Energy cooperation with the developing countries, http://europa.eu/legislation_summaries/development/sectoral_development_policies/r12008_en.htm, Brussels, 17.7.2002.
12. Commission of the European communities, Green Paper Towards a secure, sustainable and competitive European network COM(2008) 782 final, http://ec.europa.eu/energy/strategies/2008/doc/2008_11_ser2/green_paper_energy_network_en.pdf, Brussels, 13.11.2008.

EASTERN PARTNERSHIP AND ENERGY SECURITY OF THE EU

Anna Ayvazyan

Resume

This article analyzes the EU Eastern partnership programme, in particular, one of its 4 platforms – energy security. Energy security is viewed in this article from the external policy perspective. In the last part of the article the author draws conclusions about the role of the Eastern Partnership programme in the South Caucasus region.

Памятка автору

Журнал «21 Дар» публикует статьи аналитического характера, в которых преобладают темы, затрагивающие актуальные проблемы Республики Армения. *Заказанные* редакционным советом журнала статьи и материалы являются собственностью Фонда «Нораванк».

Принимаемые редакцией статьи рецензируются. Публикации журнала выражают точку зрения их авторов.

Требования к представляемым материалам

1. Статьи должны быть представлены в виде распечатки и в компьютерном наборе (*MS WORD*) шрифтом «*Sylfaen*» размером 11 и не превышать 15 страниц.
2. Со статьей обязательно представляется автобиография (*CV*) автора.
3. Страница статьи должна соответствовать формату А4 и иметь поля – по 2 см слева, справа, сверху и снизу. Межстрочный интервал – 1.5. Обязательно наличие аннотации (на языке статьи) и резюме (на языке, отличном от языка самой статьи).
4. Ссылки на использованную литературу приводятся в квадратных скобках, в сквозной нумерации по порядку их следования в статье, с указанием страниц(ы) после номера источника. Страница указывается на языке оригинала: «Էջ» (на армянском), с. (на русском), р. (на английском, французском и т.д.). Например: [1], [2, с. 11-12]. В конце статьи, в разделе «Источники и литература», приводится список использованных источников по порядку их следования в статье на языке оригинала, шрифтом 10-ого размера, например:
 1. *Մարգարյան Ա.*, Երկրի մրցակցային ռազմավարությունը սնտեսական անվտանգության համատեքստում, «21-րդ դար», # 1, էջ 5, 2003:
 2. *Шарипова Р.*, Панисламизм сегодня: идеология и практика Лиги Исламского Мира, с. 15, М., 1986.
 3. *Yasha Lange*, Media in the CIS, Center for Civil Society International, Amsterdam, 1997, from <http://www.internews.ras.ru/books/media>, Sept. 28, 1998.
5. Ссылки на интернет-источники желательно давать в сносках.
6. При языке источника, отличном от армянского, латинского алфавита и кириллицы, ссылки приводятся латинской транслитерацией. В скобках указывается перевод и язык, например: *Al-Arman fi Lubnan* (Հայերը Լիբանանում, արար.).

Редакция

«21-й ВЕК» информационно-аналитический журнал
Редакционный совет

Учредитель – научно-образовательный фонд «НОРАВАНК»
Свидетельство № 221 Государственного регистра
Министерства юстиции РА, выданное 17.05.2001г.
Адрес: РА, 0026, г. Ереван, ул. Гарегина Нжде, 23/1
Сайт: www.noravank.am
e-mail: 21dar@noravank.am, office@noravank.am
Телефон: + (374 10) 44 38 46
Факс: + (374 10) 44 04 73

Ответственная за номер – Лусине Баграмян

Подписано к печати 18.03.2010г.
Номер 2 (14), 2010г.
Тираж 300

Бумага офсетная, формат 70x100 1/16
Усл. п. л. 15. Шрифт: Sylfaen
Издательство ООО «Гаспринт»